

Николай Задонский

Денис Давыдов
(Историческая хроника)

Задонский Н. А.

Денис Давыдов (Историческая хроника) / Н. А. Задонский —
1956

Старейший советский писатель Н.А.Задонский известен читателям многими произведениями, посвященными героическому прошлому нашей страны («Горы и звезды», «Смутная пора», «Донская Либерия» и др.). Наибольшей популярностью пользуется его историческая хроника «Денис Давыдов», воссоздавшая образ замечательного русского поэта, партизана, героя Отечественной войны 1812 года. Жизнь Дениса Давыдова рисуется в книге на фоне того огромного патриотического подъема, который охватил русский народ в годы борьбы с нашествием полчищ Наполеона. С волнением читаются и те страницы хроники, которые посвящены Денису Давыдову как поэту и человеку. Книга с интересом будет прочитана самыми широкими кругами читателей.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
I	6
II	8
III	11
IV	16
V	19
VI	23
VII	26
VIII	29
IX	33
X	39
XI	44
XII	47
XIII	50
XIV	52
Глава вторая	56
I	56
II	61
III	65
IV	69
V	75
VI	79
VII	85
VIII	89
IX	96
X	100
XI	105
XII	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Николай Алексеевич Задонский

Денис Давыдов

(историческая хроника)

Денис Давыдов... примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности.

В. Г. Белинский

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

*Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил...*

Н. Языков

Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил...

Н. Языков

I

В конце ноября 1792 года полковник Василий Денисович Давыдов, командир Полтавского легкоконного полка, расквартированного в селе Грушевке, близ Днепра, получил неожиданное известие: командующим войсками Екатеринославского корпуса, в состав которого входил его полк, назначался генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов.

Новость эта полтавцами была встречена восторженно. Имя великого полководца давно уже получило широкую известность. Молниеносные суворовские марши, недавние блестящие победы при Фокшанах и Рымнике, взятие неприступного и гордого Измаила... Кого не восхищали эти славные дела, какой командир и солдат не мечтал попасть под команду Суворова! Вместе с тем все знали, как требовательно относится Суворов к службе, какими язвительными бывают его насмешки над «немогузнайками», над ленивыми и нерадивыми воинами. Назначение Суворова всех приободрило и подтянуло. В полку начались усиленные учебные занятия;

командиры и солдаты понимали, как легко, допустив малейшую оплошность, можно уронить честь полка при встрече с прославленным полководцем.¹

О дне этой встречи никто не знал. Корпусная квартира находилась в Херсоне. Там среди штабных офицеров у Василия Денисовича имелось немало друзей, которые всегда заранее предупреждали, когда начальство предполагает произвести очередной смотр или маневры. Теперь об этом нечего было и думать. Суворов своих намерений никому не сообщал, смотры производил неожиданно, среди войска появлялся внезапно.

– Тоже суворовская тактика, – улыбаясь, говорил Василий Денисович. – У нас никогда, кажется, столь успешно учения не проводились, как нынче.

Семейство полкового командира занимало в Грушевке обширный деревянный дом, построенный на скорую руку для императрицы Екатерины, останавливавшейся здесь несколько лет тому назад проездом в Крым.

Василий Денисович, небольшого роста, плотный мужчина с сильной проседью в густых черных волосах, славился веселым характером, остроумием и хлебосольством. Жена его, Елена Евдокимовна, бывши на пятнадцать лет моложе мужа, смотрела на него с обожанием, в походах редко с ним разлучалась. Дочь новороссийского наместника генерал-поручика Щербинина, она получила образование в одном из частных пансионов, много читала, отлично играла на клавикордах. Елена Евдокимовна, во всем уступавшая мужу, не разделяла его страсти к картам. Небольшие раздоры между супругами возникали чаще всего на этой почве.

Офицеры полка, среди которых были ветераны суворовских кампаний, почти каждый вечер собирались в просторном, уютно обставленном кабинете любезного командира. Разговоры между ними сводились теперь к обсуждению выигранных Суворовым сражений, к личным воспоминаниям о нем. Хозяева принимали в таких беседах живое участие. Василию Денисовичу уже приходилось служить в суворовских войсках. А Елена Евдокимовна еще девочкой встречала полководца в доме своего отца.

Но никто, пожалуй, не слушал этих рассказов с таким жадным любопытством, как кареглазый, курносый мальчик в бархатной курточке, обычно выбиравший себе местечко где-нибудь в сторонке. Мальчика звали Денисом. Он был старшим сыном Давыдовых. Ему шел девятый год.

Образ Суворова давно уже занимал воображение Дениса. А мысль о возможности в скором времени увидеть своего героя вызывала у впечатлительного мальчика даже нервную дрожь.

Познания о Суворове не ограничивались у Дениса теми рассказами, какие приходилось слушать в кабинете отца. Денис и брат его Евдоким, бывший на полтора года моложе, имели двух воспитателей. Один из них – маленький и пухленький француз Шарль Фремон – был найден и принят матерью. Другой – пожилой и степенный донской казак Филипп Михайлович Ежов – взят и приставлен к мальчикам в «дядьки» по настоянию отца. Шарль Фремон учил детей французскому языку, танцам, благородным манерам. Филипп Михайлович сопровождал мальчиков на прогулках, обучал езде на лошади, знакомил с военным делом².

Мальчики характерами и вкусами резко друг от друга отличались. Спокойный, толстенький, медлительный в движениях Евдоким предпочитал сидеть в комнате и слушать пространственные наставления французского дядьки. С пяти лет Евдоким показывал прекрасные способности к плав-

¹ Имя великого русского полководца А. В. Суворова пользовалось уже тогда большой европейской славой. Назначение Суворова командующим военными силами на юге России произвело огромное впечатление в ряде стран. В январе 1793 года русский резидент писал Суворову из Константинополя: «Слух о бытии вашем на границах сделал и облегчение мне в делах, и великое у Порты впечатление, одно имя ваше есть сильное отражение всем внушениям, кои со стороны зломыслящих на преклонение Порты к враждованию нам делаются» («Русский архив», 1878 г., кн. 2).

² У мальчиков имелись и другие учителя, преподававшие арифметику, катехизис, географию, но все же домашнее образование было очень скудным. Впоследствии сам Денис Давыдов писал: «Как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества; учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке» («Автобиография», напечатанная в собрании сочинений Д. В. Давыдова, изданном Е. Евдокимовым. СПб, 1893 г.).

ным менуэтам и котильонам, а ножкой шаркал, как «настоящий маркиз», по выражению мосье Шарля.

Денису никогда на одном месте не сиделось. Резвый и любознательный, он отличался хорошей памятью, быстро научился читать и писать, неплохо и танцевал, зато манеры, которым обучал мосье Шарль, явно ему не давались.

– Он способный мальчик, но у него нет терпения и выдержки, – говорил наставник Елене Евдокимовне, огорченной иной раз поведением старшего сына. И многозначительно, с ревнивой ноткой в голосе добавлял: – Мне кажется, его несколько портит общество этого казака...

– Что поделаешь, вы же знаете, это непереносимое желание Василия Денисовича, – вздыхала мать.

– О, я понимаю, сударыня! – восклицал мосье Шарль, прикладывая к сердцу коротенькую ручку. – Нам приходится со многим мириться... Я ничего кроме не могу сказать.

Денис и в самом деле предпочитал чопорному французу своего дядьку Филиппа Михайловича. Простой донской казак, дослужившийся к пятидесяти годам до чина сотника, Ежов участвовал во многих битвах, не раз находился в войсках Потемкина, Румянцева, Суворова, знал много любопытных историй. Филипп Михайлович, кажется, первый пробудил в мальчике особый интерес к военному делу. А его рассказы о Суворове были не менее привлекательны, чем те, которые Денису часто приходилось слышать в кабинете отца. Там какой-нибудь усатый ротмистр, подробно повествуя о Кинбурнской битве или штурме Измаила, говорил о Суворове как о гениальном полководце, стратегия и тактика которого определяли успех. Филипп Михайлович неизменно останавливался на иных качествах Суворова, снискавших ему необыкновенную популярность и любовь среди солдат российской армии.

Суворов, не боявшийся в глаза насмехаться над могущественными сановниками, относился к «нижним чинам» по-человечески, без тени высокомерия и надменности, свойственных в то время большинству дворян-офицеров. Суворов был строгим, требовательным командиром, но никогда не допускал, чтобы строгость и требовательность переходили в жестокость: сам он ни разу не ударил солдата. В походах и лагерях Суворов жил среди войска, на виду у всех. Спал на охапке сена, питался из солдатского котла, говорил народным языком.

Таким представлялся маленькому Денису образ любимого полководца по рассказам дядьки.

II

Зима и весна прошли в беспокойном ожидании. Суворов словно забыл о кавалерии, стоявшей у села Грушевки. А ведь здесь помимо Полтавского располагались Переяславский конноегерский, Стародубский и Черниговский карабинерные полки.

От знакомых штабных офицеров Василию Денисовичу стало известно, что Суворов совместно с инженером Деволантом занят постройкой крепостей в Приднестровье и до осени вряд ли сумеет произвести маневры. Об этом Василий Денисович никому не сказал. Нельзя же расхолаживать людей, столь ревностно овладевающих военными знаниями, чтобы при встрече с командующим не ударить лицом в грязь!

В мае, как обычно, полтавцы перешли в лагерь, расположенный близ села. Боевые учения и марши проводились днем и ночью. Денис, находившийся в лихорадочном состоянии и грезивший Суворовым, обратился с просьбой, чтобы его и брата отец взял к себе в лагерь. Василий Денисович, понимавший настроение сына, охотно согласился. Мать тоже не возражала. Пожить детям на свежем воздухе всегда полезно. К тому же, сказать по правде, Елена Евдокимовна хотела немного отдохнуть от шума и вечных проказ Дениса. Как только наступили теплые дни, Денис и Евдоким в сопровождении своих воспитателей переселились в лагерь.

ную палатку. Мать осталась дома с младшими – трехлетней Сашенькой и Левушкой, которому недавно пошел второй год.

И вот, проснувшись однажды ночью, Денис услышал какой-то странный шум. Мальчик выбежал из палатки – и остолбенел: весь полк был на конях. Призывно играли трубачи. Командиры и солдаты находились в крайнем возбуждении. Оказалось, Суворов поздно вечером приехал из Херсона и, остановившись верстах в десяти от полтавцев, приказал всем полкам немедленно прибыть на маневры.

Спустя несколько минут в лагере уже никого не было. От досады Денис кусал губы. Рассчитывать сегодня на встречу со своим героем не приходилось. А так хотелось увидеть Суворова!

Полк возвратился в тот день к полудню. Василий Денисович, сопровождаемый офицерами, вошел в палатку усталый, запыленный, но сияющий и довольный. Полтавцы показали себя молодцами, заслужили благодарность. Недаром столько времени прилежно готовились. Оживленным разговорам о маневрах не было конца.

Денис сидел молча. Ему не терпелось поговорить с отцом о своем желании видеть Суворова, но он никак не мог выбрать удобной минуты. Заметив беспокойный взгляд сына, Василий Денисович сам разгадал его мысли.

– Ну что, дружок? – ласково обратился он к мальчику. – Хочется посмотреть маневры?

Денис, красный от волнения, благодарно взглянул на отца и молча кивнул головой.

– Что ж, это, пожалуй, можно устроить, – продолжал Василий Денисович. – Александр Васильевич ночует у черниговцев; там и поле рядом, где завтра будем отличаться. Поезжайте пораньше утром в коляске...

Денис торжествовал. Брат Евдоким, остававшийся до сих пор невозмутимым, тоже заинтересовался предстоящей поездкой. Мальчики сговорились не спать всю ночь, но, разумеется, не выдержали. Их с трудом разбудили перед рассветом, когда полк выступил уже из лагеря.

Охотников поглядеть на маневры собралось немало. Поросший пылью и дикой ромашкой пригорок, откуда все обширное маневровое поле было видно как на ладони, заполнился чуть свет народом из ближних сел и деревень.

Мальчикам удалось выбрать удобное для наблюдений местечко, однако, как они ни напрягали зрение, разглядеть что-нибудь в густых клубах пыли, поднятой кавалерией, было невозможно. Лишь изредка среди скачущих кавалеристов появлялся какой-то всадник в белой рубашке, и тогда вокруг раздавались восторженные возгласы:

– Вот он, вот он! Батюшка наш Александр Васильевич!

Между тем солнце поднялось высоко, обещаая знойный день. На небе – ни облачка. Сухой ветер обжигал лица. Горячая пыль слепила глаза. Мальчики, уставшие и разочарованные, спускались с пригорка к лагерю, намереваясь отправиться домой. И вдруг в толпе произошло движение, все куда-то побежали и закричали:

– Скачет! Скачет!

Денис повернулся и сразу увидел Суворова. На калмыцком коне он скакал к тому месту, где стояли мальчики. Суворов был в простой белой рубашке, довольно узких полотняных брюках, тонких ботфортах и легкой солдатской каске. На нем не было ни ленты, ни крестов, ни медалей.

Денис с замирающим сердцем смотрел на полководца. Глаза мальчика радостно светились. Оригинальные черты Суворова запомнились ему навсегда. Сухое, продолговатое, в частых морщинах, лицо полководца отличалось особой выразительностью. А высоко поднятые брови и небольшой рот, по обе стороны которого залегли глубокие складки, придавали этому лицу необъяснимое очарование. Большие светлые глаза словно искрились. Вся фигура, взгляд, движения поражали необычайной живостью, каким-то юношеским проворством и задором.

Суворова сопровождали штабные офицеры, адъютанты, ординарцы, а также командиры маневрирующих полков. Среди них находился и Василий Денисович.

Когда взмыленный калмыцкий конь поравнялся с мальчиками, один из адъютантов Суворова, скакавший следом за ним, крикнул:

– Граф! Посмотрите, вот дети Василия Денисовича!

– Где они? Где? – живо отозвался Суворов, сдерживая лошадь.

Денис смело шагнул вперед. Брат последовал за ним. Подскакавший на черкесском коне Василий Денисович представил мальчиков:

– Этот старший – Денис, ваше сиятельство... А младшего назвали Евдокимом, в честь деда...

Добрая улыбка озарила лицо полководца. Он важно перекрестил ребят, протянул маленькую сухую руку. Они почтительно ее поцеловали.

– Любишь ли ты солдат, друг мой? – обратился Суворов к Денису.

– Я люблю графа Суворова, – весь сияя восторгом, прерывающимся от волнения тонким голосом крикнул Денис, – в нем все: и солдаты, и победа, и слава!

– О, помилуй бог, какой удалой! – сказал с улыбкой Суворов. – Этот будет военным человеком! Я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот, – указал он на Евдокима, – пойдет по гражданской службе.

И, продолжая улыбаться, Суворов круто повернул коня и поскакал дальше, сопровождаемый свитой.

Денис, взволнованный встречей, весь день провел словно во сне. Слова Суворова поразили впечатлительного мальчика. Он не мог ничем заниматься, был тих и послушен необычайно.

А вечером опять ожидала приятная новость. Отец, возвратившись домой с маневров, объявил:

– Завтра Александр Васильевич у нас обедает.

В доме поднялся переполох. Казалось бы, приготовить обед для такого нетребовательного и скромного человека, каким был Суворов, не представляет особых трудностей. Но именно нетребовательность и простота знаменитого гостя беспокоили Давыдовых. Тот богатый, широкий образ жизни, который они вели, никак не соответствовал привычкам и вкусам Суворова. Нужно было не только позаботиться о любимых и простых кушаньях, но и соответствующим образом подготовить весь дом. Хозяева знали, что Суворов не терпит роскоши. Поэтому мягкую мебель, драгоценные вещи и безделушки из комнат убрали. В гостиной поставили один круглый стол с постными закусками, графином водки и рюмками «благородного» размера. В столовой посредине комнаты установили длинный стол, накрытый на двадцать три прибора. Никаких ваз с фруктами, лишней посуды, даже суповых мисок ставить на стол у Суворова не полагалось. Кушанья должны были всем подаваться «кипячие», прямо из кухни, с огня.

В отдельной комнате были приготовлены ванна, привезенные заранее из лагеря простыни, белье и одежда.

Суворов прямо с маневров, закончившихся в семь часов утра, раньше всех прискакал в Грушевку с одним из своих ординарцев. И сразу прошел в комнату, где помещалась ванна.

Вскоре начали съезжаться генералы и офицеры, приглашенные на обед. Все были в парадной форме и шарфах. Василий Денисович и Елена Евдокимовна принимали в гостиной. Тут же находились и принаряженные старшие мальчики и дичившаяся всех маленькая Сашенька.

Суворов на этот раз появился совсем в другом виде, чем вчера. Генеральский расшитый золотом мундир – нараспашку. По белому летнему жилету – лента Георгия первого класса. Заметив хозяйку, Суворов быстрыми шагами направился к ней, расцеловал в обе щеки.

– Красавица! И на отца похожа, – улыбнувшись, заметил он. – Помню, помню... С покойным твоим батюшкой не раз хлеб-соль водили... Ну, а эти, – он повернулся к мальчикам, – мои знакомые... Какие славные!

Денис стоял впереди, вытянувшись по-солдатски: руки по швам, грудь колесом. «Спросит сегодня о чем-нибудь или не спросит?» – думал беспокойно он, неотрывно наблюдая за каждым жестом Суворова. Но ожидания были напрасны. Суворов не спросил. Он лишь окинул Дениса беглым взглядом и, усмехнувшись, повторил:

– Этот будет военным человеком! Вижу! Я не умру, а он три сражения выиграет!

Маленькая Сашенька, держась за мать, с любопытством смотрела на чужого дядю. Елена Евдокимовна ее представила:

– Это наша младшая, Сашенька...

Суворов наклонился, нежно погладил ее по голове.

– Что с тобой, моя голубушка? Что ты так худа и бледна?

– Лихорадка покоя не дает, – пояснила мать.

– Это нехорошо! Надо лихорадку высечь розгами, чтобы она ушла и не возвращалась к тебе, – обратился Суворов к девочке.

Сашенька поняла слова по-своему, неожиданно сморщила лобик и чуть не заплакала. Мать взяла ее на руки.

А Суворов, спокойно подойдя к столу, уставленному закусками, налил рюмку водки, выпил одним духом и стал так плотно завтракать, что смотреть любо. Все последовали его примеру³.

Так второй раз видел Денис великого полководца. С той поры мальчик считал, что судьба его решена окончательно: он должен стать военным.

III

Денис родился в Москве 16 июля 1784 года¹. Еще в детстве от отца он узнал, что Давыдовы принадлежат к одному из старых дворянских родов. Отец уверял, будто по прямой линии они происходят от татарского князя Тангрикула Кайсыма. У Кайсыма был сын Минчак. Он выехал из Большой орды на службу к великому князю московскому, крестился, стал называться Симеоном Косаевичем. А его сын, Давыд Симеонович, положил начало фамилии.

Многие Давыдовы за верную службу царям московским были «жалованы» дальними вотчинами, служили стольниками и воеводами. Дед, Денис Васильевич, принадлежал к числу просвещенных людей своего времени. Он знал несколько языков, имел большую библиотеку. Водил дружбу с Ломоносовым. И не жалел средств на образование детей.

Кроме Василия Денисовича у него имелись еще два сына и дочь. Все они брачными узами соединились с известными тогда фамилиями. Мария Денисовна находилась в первом браке за смоленским дворянином, ротмистром в отставке, Михаилом Ивановичем Каховским. От этого брака остался у нее сын – Александр Михайлович, один из любимых адъютантов Суворова. Вторично Мария Денисовна вышла замуж за Петра Алексеевича Ермолова, от которого родился известный впоследствии Алексей Петрович Ермолов. Лев Денисович, будучи офицером, женился на племяннице всемогущего Потемкина, Екатерине Николаевне Самойловой, по первому браку – Раевской.

Родственные связи широко открывали Василию Денисовичу двери аристократических салонов. Он имел возможность встречаться с видными военными и общественными деятелями екатерининского времени, о чем любил рассказывать в семейном кругу.

³ Встреча с А. В. Суворовым написана по воспоминаниям самого Д. В. Давыдова. Слова полководца и все характерные детали взяты из Давыдовского текста (статья «Встреча с великим Суворовым»).

Владея несколькими имениями в Московской, Орловской и Оренбургской губерниях, Василий Денисович считался человеком богатым. Когда Давыдовым приходилось жить в Москве, их старинный барский особняк на Пречистенке постоянно светился праздничными огнями. Знакомых наезжало много. Веселый шум, музыка не смолкали ни днем ни ночью. Балы, пикники, псовая охота – все на широкую ногу.

Детские годы Дениса ничем не омрачались. Отец любил его, баловал, на проказы смотрел сквозь пальцы.

Вскоре после памятного посещения Полтавского полка Суворовым Василий Денисович получил чин бригадира и надеялся в ближайшее время принять под команду одну из кавалерийских дивизий, стоявших близ Москвы, о чем давно уже хлопотал. Василий Денисович любил Москву, постоянно о ней скучал. Но неожиданно все изменилось.

6 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил сын ее Павел, сумасбродный характер которого давно всем был известен. Екатерина не допускала его к государственным делам. Павел относился к матери враждебно, резко осуждал и ненавидел всех ее фаворитов, зато обожал короля прусского Фридриха, считал его величайшим полководцем в мире и старался во всем ему подражать. Павел жил в Гатчине, где проводил «военные занятия» по методам прусского короля, в войсках которого «солдаты боялись палки капрала более, чем пули противника».

Рассказывали, будто, узнав о смерти Екатерины, Павел примчался во дворец, не снимая шляпы, с палкой в руке, молча, со зловещим видом прошел мимо собравшихся придворных в комнату умершей императрицы. Затем вышел и, повернувшись на каблуках, стукнув палкой, сильным голосом возгласил:

– Я ваш государь! Попа сюда!

Так началось новое царствование, не предвещавшее ничего доброго. Любимец императора, невежественный и жестокий, Аракчеев, произведенный в генералы, был назначен петербургским комендантом. Аракчеев поселился в Зимнем дворце. Осматривая боевые знамена, покрытые славой прошлых походов, Аракчеев презрительно усмехнулся:

– Екатерининские юбки...

Всех, кто так или иначе – родством, дружбой, знакомством – был связан с екатерининскими деятелями, постигла опала.

Василий Денисович чуть ли не каждый день получал печальные известия. Выслан из Петербурга брат Владимир Денисович. Уволен со службы брат Лев Денисович, а его пасынок, Николай Николаевич Раевский, служивший на Кавказе, отставлен.

Приезжавшие из Петербурга передавали, что столица превращена в военный лагерь. На заставах приказано построить шлагбаумы, учредить караулы. Гвардию переодели в прусскую форму, заставили мочить волосы квасом, посыпать мукой, пристраивать к вискам войлочные букли, а сзади – на железном пруту – подвязывать косу. Солдата, чтобы выровнять его фигуру, зажимали в станок, а под колени, чтоб не стибал ноги на параде, подвязывали лубки. С раннего утра звонко били барабаны. Вахтпарады и военные экзерциции сопровождались невиданными жестокостями. Аракчеев за малейшую провинность собственноручно вырывал усы у гренадер.

– Солдат есть простой механизм, артикулом предусмотренный, – поучал Павел командиров.

Фельдмаршал Суворов, вызванный во дворец, отказался от немецкого мундира и ответил едкой насмешкой:

– Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, а сам я не немец, а природный русак.

Павел сослал его в Кончанское. Тысячи офицеров, разделявших взгляды полководца, были уволены из гвардии и армии⁴.

⁴ За три года Павел уволил со службы 7 фельдмаршалов (среди них Румянцева, Суворова, Каменского), 333 генерала,

В доме Давыдовых стало тихо. Василий Денисович ходил сам не свой. Дурные вести следовали одна за другой. Арестован племянник Александр Михайлович Каховский, посажен в Петропавловскую крепость другой племянник – подполковник Алексей Петрович Ермолов. Оба были горячими сторонниками суворовских методов. Оба в мать, Марию Денисовну, остры на язык. Василий Денисович, тяжело вздыхая, чувствовал, что гроза его тоже не минует. И не ошибся. Дошла очередь и до него.

Приехали какие-то люди в гатчинской форме. Сначала отрешили от должности. Потом устроили ревизию. Василий Денисович в хозяйственных делах разбирался плохо и терпеть не мог бумажной волокиты. Возможно, в канцелярии на самом деле было что-то запущено. Ревизорам на руку. Отмечая каждую оплошность, они насчитали около ста тысяч казенных денег за полковым командиром и определили отдать его под суд.

Василия Денисовича от такого известия, полученного уже в Москве, куда переехала семья, чуть удар не хватил. Оправившись, он едет в Петербург с намерением добиться аудиенции у императора, найти у него защиту.

Но в Петербурге нашлись благоразумные люди. Они доказали, как невыгодна была бы для Василия Денисовича подобная встреча.

– Ваши племянники, Каховский и Ермолов, – под секретом сообщили Василию Денисовичу, – обвиняются в том, что состояли в тайном обществе, подготовлявшем насильственное устранение государя и введение такого правления, как во Франции...

– Но я же никогда не был сторонником таких мер! – воскликнул испуганный Василий Денисович.

– Посему вы и не находитесь в крепости, как они, однако согласитесь, государь не может относиться к вам, близкому родственнику заговорщиков, с прежним доверием⁵.

2260 офицеров. Многие другие поспешили сами выйти в отставку. Общее число уволенных и ушедших из гвардии и армии генералов и офицеров достигало 12 тысяч («Русская старина», 1877 г., статья «Военные деятели 1796 – 1801 годов»).

⁵ Александр Михайлович Каховский, служивший при штабе А. В. Суворова, принадлежал к числу верных учеников и близких людей великого полководца. Одаренный «умом выше обыкновенного», превосходно образованный, имевший множество друзей среди офицеров, полковник Каховский при вступлении на престол Павла попытался уговорить Суворова «взбунтовать войска и восстать против государя». Однажды Каховский, явившись к Суворову, сказал ему:– Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу? Суворов, услышав такие слова, подпрыгнул и перекрестил Каховского. – Молчи, молчи, – сказал он, – не могу! Кровь сограждан! Но Каховский не оставил своих намерений и, «имея план к перемене правления», стал действовать самостоятельно. Ему удалось, главным образом из офицеров воинских частей, расквартированных в Смоленской губернии, создать довольно значительную, едва ли не первую в России, тайную антиправительственную организацию. В Центральном государственном архиве древних актов хранятся чрезвычайно интересные материалы следствия, произведенного в 1798 году генерал-лейтенантом Ф.И.Линденером по делу «смоленских заговорщиков». Из этого дела (фонд Госархива, разряд VII, № 3251) видно, что «смоленские заговорщики» не ограничивались одной подготовкой убийства всем ненавистного Павла, их цели были значительно шире. Сам генерал Линденер называет заговорщиков «якобинцами» и «приверженцами вольности», свидетельствуя, что на своих собраниях они произносили «вольные или, паче сказать, дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости и об образе правления», а также производили «чтение публичное в своей квартире запрещенных книг, как-то Гельвеция, Монтескье, «натуральную систему» и прочие таковые книги, развращающие слабые умы и поселяющие дух вольности, хваля французскую республику, их правление и вольность...» (лист 298). Тайные группы, создаваемые А. М. Каховским, соблюдали строгую конспирацию. Большинство членов имели условные имена, так, например, Каховский был известен по кличке «Молчанов», капитан Стрелевский – под кличкой «Катон», Алексей Петрович Ермолов, тоже находившийся среди заговорщиков, звался «Еропкиным» и т. д. Переписка участников тайных групп зашифровывалась, новые члены принимались после тщательной предварительной проверки. Как видно из материалов следствия, в тайных группах состояло свыше тридцати человек, однако Линденер не без основания предполагал, что их значительно больше, и только по не зависящим от него обстоятельствам ему не удалось выявить всю тайную организацию «от Калуги до литовской границы и от Орла до Петербурга», как предполагал генерал. «Смоленские заговорщики» проводили антиправительственную пропаганду не только среди офицеров, но делали попытки обращаться и непосредственно к народу. В одном из своих донесений Линденер сообщает: «Каховский и Замятин, который, конечно, во всем есть подражатель той шайки, едучи по дороге, разговаривали с извозчиком, не иначе как в намерении их возмутить против государя императора, о умножающихся налогах и угнетениях и что при нынешнем правлении будто против прежнего народ отягощен, на что извозчик сей отвечал: «каково вам, дворянам, таково и нам». За сие Каховский, мужика обняв, поцеловал в бороду» (лист 182, оборот). Император Павел расправился со смоленскими «якобинцами» сурово. А.М.Каховский был лишен чинов, дворянства и навечно заточен в Динамундскую крепость. Такому же наказанию были подвергнуты другие главари; остальные заговорщики, в том числе Ермолов, были сосланы в раз-

Василий Денисович согласился. Искать аудиенции у Павла не решился. Вообще времена переменялись. Будучи таким же ярым крепостником, как и мать, искореняя «вольнодумство» и «якобинство», Павел в то же время сильно ущемлял права крупнопоместного дворянства. Он запретил поездки за границу, казнил и миловал, как хотел, вмешивался в частную жизнь. Приказывал жителям столицы в определенный час вставать, обедать, ложиться спать. Да еще и меню обедов предписывал. Однажды, вальсируя на балу с княжной Лопухиной, Павел поскользнулся и упал. На другой день особым приказом танцевать вальс строжайше всем запретил. Самодурство Павла не знало пределов. Даже близкие к нему люди выражали тайно свое недовольство. Из уст в уста передавали, будто великий князь Константин Павлович высказался про отца:

– Он объявил войну здравому смыслу с намерением никогда не заключать с ним мира и перемирия...

Василию Денисовичу посоветовали, что лучше всего, не дожидаясь решения суда, заложить часть своих имений, уплатить насчитанные на него деньги. Он так и поступил. Но стоило заложить подмосковную, как сразу же выявились значительные частные долги. Проигрывая в карты, Василий Денисович частенько выдавал долговые обязательства. Некоторые из кредиторов, узнав о закладе имения, подали эти обязательства ко взысканию. Общая сумма долгов возросла. Пришлось продать остальные поместья. И все же, хотя судебное дело прекратили, полностью расплатиться не удалось. За Василием Денисовичем осталось около тридцати тысяч казенного долга; выплатить эти деньги он обязался в рассрочку.

Вместо проданных имений Василий Денисович купил в Можайском уезде у помещика Савелова небольшое село Бородино, сам взялся за хозяйство. Кроме того, осталась орловская деревушка Денисовка. С ней Василий Денисович не захотел расстаться: там прошло его детство.

Однако доходы от этих имений были незначительны. Положение семьи резко ухудшилось. Пришлось отказаться от прежнего образа жизни и от многих старых привычек.

Денису шел уже пятнадцатый год. Несмотря на изменившиеся обстоятельства, он по-прежнему думал лишь о военной карьере. Денис был мал ростом, но крепко сложен. Он старался всячески себя закалять. По-суворовски вставал чуть свет, обливался холодной водой, спал на жесткой постели. Научился превосходно обращаться с оружием, метко стрелял, а на лошади ездил, как опытный кавалерист. Отец не раз любовался его молодецкой посадкой.

Летнее время Давыдовы проводили теперь в Деиисовке или Бородине. Бородино нравилось Денису больше: там как-то привольнее дышалось, а какая чудесная была охота! Денис мог сутками не слезать с коня, рыская за лисами и зайцами по обширным бородинским полям.

Однажды день охоты для него выдался неудачный. Ни одного зайца затравить не удалось, дважды стрелял и обидно промазал; к тому же лошадь неизвестно почему начала сильно прихрамывать. Последнее обстоятельство Дениса особенно огорчало. Он знал, что в глазах отца, болезненно любившего лошадей, человек, хотя бы случайно повредивший коня, сразу терял цену.

Возвращаясь под вечер домой, Денис нагнал по дороге босоногого деревенского мальчика, нагруженного огромной вязанкой хвороста. Заметив подъехавшего сзади молодого

ные города на поселение. Для Василия Денисовича Давыдова это дело, в котором были замешаны два родных племянника, не прошло бесследно. Член тайной организации капитан В.С.Кряжев в своих показаниях сообщил следователю, что Каховский, задумав военное восстание, прежде всего «хотел ехать в Полтаву, где дядя его, Давыдов, стоял с легкоконным полком, и если б он с полком своим не пошел к Суворову, и сам бы принял полк и с ним пошел» (лист 199). Император Павел, уведомленный об этом показании, конечно, не мог уже оставить В.Д.Давыдова на прежней должности. Именно в этом кроется истинная причина внезапной ревизии и последующего разорения Давыдовых. Более подробно об этом же деле см. статью Т.Г.Снытко «Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века», опубликованную в журнале «Вопросы истории» № 9 за 1952 год. Небольшая разница в цитатах этой статьи с нашими объясняется тем, что, просматривая дело в подлиннике, мы выписывали цитаты или более полно, или более сокращенно.

барина, мальчик посторонился, опустил свою ношу на землю и, тяжело дыша, вытирая рукавом посконной рубахи обильно катившиеся по лицу капли пота, с любопытством стал смотреть на Дениса.

Он был примерно в одних с Денисом годах, только чуть повыше ростом и поуже в плечах. С открытым, почерневшим от загара лицом, светловолосый, голубоглазый, он невольно располагал к себе.

Остановив лошадь, Денис полюбопытствовал:

– Куда же ты столько хворосту несешь?

– Известно, домой... Нужно на зиму-то припасать...

– А сам откуда?

– Бородинский... Савелия-кузнеца большак, Никишка, – бойко отозвался мальчик и, сделав шаг вперед, неожиданно спросил: – А чего это с конем у вас приключилось?

Денис рассказал. Никишка внимательно выслушал, поскреб в затылке и посоветовал:

– Надо моему деду Михею показать... Он всякие снадобья знает и враз коня поправить может...

– А живете вы далеко?

– Да вон она, хата наша, – указал Никишка на выглядывавшую из-за пригорка соломенную крышу. – Почитай, на самом отшибе села построились.

Денис советом воспользовался. И не раскаялся. Дед Михей, высокий, седобородый и радушный старик, осмотрев коня, обнаружил обычный малый вывих и выправил его без труда.

– Где же ты, дедушка, лекарить обучился? – спросил Денис.

– И-их, баринок, – ответил с легкой усмешкой старик, – за тридцать годов в солдатах чему не научишься... Оно верно говорится, что солдат на все руки мастак: шилом бреется, дымом греется...

– В каких же войсках тебе служить пришлось?

– В конных грендерах состоял... С покойным Салтыковым-генералом еще походы делал, немцев били... Потом с Румянцевым турок замиряли... Много кой-чего на белом свете повидать довелось, баринок! Захаживай, коли милости твоей угодно солдатские банки послушать...

Денис с той поры стал частенько навещать старика. Привлекали не только любопытные военные истории, но и особенное умение их рассказывать. Простой, образный народный язык, меткие словечки, шутки и прибаутки деда Михея крепко запоминались, обогащая невольно язык самого Дениса. Да и Никишка все более удивлял своей смысленостью: то лисий или волчий выводок выследит, то еще чем угодит.

Денис упросил отца сделать Никишке сапоги и подарить старое ружье. Вскоре Никишка сделался постоянным товарищем в охотничьих забавах.

Впрочем, Денису приходилось участвовать и в большой, настоящей охоте, которую устраивал Василий Денисович совместно с соседями-помещиками.

Поездка куда бы то ни было вместе с отцом доставляла Денису большое удовольствие. Отношения между ними не оставляли желать лучшего. После происшедших изменений в судьбе отца привязанность к нему Дениса возросла. Да и отец, кажется, любил старшего сына больше других детей.

Однажды они поехали в коляске к соседу-помещику покупать лошадей. Денис оказался хорошим помощником. С видом знатока он осматривал каждого коня, подавал весьма дельные советы. Когда возвращались обратно, Василий Денисович сказал:

– Ну вот, дружок, ты становишься совсем взрослым. И, право, нам давно следует поговорить о твоём будущем...

Денис насторожился. Он никогда не скрывал от отца своего твердого решения идти на военную службу. Зачем же затевался такой разговор?

– Вы знаете, батюшка, – тихо и почтительно ответил он, – я буду служить...

Василий Денисович грустными глазами посмотрел на сына и тяжело вздохнул:

– Я понимаю... Но тебе известно, дружок, как ограничены наши средства. А чтобы не умалить своего достоинства, молодому офицеру, особенно гвардейцу, необходимы лишние расходы... И немалые. Знаю по себе... – Он сделал короткую паузу, вытер платком лоб и с неожиданной резкостью добавил: – Достоинства же своего и чести Давыдовы никогда не роняли! Запомни!

– Чего же вы желаете, батюшка? – низко склонив голову, дрогнувшим голосом спросил Денис.

– Я желаю, чтобы ты сам хорошенько подумал, – произнес Василий Денисович. – Есть много способов служить с пользой для отечества и необременительно для семьи... Мне сообщили, что тебя и Евдокима можно записать в архив иностранной Коллегии...

– Нет, нет, батюшка! – горячо перебил Денис, схватив руку отца. – Я избрал военное поприще. Я не прошу ничего, кроме вашего благословения! Я соглашусь скорее служить простым солдатом, чем сидеть в канцеляриях... Мне даже слово это противно... Не принуждайте меня, батюшка!

Взволнованность сына до глубины души тронула Василия Денисовича. Он понял, что никакие уговоры не помогут. Да и сам на месте сына поступил бы так же! «Что ж, может быть, прав окажется Суворов, пусть идет мальчик своей дорогой. Одного как-нибудь устроим, а Евдокима определим в гражданскую».

И Василий Денисович нежно привлек к себе сына, поцеловал в горячий лоб:

– Успокойся, дружок... Неволить тебя никто не собирается. Пусть будет по-твоему!

IV

Среди московских знакомых Василия Денисовича своим умом и образованностью выделялся симбирский помещик и масон Иван Петрович Тургенев. Когда-то он принадлежал к кружку известного просветителя Николая Ивановича Новикова, был за это даже выслан и лишь недавно опять появился в Москве.

Денис подружился со старшими его сыновьями – Андреем и Александром, учившимися в Московском университетском пансионе. Мальчики были общительны, любили поспорить на литературные и философские темы. Правда, многие вопросы, интересовавшие братьев, Денису были непонятны и чужды, но литература его увлекала. Братья наизусть читали стихи Державина, басни Хемницера и Дмитриева. Они познакомили Дениса с альманахами, изданными Николаем Михайловичем Карамзиным. Андрей Тургенев, бывший года на три старше одноклассника Дениса и Александра, сам пробовал сочинять. Некоторые его стихи уже печатались.

Как-то раз Александр, всегда оживленный и любезный, встретив Дениса, сказал:

– Приходи вечером к нам... Один пансионный приятель свои стихи читать будет... Чудо! Гений! Сам Карамзин хвалит!

Денис, давно подметивший в Александре склонность всех производить в гении, приглашение все же принял и вечером отправился к Тургеневым.

Юноша, которого он там встретил, произвел приятное впечатление. Среднего роста, волосы темные, густые, лоб широкий. В продолговатых восточных глазах задумчивость. С толстых, но правильно очерченных губ, казалось, не сходила легкая и добрая улыбка.

Дениса представили. Юноша приветливо протянул руку:

– Василий Жуковский.

Андрей Тургенев тотчас же поправил:

– Не Жуковский, а Жуковский. Карамзин говорит – так более правильно и благозвучно. Василий Андреевич Жуковский.

Денис заметил, как юноша почему-то смутился, покраснел и, опустив глаза, поспешно открыл лежавшую перед ним книжку.

В комнате находилось еще несколько товарищей братьев Тургеневых. Среди них самый старший – Александр Воейков. Он беспрерывно суетился, размахивал руками. Маленькие черные глазки смотрели на всех насмешливо. А самым младшим был десятилетний мальчик, сидевший смирно в углу на широком диване. Это брат Тургеневых, Николаша. Серыми строгими глазами он молча наблюдал за всеми и кусал ногти на коротких пальцах. Денис вспомнил, как возмущался мосье Шарль, отучавший его самого от этой привычки, и невольно улыбнулся мальчику. Но тот не обратил на него внимания и продолжал свое занятие, пока брат Александр не сказал ему:

– Николаша!, Пальцы! Сколько раз тебе говорили!

Мальчик, ничуть не смутившись, медленно опустил руку.

Выражение лица его осталось серьезным.

Жуковский начал читать. Голос у него мягкий, приятный, а стихи печальные.

В туманном сумраке окрестность исчезает,
Повсюду тишина, повсюду мертвый сон.

Товарищи слушали молодого поэта с напряженным вниманием. Светлые круглые глаза Андрея скоро сделались влажными. Александр Тургенев, сидевший рядом с Денисом, несколько раз толкал его в бок и восторженно шептал:

– Я же тебе говорил! Прелесть! Чудо! Гений!

Когда Жуковский кончил читать, его окружили, начали поздравлять. В комнате стало шумно. Все наперебой старались сказать что-нибудь приятное молодому поэту. Андрей, взволнованный и раскрасневшийся, крикнул даже, что теперь сам Карамзин может подавать в отставку. Один лишь Николаша, соскочив с дивана, заметно прихрамывая на левую ногу, молча скрылся из комнаты.

Денис испытывал какое-то странное чувство. Стихи, по правде сказать, ему не понравились, но в то же время он немного завидовал Жуковскому. Мысль, что этот тихий и приятный юноша, его ровесник, уже вышел на дорогу к славе, задела самолюбие. К славе Денис был ревнив! Чары поэзии не коснулись еще пылкого сердца, а любопытство к стихам пробудилось. Созревало страстное желание самому попробовать свои силы в стихах. Разумеется, никому в этом Денис не признавался. Но, прощаясь с Тургеневыми, взял у них несколько новейших альманахов и книг. И две недели прилежно постигал стихотворную мудрость. Порой казалось ему, что нет ничего проще, как складывать слова в гладкие строфы, а стоило взять в руки перо, и мысли куда-то исчезали, а слова порхали перед глазами, славно бабочки на весеннем лугу. Нет, писать стихи оказывалось не так-то просто!

Перемарав несколько листов бумаги, испортив десяток перьев, Денис сочинил наконец нечто такое, что сгоряча принял за стихи:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О, милая овечка! Когда я думала
что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»

Следует отдать справедливость молодому поэту: в качестве первых своих стихов он все-таки усомнился и на строгий суд братьев Тургеневых представить постеснялся. Показать стихи, после долгого размышления, решил одному Жуковскому. Денис уже знал, почему тогда у Тургеневых смутился этот юноша. Он был незаконнорожденным сыном тульского помещика Бунина. Приживальщик Андрей Жуковской усыновил его по приказу барина. Эти подробности, сообщенные под секретом всезнающим Александром Тургеневым, возбудили особый интерес к Жуковскому. К тому же он оказался на редкость мягким и душевным юношей. Денис несколько раз встречался с ним. Подружился. Надеялся на его правдивость и скромность.

Прочитав стихи, Жуковский грустно покачал головой:

– Мне не хочется огорчать тебя, Денис, но не могу и душой кривить... В стихах твоих нет ни одной поэтической строчки. А между тем, – сделав короткую паузу, продолжал Жуковский, – слушая твои рассказы о войне, я вижу явственно, что поэтическое воображение тебе не чуждо... Надо писать о близких предметах, милый Денис, а не об этих овечках, кои во множестве пасутся близ Парнаса.

Стихи Денис спрятал. Совет Жуковского запомнил, но тайно ото всех продолжал сочинять в том же духе, испытывая большую внутреннюю радость творчества.

Вместе с тем Денис настойчиво пополнял свои военные знания. Много читал и не упускал ни одного случая, чтобы не поговорить с ветеранами прошлых войн, частенько навещавшими отца.

Обладая отличной памятью, Денис научился живо и занимательно передавать многие исторические и военные события. Воспитанники Московского университетского пансиона отдавали ему должное. Разумеется, больше всего интересовались тогда Суворовым.

В начале 1799 года Москва жила слухами о военных приготовлениях. Россия в союзе с Австрией и Англией выступила против Франции. В феврале пришло известие, что император Павел скрепя сердце вызвал в Петербург Суворова. Кончанское заточение великого полководца кончилось. Он был назначен главнокомандующим соединенными русско-австрийскими силами. Павел вынужден был уступить требованию союзников. Лучшего полководца, чем Суворов, в Европе не оказалось. В середине марта Суворов находился уже в Вене. Началась знаменитая итальянская кампания.

Появлявшиеся в журналах и газетах сведения об этих событиях были сухи и коротки. Павел ввел жестокую цензуру. Неприязнь императора к Суворову чувствовалась постоянно. Восторгаться действиями Суворова цензоры считали неуместным.

И все же скрыть правду не удавалось. Она просачивалась всюду, как весенние ручейки из-под снежных сугробов. Частные известия в той или иной форме приходили из армии ежедневно. Имя Суворова у всех было на устах. Рассказывали, что полководец ни в чем не уступил императору Павлу. По прибытии к войскам отменил ношение буклей и кос, порядки установил свои, суворовские. Передавали, как он отказался подчиниться австрийскому гофкригсрату и послал русских офицеров обучать австрийцев штыковому бою, или, как он саркастически выразился, «таинству побивания неприятеля холодным оружием». Наконец начали приходить подробные реляции о блестящих победах суворовских чудо-богатырей над войсками прославленных французских генералов Моро, Макдональда, Жубера.

В доме Давыдовых военные известия обсуждались оживленно. Василий Денисович благодаря обширным связям лучше других был осведомлен о действиях Суворова.

Денис, больно переживавший опалу любимого полководца, находился теперь в приподнятом настроении, жадно ловил каждую весточку из армии. Картины суворовского похода рисовались ему необыкновенно ярко. И своим товарищам о Суворове Денис рассказывал с таким жаром и вдохновением, что Александр Тургенев однажды заметил:

– Чудо, какая эрудиция! Словно сам ты при фельдмаршале состоишь неотлучно...

– Завидую каждому его солдату, – с искренним чувством отозвался Денис. – Как счастлив был бы я служить под командой Суворова!

Возможно, рассказы Дениса иной раз окрашивались юношеской фантазией. Недаром Жуковский заметил в нем поэтическое воображение. Впрочем, дело было не в этом. Среди военных имелись тогда люди, склонные объяснять суворовские победы счастливой случайностью, порывами бестолковой отважности, хотя сам полководец, как было известно, не раз иронизировал над подобными людьми:

– Помилуй бог! Все счастье да счастье, надо ж когда-нибудь и уменье! Беда без фортуны, горе без таланта!

Василий Денисович, к счастью сына, принадлежал к той группе военных, которые в действиях Суворова видели прежде всего разумный план, известную систему, вникали в намерения полководца, угадывали их. С помощью отца Денис имел возможность ближе познакомиться с методами и тактикой полководца. Жизнь этого изумительного человека стала образцом для Дениса. Суворовская военная система воспринималась органически как бесспорно лучшая из всех систем.

Денису шел шестнадцатый год. Отец писал уже письма в Петербург родным и знакомым, желая как можно лучше устроить сына. Шестнадцатилетних на действительную службу принимали. Оставалось лишь терпеливо ждать. Легко сказать – целый год! Денис вздыхал после каждого нового известия о суворовских победах. Ему не терпелось. Время движется слишком медленно. Пожалуй, на его долю не достанется славы!

V

Осень стояла холодная, дождливая. У Давыдовых все шло своим чередом Денис готовился к военной службе, Евдоким – в иностранную коллегию Десятилетия хрупкая и нежная Сашенька училась в пансионе. Самый младший, Левушка, любимец матери, обычно послушный и тихий, ни с того ни с сего вдруг стал озорничать. На днях отрубил хвост собаке. А мальчику всего восемь лет. Что-то с ним будет! Елена Евдокимовна с грустью замечала, что Левушка ведет себя точь-в-точь как старший... Нет, теперь, слава богу, Денис, кажется, утихомирился, а вот когда был поменьше...

Неожиданно, проездом из Петербурга, прибыл навестить дядю кавалергард-ротмистр Александр Львович Давыдов. Он толст, важен. И при разговоре чуть-чуть картавит. Денису двоюродный брат не понравился, но нарядная кавалергардская форма произвела сильное впечатление.

Александр Львович привез скверные известия. Австрийцы настаивали, чтобы русские войска были переброшены в Швейцарию, где находилась чуть не сотысячная армия французского генерала Массена. Правда, в помощь Суворову послали двадцатичетырехтысячный корпус генерала Римского-Корсакова, но все же положение создавалось трудное. К тому же Суворов, говорят, начал в последнее время сильно прихварывать. Довели австрийцы, суют нос куда не надо.

Александр Львович уехал. Переданные им сведения быстро подтвердились. Австрийские генералы, завидовавшие воинской славе русского полководца, отвергли все его предложения и сумели убедить Павла, что их план кампании, разработанный по всем правилам австрийского военного искусства, является самым лучшим.

Суворову предстояло перейти через Альпы, чтобы соединиться с корпусом Римского-Корсакова. Австрийцы обещали, но не подготовили для русских войск ни провианта, ни одежды, ни боевых припасов.

Стояли холода. Горные дороги обледенели. Сам Суворов был болен, еле держался в седле. А у французов свежая, вчетверо сильнейшая армия, удобные позиции, превосходное снабжение. Казалось, в таких условиях гибель небольшого суворовского корпуса неминуема.

Москва словно застыла в напряженном ожидании Василий Денисович ходил хмурый. Как человек военный, он более других сознавал безвыходность положения.

– Австрийцы нарочно устроили ловушку, – негодовал он. – Просто непостижимо, как государь согласился с австрийским планом?

Денис похудел, плохо спал. Драматизм развертывавшихся событий захватил его. Как поступит при таких обстоятельствах полководец? Отец говорил, будто есть возможность отступить, обойти горы... Нет, Суворов отступать не будет. Значит, должно произойти что-то необычайное, может быть, ужасное...

Однако был один человек, который относился к событиям с невозмутимым спокойствием, – это старый дядька Филипп Михайлович. Он доживал во флигеле последние дни. Денис частенько забегал проведать старика, делился с ним новостями. Филипп Михайлович никаких предположений не делал, но свято верил, что Суворов сумеет найти выход из любого положения.

– Никто его, батюшку нашего Лександра Васильевича, не осилит, – задыхаясь от кашля, говорил старик, – сумлеваться нечего. И всякие горы пройдет и неприятеля побьет...

Разговор с дядькой всегда успокаивал Дениса. А вскоре и впрямь Москва узнала, что суворовские чудо-богатыри преодолели все преграды: Сен-Готард, Чертов мост, угрюмый и страшный Паникс.

Рассказывали, что Суворов мужественно делил с войсками все невзгоды. Он ехал верхом на казацкой лошади, в старом плаще, плохо укрывавшем от студеного горного ветра ослабленное лихорадкой тело. Обильные снегопады и густые туманы затрудняли движение. Над головой нависали скалы. Внизу зияли бездонные пропасти. Бесилась выюга, заметая следы. Порой пробираться приходилось по узкой горной тропинке, где один неверный шаг – гибель.

– Ничего, мы русские, – ободрял войска полководец. – Где олень проходит, там и русский солдат пройдет...

Часть орудий пришлось уничтожить. Патроны кончились. Любимец Суворова, молодой генерал Багратион, раненный в левую ногу, прикрывал небольшим отрядом движение главных сил, отбивал наседавших французов штыковыми атаками.

Наконец беспримерный по героизму поход закончился. Войска соединились, стали на отдых.

– Орлы русские облетели орлов римских! – с гордостью воскликнул Суворов, объезжая поредевшие шеренги изнуренных, но бодрых духом солдат.

Денис чувствовал себя именинником. Ходил с гордо поднятой головой и сияющими глазами. Суворов снова удивил мир своей гениальностью! Непобедимый полководец жив, невредим, возвращается в Россию! Теперь, когда оставались считанные месяцы до поступления Дениса на военную службу, особенно ярко оживала в его памяти незабвенная встреча с Суворовым. «Я не умру, а он уже три сражения выиграет». Кто знает! Может быть, этому предсказанию суждено осуществиться? Старый дядька Филипп Михайлович по крайней мере не сомневался, да и отец как будто тоже. Денис был полон самых радужных надежд.

Время шло. Наступила зима. Весело пролетели святки. И вдруг поползли слухи, будто злопамятный император подготавливает великому полководцу новое заточение... Сначала слухам не поверили. Правительственная газета «Петербургские ведомости» чуть не каждый день сообщала о высочайшем внимании к полководцу. По приказанию Павла, недовольного союзниками, армия возвращалась домой. Всем участникам похода выданы награды. Суворову присвоено звание генералиссимуса российских войск. Петербург готовил торжественную встречу

с пушечной пальбой и колокольным звоном. Однако к весне имя Суворова на страницах газет стало появляться все реже. А слухи росли и начали подтверждаться.

Суворов, совсем больной, ехал медленно, с длительными остановками. Силы уходили. Он чувствовал: конец его близок.

Узнав о присвоении звания генералиссимуса, Суворов только вздохнул и с грустью заметил:

– Велик чин! Он меня раздавит! Жить осталось недолго...

Состояние больного требовало полного покоя. Император избрал удобный момент, чтобы окончательно сразить ненавистного человека. Суворову было поставлено в вину, что он держал при себе дежурного генерала, а в войсках ввел «обыкновенный шаг, нимало не сходный с предписанным уставом». Высочайшие рескрипты, выражающие неудовольствие, были вручены больному в карете, недалеко от столицы. Неожиданная опала походила на предательский удар в спину. Возражать против смехотворных обвинений не имело смысла. Да не было уже и сил!

Суворова привезли в Петербург темной апрельской ночью. Торжественную встречу император отменил. Приезжать во дворец запретил. Адъютантов отобрал. Народ, стекавшийся к дому Хвостова на Крюковом канале, где остановился великий полководец, разгоняла полиция.

А Суворов не вставал уже с постели, метался в бреду, не узнавал окружающих. Разум его медленно угасал. 6 мая 1800 года Суворов скончался.

... Несмотря на то что «Петербургские ведомости» по распоряжению императора не сообщали ни о кончине, ни о дне похорон полководца, скорбная весть быстро облетела страну. В Москве повсюду наблюдалось скопление народа. Москвичи не скрывали своего негодования действиями императора. Губернатор распорядился усилить полицейский надзор.

В церквах непрерывно служили панихиды. Слышались рыдания. Многие военные и чиновники надели траур. Подробности о смерти и похоронах Суворова обсуждались в каждом доме, в каждой семье. Рассказывали, что император запретил придворным и гвардии участвовать в похоронах, но все население столицы вышло проводить полководца в последний путь. Гроб везли на катафалке с высоким балдахином. Когда похоронная процессия приблизилась к воротам Александро-Невской лавры, шествие остановилось. Опасались, что катафалк не пройдет в ворота, гроб нужно будет нести на руках.

– Не бойтесь, пройдет! Суворов везде проходил! – крикнул суворовский старый гренадер. И в самом деле, катафалк в ворота прошел.

... Все эти события словно тяжелым камнем придавили Дениса. Слишком многое связывалось для него с именем Суворова! С детских лет волновало его это имя... потом произошла неизгладимая встреча... потом детское обожание полководца сменилось чувством глубокого преклонения перед его гениальностью... И вот Суворова не стало.

Сначала эта весть просто ошеломила. Горе было огромно, причиняло почти физическую боль. Но тяжесть утраты, вызвав крушение каких-то честолюбивых мечтаний, стала более ощутительной, когда появились мысли о том, что же будет дальше, без Суворова? Денис смутно догадывался о причинах резкого охлаждения императора к полководцу. Выработанная Суворовым военная система никак не походила на военную организацию Павла, создаваемую по прусским образцам. Суворов, конечно, никогда бы не согласился признать необходимость всех этих вахтпарадов и жестокой муштры, над чем ядовито всегда издевался. Смерть Суворова окончательно развязала руки Павлу. Отныне военная доблесть будет определяться не действиями на бранном поле в суворовском духе, а точным соблюдением правил маршировки, предписанных уставом. Глухая неприязнь к императору, давно бродившая в душе Дениса, продолжала расти... Военное поприще уже не казалось таким заманчивым, как раньше. Денис не

собирался гарцевать на Царскосельском плацу перед сановной публикой в немецких мундирах. Он мечтал об ином.

Домашние редко видели теперь его веселым. Страстного желания как можно скорее надеть военный мундир он уже не испытывал. Прежний пыл погас. Приближался день поступления на военную службу, а Денис никому об этом даже не напоминал.

Родителям не казалась странной такая перемена в сыне. Смерть Суворова их тоже расстроила. Служить в гвардии, несомненно, сейчас тяжело. Командные посты заняты ставленниками невежественного Аракчеева, от произвола и капризов которых не спасали ни возраст, ни чины, ни звания. Василий Денисович решил, что со службой лучше всего подождать. Денис еще молод. Авось времена, даст бог, переменятся к лучшему! Так думали тогда во многих дворянских семьях.

Лето, как обычно, семья проводила в Бородине. Денис помогал отцу по хозяйству. По-прежнему часто бывал на охоте. Много читал. У Тургеневых достал голиковские «Деяния Петра Великого», просиживал над ними ночи. Образ Петра увлекал его с каждым днем все больше.

Как-то вечером, разговаривая с отцом о делах Петра, Денис заметил:

– А наш государь на своего прадеда ничем не походит... Хуже, должно быть, царя и не было...

Василий Денисович нахмурился, ответил строго:

– Вот что я тебе скажу, Денис... Не нам государей судить. Ты эти мысли якобинские не смей в голове держать. Слышишь?

– Простите, батюшка... Просто с языка сорвалось... – Денис покраснел.

Подобные разговоры между отцом и сыном больше никогда не возникали. Денис жил в семье, где иной раз подвергали умеренной критике действия правительства, роптали, когда ущемлялись дворянские права, но где никогда не сомневались в необходимости монархического режима. Революционные события во Франции здесь, безусловно, осуждались. Бонапарта, ставшего консулом, считали безбожником и узурпатором.

О тайном заговоре, в котором участвовали племянники, говорилось шепотом, как и о сочинителе Радищеве, авторе конфискованной книги «Путешествие из Петербурга в Москву», лишь недавно возвращенном из сибирской ссылки.

Прошло несколько месяцев. Зимой в Москве Денис часто встречался со своими друзьями – воспитанниками университетского пансиона. Вместе они обсуждали карамзинские альманахи, читали стихи, спорили. Дениса заинтересовали басни. Прочитал все, что было написано Хемницером и Дмитриевым. Среди французских книг матери обнаружил томик Лафонтена и басни Сегюра. Пробовал делать переводы.

Интерес к басням возник, конечно, не случайно. Мысли, которые отец запретил держать в голове, все же продолжали беспокоить. Дома строго соблюдали установленные правила: о политических делах, по крайней мере при детях, не говорили. Но кое-кто из молодых приятелей без стеснения называл императора деспотом. Денис знал, что не он один осуждает человека, причинившего всем столько зла и погубившего великого полководца. Ему казалось, что басня очень удобное прикрытие для небольшой атаки на неприятеля.

Одна из басен Сегюра – «Дитя, зеркало и река» – особенно понравилась. Нужно лишь изменить немного содержание, и... всякий догадается, о ком идет речь! Замысел созрел быстро. Образы родились ясные. Мудрец, осужденный царем за правду, удивительно напоминал Суворова, а курносый царь походил на моську. Нет, это сравнение придется заменить. Слишком ясно. За слово «моська» какую-то барыню, говорят, недавно взяли в полицию. Надо придумать что-то другое.

Сделать вольный перевод басни было значительно труднее. Удались, на его взгляд, всего четыре первые строки:

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, – деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот...

Но вскоре басни пришлось оставить. Произошло неожиданное событие, опять изменившее всю жизнь Дениса.

Однажды ночью его разбудил шум в доме. Василий Денисович, находившийся в гостях, возвратился необычайно возбужденным. Первые слова отца, которые уловил Денис, все объяснили:

– Государь скончался от удара... Присягают наследнику Александру Павловичу... «Все будет как при покойной бабушке...»

О какой «бабушке» шла речь, Денис не понял. Лишь позднее узнал, что это была одна из первых фраз, произнесенных молодым императором. Василий Денисович говорил бесвязно, дрожащим голосом и плакал, хотя Денису казалось, что смерть царя не столько печалит, сколько радует отца. Впрочем, ему было не до наблюдений. Воскресли былые надежды. «Теперь надо поскорее ехать в Петербург» – эта мысль вытеснила все остальное. И в тот же день Денис высказал ее отцу. Василий Денисович возражать не стал. Начались спешные сборы.

И вот уже тройка, запряженная в кибитку, стоит у ворот дома. Отец дает последние указания. В Петербурге сейчас два племянника: Александр Львович Давыдов и только что освобожденный из крепости Александр Михайлович Каховский. Они обещали оказать помощь. Обоим письма. Денег в дорогу четыреста рублей ассигнациями.

. – На первое время хватит. Но расходовать надо бережно, сам понимаешь...

Елена Евдокимовна вся в слезах шепчет:

– Карт проклятых никогда не бери в руки, голубчик.

Денис молча целует мать. На карты зарок дает крепкий.

Лошади фыркают, бубенчики позванивают. Щедрое весеннее солнце заливает тихую Пречистенку. В безоблачном небе поют жаворонки. Денису грустно. Как-никак впервые пускается он в далекий путь один. Когда еще придется свидеться? И что-то ждет его в столице?

Василий Денисович крепко прижимает сына к груди, крестит. Евдоким, Сашенька, Левушка стоят на крыльце притихшие...

Денис садится в кибитку. Кучер трогает вожжи. Прощайте, родные! Прощайте, детские годы! Прощай, Москва!

VI

На просторных столичных проспектах давно уже не видели такого оживления, как весной 1801 года. Внезапная кончина императора Павла всех обрадовала. Объявленный годовой траур превратился в праздник. Встречаясь на улице, люди обнимали друг друга и, улыбаясь, декламировали последние стихи поэта Державина:

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный зрак.

Военные, не дожидаясь распоряжений, снимали ненавистные букли и косы. Появились запрещенные Павлом русские экипажи, мундиры, костюмы. Гостиницы заполнились приезжими – отставными генералами и офицерами, помещиками. Без конца все толковали о предпо-

лагаемых реформах и с надеждой ожидали милостей, наград и хороших мест от нового императора.

Денис на первых порах остановился у Александра Львовича Давыдова, занимавшего второй этаж большого дома против Адмиралтейства. Дом принадлежал его дяде – графу Александру Николаевичу Самойлову. Александр Львович был холост и не знал счета деньгам. Богатая мать, Екатерина Николаевна, в средствах детей не ограничивала. Александр Львович принял двоюродного брата любезно, обещал с кем-то поговорить, помочь, но, по обыкновению, на другой же день обо всем забыл. В доме ежедневно справлялись праздники и холостые пирушки. Хозяин любил покушать, держал француза-повара; обеды и ужины поражали вкус любого гастронома. Народу, главным образом сиятельных гвардейских офицеров, собиралось много. Говорили о дворцовых новостях, чинах и наградах. Рекой лилось шампанское. Шла крупная картежная игра.

Здесь впервые Денис услышал некоторые подробности о смерти императора Павла. Оказывается, он не умер от удара, а был убит! Заговорщики (среди них шепотом называли имена петербургского генерал-губернатора Палена, командира преображенцев Талызина и бывших екатерининских фаворитов братьев Зубовых), недовольные политикой Павла, ночью ворвались в царские покои⁶. Императора задушили, до неузнаваемости изуродовали. Гвардейцы, смеясь, рассказывали о случае с солдатами дворцового караула. Утром после убийства Павла их хотели привести к присяге новому императору, но они стали просить офицеров сначала показать им скончавшегося.

– Это же невозможно, господа, – обращаясь к офицерам, сказал генерал Беннигсен, будто бы причастный к заговору. – У покойника весьма обезображенный вид, просто смотреть страшно. Прежде надо обрядить и привести его в порядок.

И когда двое из солдат, все же допущенные в спальню Павла, посмотрели на убитого царя и возвратились, генерал Беннигсен спросил:

– Ну что, братцы, убедились теперь, что государь Павел Петрович умер?

– Так точно, ваше превосходительство, – ответили солдаты. – Убедились вполне! Крепко помер!

Денис никогда не любил Павла, но обстоятельства убийства царя невольно вселили в его душу ужас. Денис не спал две ночи. Огромная, убранная стильной мебелью, зеркалами и коврами комната, отведенная для него, казалась мрачной. Да и гости Александра Львовича, относившиеся к нему с великосветской надменностью, не вызывали никакой симпатии.

Денис перебрался к другому двоюродному брату – Александру Михайловичу Каховскому, жившему на Галерной. Здесь все было проще и милей. Квартира чем-то напоминала родной дом. Мебель по-домашнему покрыта белыми чехлами. На окнах вместо тяжелых штор – кружевные занавески. Много цветов, картин и книг.

Каховскому перевалило за тридцать. Среднего роста, широкоплечий, с темными выразительными глазами, остроумный и насмешливый, он встретил Дениса по-родственному, душевно. Но, оглядев его, не удержался от иронического замечания:

– Ох, мал ты ростом, брат Денис! Не представляю, какой из тебя кавалергард будет.

Денис густо покраснел. Ему не раз указывали на этот физический недостаток. Догадавшись, что задел чувствительное место, Александр Михайлович поспешил успокоить:

⁶ В конце 1800 года Павел резко изменил свою внешнюю политику и разорвал отношения с Англией, куда русские помещики и купцы продавали в то время хлеб, лес, пеньку и другие сырьевые продукты. «Разрыв с Англией, – писал декабрист М. А. Фонвизин, – нарушая материальное состояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом. Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти общею» («Декабристы», т. I, СПб, 1905 г.).

– Ну, да мы все-таки попытаемся... Есть у меня среди преображенцев приятель – молодой князь Борис Антонович Четвертинский. Он с командиром кавалергардов, кажется, дружит. Поговорю с ним.

Динамундская крепость, где отбывал заключение Каховский, расшатала его здоровье. Александр Михайлович часто кашлял, жаловался на ревматизм, однако от своих убеждений не отказался, по-прежнему оставался «приверженцем вольности», как называл его некогда следователь.

Уважая дядю Василия Денисовича, слезно просившего «не внушать Денису опасных мыслей», Каховский о своих убеждениях и намерениях не откровенничал, но все же любознательному Денису удалось кое-что узнать и о смоленском заговоре, и о целях, которые ставили перед собой заговорщики, и о том, как попал Каховский в крепость, а брата Алексея Петровича Ермолова сослали в Кострому.

Денис никогда не видел Ермолова, а познакомиться с ним очень хотелось. Каховский, словно отгадав его мысли, сказал:

– Теперь брат Алексей поехал в свое орловское имение провести отца и матушку, должен вот-вот сюда показаться... Будет вроде тебя хлопотать о службе.

Сам Александр Михайлович снова надевать мундир как будто не собирался. Он принадлежал к тому немногочисленному слою военных, которые не мирились ни с какими отступлениями от суворовских традиций. Эти военные относились к предполагаемым реформам скептически. Пристрастие Александра к маршировкам, немецким порядкам, а также старая приязнь к Аракчееву были им хорошо известны и внушали большие опасения за будущее.

Как-то вечером, прогуливаясь у Летнего сада, Денис чуть не столкнулся с молодым царем. Александр был в мундире Преображенского полка, шел медленно; красивые серые глаза его казались усталыми. Несколько придворных и военных, следовавших за ним, еле сдерживали толпу, напиравшую со всех сторон. Чиновники, лавочники, обыватели и нарядные женщины приветствовали императора восторженными криками.

Дениса взволновала эта встреча. Охваченный чувством какого-то самозабвения и восхищения, он не замечал никого, кроме этого человека, за которого готов был, ни минуты не раздумывая, броситься в огонь и воду.

Когда наконец император скрылся, Денис, изрядно помятый, но возбужденный и сияющий, примчался к Каховскому. И еще на пороге кабинета крикнул:

– Видел государя! Совсем простой и ласковый! Жизнь отдать не жалко!

Каховский, сидевший с книгой в кресле, сдержанно улыбнулся. Юношеский порыв и восторженное состояние Дениса были понятны. Рассказ его выслушал внимательно. И вздохнул:

– Да, государь у нас как будто славный, его любят... Дай бог, чтоб мы не ошиблись.

– Как можно! Увидите, все пойдет по-новому, он прославит Россию! – с горячностью воскликнул Денис.

По тонким губам Каховского скользнула легкая усмешка. Он разгладил правой рукой собравшиеся на широком лбу морщинки и ответил не сразу:

– Все возможно, брат Денис. Однако ж не следует забывать, что благие намерения государей не всегда приводятся в исполнение. – Каховский сделал паузу, темные глаза его насмешливо прищурились, он перешел на свойственный ему иронический тон: – «Бештимтзагеры», сиречь немецкие педанты, коих осмеивал великий Суворов, сидят на прежних местах. Экзерциргаузы и вахтпарады продолжают. Букли срезаны, а косы оставлены. И в Грузии, близ столицы, Аракчеев разводит индюшек, ожидая своего часа. Признаюсь, хорошего не предвижу!

Денис чувствовал себя так, словно его ушатом холодной воды окатили. Он был молод и не искушен во многом. Разумеется, Александр Михайлович осведомлен во всем лучше, чем он, и напрасно говорить не будет. Но образ молодого царя казался таким прекрасным, что не хотелось думать ни о чем дурном.

– Неужели вы допускаете, будто государь снова призовет Аракчеева? – дрогнувшим голосом спросил Денис.

– Ну, на такой вопрос, сам понимаешь, вряд ли кто сможет ответить, – пожал плечами Каховский. – Я высказал лишь некоторые свои опасения...

– Ведь все так радуются новому царствованию, почтеннейший брат, – возразил Денис, – что, право, подобные опасения кажутся невозможными.

Каховский окинул Дениса внимательным, строгим взглядом и, чуть помедлив, сказал:

– Я не буду тебя разубеждать, а расскажу один случай из древней истории. Жил некогда, если не ошибаюсь, в Сиракузах жестокий правитель по имени Дионисий. И вот, когда он умер, все стали ликовать. Только одна древняя и нищая старуха, услышав о смерти Дионисия, горько заплакала. Горожане, понятно, удивились: «Что же ты, бабушка, плачешь? Ведь умер тиран, радоваться надо!» – «Эх, милые мои, – вздохнула старуха, – я на своем веку пятерых тиранов пережила, да всегда оказывалось, что каждый новый вдвое хуже покойного был... Вот я и плачу!» Да, брат Денис, – заключил Каховский, – всякое бывает... Иной раз и старушку эту вспомнить следует!

Денис ничего не ответил. Было ясно, Александр Михайлович знает что-то большее и в добрые намерения молодого царя никак не верит. Денис молча достал платок и вытер холодный пот на лбу. Продолжать разговор на эту тему не решился.

VII

Больной ревматизмом, Каховский большей частью находился дома, читал книги, занимался описанием суворовских походов. Он считался крупным знатоком военного дела, славился как изумительный рассказчик. И конечно, чаще всего говорил о Суворове. Все характерные интонации и жесты великого полководца Каховский передавал с таким мастерством, что Денис, слушая брата, каждый раз открывал в любимом герое новые, еще не известные ему черточки. Денис знал Суворова как гениального стратега и реформатора военной системы, как своеобразного и остроумного человека. В передаче Каховского подчеркивалась тонкая, обличительная суворовская ирония.

Особенно прочно Денису запал в память рассказ Каховского о случае с французским эмигрантом графом Кенсона, служившим во время польского похода волонтером в русских войсках. Не отличаясь ни военными знаниями, ни храбростью, Кенсона кичился своим знатным происхождением, был спесив и чванлив. Заметив на его груди какой-то иностранный орден, Суворов спросил:

– Какой это орден и за что им награждают?

– Мальтийский, ваше высокопревосходительство, – выпятив грудь, ответил Кенсона. – А награждаются им лишь члены знатных фамилий...

– Какой почтенный орден! – воскликнул Суворов. – А позвольте-ка, сударь, посмотреть его!

Кенсона снял орден, протянул Суворову. Тот повертел его в руках и, показывая окружающим, сказал:

– Ах, какой почтенный орден! Какой почтенный!

Затем, обратившись к офицерам, имевшим ордена за боевые заслуги, стал поодиночке их спрашивать:

– Ну, а вы за что получили свои ордена?

– За взятие Очакова!

– За Рымник!

– За штурм Измаила! – с нескрываемой гордостью отвечали офицеры.

Выслушав краткие, выразительные ответы, Суворов улыбнулся и, не скрывая иронии, сказал офицерам:

– Ваши ордена ниже этого. Ваши ордена пожалованы вам за храбрость и мужество, а этот... за знатный род!

Интерес Дениса к русской истории и его особую любовь к Суворову Александр Михайлович быстро заметил. Похвалил. Но знания признал весьма скудными. И не удержался от насмешки:

– Что это за солдат, Денис, который не надеется быть фельдмаршалом? А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?

Денис при каждом ироническом замечании брата, задевавшем самолюбие, сначала вспыхивал, обижался, но затем, поняв, что говорится это не от злого сердца, стал к советам прислушиваться. Тем более что вскоре и сам почувствовал недостаточность своего образования. Князь Борис Четвертинский, молодой голубоглазый гвардеец, представленный Каховским, да и другие офицеры, относившиеся к Денису участливо, задавали иной раз такие вопросы, ответить на которые он затруднялся.

Необходимо было во что бы то ни стало продолжать образование. Каховский выручил: составил список нужных военных книг, предложил пользоваться своей библиотекой, занимавшей огромную комнату. Здесь помимо большого количества редкой военной литературы Денис обнаружил сочинения Вольтера, Шекспира, Мольера, такие интересные для него книги, как «Поэтическое искусство» Буало и стихи Эвариста Парни. Увлечение Дениса стихами не проходило. И хотя он чувствовал, что форма, в которую облекал свои эпиграммы и подражательные стихи, далека от совершенства, все же чуть ли не ежедневно упражнялся в пиитическом искусстве.

Между тем малый рост Дениса являлся большим препятствием для поступления в кавалергардский полк, куда он ранее был записан. Денис ничего не желал теперь так страстно, как подрасти. Каждый день он упражнялся в вытягивании ног, делал всевозможные подкладки в сапогах – ничего не помогало. Каких-то двух-трех вершков не хватало! Находившееся в библиотеке венецианское зеркало, перед которым, оставшись один, он часто простаивал, отражало малопривлекательный образ. Низкорослый, взъерошенный юноша с небольшим круглым лицом, с шишечкой вместо носа и редкими черными усиками порой приводил Дениса в отчаяние...

Однажды, производя перед зеркалом обычные упражнения, то поднимаясь, то опускаясь на носках, Денис услышал тихий, приглушенный смех. Он обернулся – и вздрогнул от неожиданности. В дверях, полускрытый портьерами, стоял молодой человек богатырского сложения. Широкие плечи его прикрывал легкий плащ старинного покроя. Темные курчавые волосы, словно львиная грива, украшали красиво посаженную голову. Резкие черты лица выдавали характер решительный и гордый. Быстрые, пронизательные глаза смотрели весело и насмешливо.

Сделав два шага вперед, богатырь остановился и, разведя руками, откровенно рассмеялся:

– Нет, братец, тут уж ничего не поделаешь, если таким уродился... Природа!

Денис счел себя оскорбленным. Побагровел, вытянулся, сжал кулаки:

– Я не позволю над собой смеяться, сударь...

Но досказать не успел. Вошел улыбающийся Александр Михайлович.

– Ну как, познакомились?

– Сатисфакции требует, – указывая на Дениса и продолжая смеяться, обратился богатырь к Каховскому. – Сами судите, почтенный брат, сколь приятно наше первое знакомство...

Денис наконец-то догадался: «Ермолов! Как же это в голову мне не пришло? Глупость какая...» На него словно столбняк напал. И от стыда просто не знал, что делать. Ермолов подошел, протянул руку:

– Мира прошу, брат Денис... Кто старое помянет – тому глаз вон!

И совсем уж серьезно добавил:

– Нам с тобой, братец, будет с кем воевать... Спускать обиду никому, конечно, не стоит, однако ж прежде во всем подробно разобраться надлежит...

Ермолову недавно пошел двадцать пятый год. Но за плечами у него была уже большая, интересная жизнь. Семнадцати лет от роду в чине капитана он отличился при штурме Праги. Сам Суворов наградил его георгиевским крестом. Потом Алексей Петрович побывал по служебным делам в Германии, Австрии, Италии. Волонтером австрийской армии сражался с французами. Прodelал персидский поход. В Костроме, отбывая ссылку вместе с донским атаманом Матвеем Ивановичем Платовым, он не терял времени зря: пополнял свои и без того обширные военные знания, основательно изучил латинский язык.

Не похожий внешностью на брата Александра Михайловича, Ермолов имел много общего с ним в характере. Оба не терпели бездарного начальства и угодничающих подчиненных. Оба славились даром речи – всегда иронической, а иногда и язвительной.

В Петербурге на этот раз Ермолову не очень-то повезло. Каховский во многом оказался прав. В военных канцеляриях оценивали офицеров не по боевым заслугам и знаниям, а по склонности к экзерциргаузам. Ермолову, как и брату, все эти порядки были глубоко чужды. После долгих бесплодных хлопот он начал уже подумывать о гражданской службе.

Денис быстро сблизился с Алексеем Петровичем. Они стали неразлучны. Твердый характер, трудолюбие, любовь к отечеству, несокрушимая вера в преимущества суворовской системы перед всеми иными, а главное, смелость в суждениях и проницательность – все эти качества Ермолова привлекали Дениса необычайно.

Ему запомнился один случай. Гуляя под вечер с Ермоловым, они встретили пожилого, бедно одетого офицера в отставке. Старинный, екатерининских времен, порывевший и засаленный мундир висел на тощем теле старика, как мешок. Левый рукав болтался пустой. А в правой руке старик нес – очевидно, с базара – тяжелую корзину с овощами. Он поминутно останавливался, чтобы отдышаться. Проводив его взглядом, Ермолов грустно вздохнул:

– Вот, Денис, какова участь людей заслуженных, но не имеющих протекции у сильных мира сего... Бедный старик этот, по фамилии Кузьмин, достоин вечной славы российской. Храбрость его Румянцева и Суворова восхищала. Потеряв руку в турецких войнах, был Кузьмин в чине майора назначен комендантом одного из балтийских портов. И вот, когда флот шведский под командой герцога Зюдерманландского осадил в тысяча семьсот восемьдесят восьмом году этот порт, майор Кузьмин с горстью храбрецов отбил все атаки шведов. Послал герцог к нему офицера с предложением сдаться и открыть ворота, а Кузьмин, усмехнувшись, ответил: «Передайте герцогу, что нечем мне ворота открывать. Одна рука, да и та шпагой занята». – Ермолов сделал короткую паузу и с чувством добавил: – Да, горжусь, Денис, что таких героев отчизна наша рождает, коих во всем свете не сыщешь! Однако ж нам с тобой, яко незнатным, – он усмехнулся, – надлежит не обольщаться надеждами на милость высоких особ. Собственной головой и трудами долю свою искать нам. Вот что запомни крепко!..

Денис запомнил. Ермолов на всю жизнь стал его надежным другом и наставником.

Осенью Алексей Петрович все-таки получил службу. Он был назначен командиром конноартиллерийской роты, стоявшей в Вильно, куда вскоре и выехал.

Денису тоже наконец сообщили приятную новость: князь Борис Антонович Четвертинский договорился с начальством. 28 сентября 1801 года Дениса приняли эскадронкером в кавалергардский полк. Через год его произвели в корнеты.

VIII

Кавалергардский, расшитый золотом, белый мундир красив и привлекателен. Зато носить этот мундир дворянину с ограниченными средствами и без особых связей не легко. Товарищи Дениса в большинстве принадлежали к знатым и богатым фамилиям. Жили кавалергарды беспечно и разгульно. Имели великолепные квартиры, выезды, ливрейных слуг. Хвастали кутежами и связями с женщинами. На службу смотрели как на средство для легкой карьеры.

Денис вынужден был жить на жалованье. Каких-то сто рублей в треть года! При его вспыльчивом характере и острой чувствительности неприятности поджидали на каждом шагу. Денис не снес бы ни одной малейшей насмешки. Дело могло кончиться дуэлью. Он это превосходно понимал. Стало быть, чтобы поддерживать свое достоинство и репутацию, необходимо с самого начала установить для себя твердые правила поведения, как советовал ему Алексей Петрович Ермолов. Денис исправно служил, дорожил честью полка, не брал денег в долг, сторонился завязых картежников, раз навсегда объяснив всем, что дал зарок в карты не играть. Держался со всеми на равной ноге, без излишней фамильярности. На пирушках бравировал независимостью своих суждений, пленял многих анекдотами и рассказами. Командир полка Павел Васильевич Голенищев-Кутузов относился к нему хорошо, не раз ставил в пример как исполнительного офицера. Другие кавалергарды тоже составили мнение, что «маленький Денис» славный малый и неплохой товарищ.

Но вскоре жизнь изменилась к худшему... Из Москвы пришло неожиданное известие, что Василий Денисович опасно заболел. Пришлось брать долгосрочный отпуск. Еще недавно мечтал Денис показаться в блестящем мундире московским приятелям, поразить их своим бравым, молодецким видом, и вот как грустно складывались обстоятельства. Домой ехал с тяжелым предчувствием. И не ошибся.

Болезнь отца, а затем и смерть его переживались мучительно и долго. Будущее представлялось в самом безрадостном виде. Денис оставался старшим в семье, на плечи ложились новые и немалые заботы. Казенные и частные долги отца не выплачены, их стало больше. Василий Денисович до самой смерти не прекращал картежной игры. Маленькое Бородино приносило доход незначительный.

Конечно, можно было обратиться за помощью к богатым родственникам, но никто в семье об этом и не заикался: гордость не позволяла. После долгих советов и размышлений нашли другой выход из положения. Брат Евдоким, повзрослевший и возмужавший, уже второй год вместе с Александром Тургеневым служил в архиве иностранных дел, где платили сущие пустяки. Пожалуй, лучше будет, если Евдоким тоже поступит в кавалергарды. Все-таки жалованье больше. И, главное, есть надежда со временем выплатить долги, которые Денис и Евдоким великодушно принимали на себя. Сашенька и Левушка останутся пока с матерью; им одним хватит бородинских доходов. Впоследствии же старшие братья устроят на военную службу и Левушку. А Бородино пойдет за Сашенькой.

... В Петербург Денис и Евдоким поехали вместе, взяв с собой бывшего отцовского казачка Андрюшку, разбитного и продувного хлопца. Поселились в скромной квартире близ конногвардейских казарм. Евдоким был рослый, красивый юноша. В полк определился быстро. Но служба становилась с каждым днем все труднее и труднее...

Болтовня о предстоящих реформах кончилась. Восторги утихли. Надежды на либерализм молодого царя не оправдались. Денис теперь все больше в этом убеждался. Вахтпарады продолжались, муштровка усиливалась. Серьезному военному образованию предпочиталось мелочное соблюдение уставных правил, равнение шеренг, выравнивание носков. Военная форма стала более неудобной. Широкие и длинные мундиры прусского образца перешли в

узкие и короткие. Низкие отложные воротники сделали стоячими и до того высокими, что трудно было повернуть голову.

Наконец, в середине мая 1803 года случилось то, что предсказывал Александр Михайлович Каховский: император вызвал из Грузии всем ненавистного Аракчеева. Он был милостиво принят, назначен главным инспектором артиллерии.

Весть эта вызвала бурное негодование среди военных. Всем памяты были оскорбительные выходки Аракчеева и его деспотический произвол. Даже скромный и никогда не осуждавший действий правительства Четвертинский не скрывал раздражения:

– Черт знает что творится! Опять начнут вертеть нами, словно пешками.

Денис возмущался не менее других. С именем Аракчеева связывались у него почему-то и тяжелые воспоминания о смерти Суворова и несчастья, обрушившиеся на голову отца. И вот снова угрюмый, злобный гатчинский капрал сидит в кабинете императора... И разумеется, хорошего ожидать не приходится... Борис прав, будут теперь вертеть всеми, как пешками. В голове Дениса невольно складывались озорные строки. «Пешки» иногда тоже могут кое-что сделать! Сравнения напрашивались сами. Слова смыкались в стройный порядок.

Как-то ночью, взлохмаченный, с горевшими глазами, Денис разбудил крепко спавшего Евдокима.

– Ты послушай, как здорово! – возбужденно говорил Денис, размахивая листком бумаги. – Клянусь честью, сам не ожидал!

– Да что такое? – протирая глаза и недоумеая, спросил брат, приподнявшись на постели.

– Басню написал, черт возьми! – воскликнул Денис. – Назову «Голова и Ноги». А там всякий разберется...

И он, выделяя фразы, имевшие особый смысл, с чувством прочитал:

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами
И, словом, бедными Ногами,
Как пешками, вертишь». —
«Молчите, дерзкие, – им Голова сказала, —
Иль силою я вас заставляю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?» —
«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,

По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись – как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».
Смысл этой басни всякий знает...
Но должно – тс! – молчать: дурак – кто все болтает.

– Bravo! Просто прелесть! – одобрил Евдоким. – Дай-ка мне, я перепишу... Только, по моему мнению, слово «пешки» заменить следует «шашками»... Да и вместо «величества» другое слово требуется. Очень уж ты разошелся! Нагореть может!

– Ладно, поправим, – согласился Денис и рассмеялся: – Басня же... Не такие еще пишут!

Вскоре, переписываемая из одной заветной тетрадки в другую, басня молодого кавалергарда Давыдова уже гуляла среди военных. Нашлись люди, причастные к литературе, которые по-настоящему оценивали достоинства произведения, признав в авторе несомненный талант. Один из таких людей – Сергей Никифорович Марин, офицер Преображенского полка, с которым познакомил Четвертинский, – славился своими бойкими, шуточными стихами. Его пародия «Признание в любви военного» имела большой успех среди гвардейцев. Познакомившись с Денисом, Марин сказал:

– Вы обладаете всем, чтоб стать превосходным писателем... Но послушайте мой добрый совет: избегайте столь резких концов, как в этой басне, не заостряйте слишком сатирической мысли...

Другим ценителем был один из друзей Каховского – офицер Измайловского полка Алексей Данилович Копьев. Смуглый, худощавый и желчный, не терпевший, как и Каховский, всяких «бештимтзагеров», Алексей Данилович при Павле был разжалован в солдаты за появление на маскараде в «шутовской» одежде, являвшейся карикатурой на гатчинскую форму. Снова офицерский мундир надел недавно. Копьев лет десять назад написал либретто комической оперы «Лебедянская ярмарка», сочинял ядовитые, порой циничные экспромты, перевел трактат французского политического деятеля Неккера «Счастье дураков».

Зайдя к Каховскому, Алексей Данилович сказал:

– Ну, любезный друг, братец твой Денис меня удивил... Не ожидал!

– Что же случилось? – встревожился Каховский, у которого Денис давно уже не был.

– Да ты разве про басню его не слышал?

– Понятия не имею... Какая басня?

– Странно! – недоверчиво посмотрев на приятеля, заметил Копьев. – Я полагал... Но ежели не знаешь, изволь... По рукам у нас ходит, я сам списал.

Он достал из кармана бумагу, протянул продолжавшему недоумевать Каховскому. Тот прочитал. Басня понравилась, на лице выразилось удовольствие. Однако тут же промелькнула мысль, что фиговый листочек, прикрывавший замысел, слишком прозрачен. Могут быть неприятности.

– Нет, слог-то каков! Легкость стиха какая! – продолжал восхищаться Копьев. – Ведь этак сей юноша скоро всех наших пиитов перецеголяет. Талант, друг любезный, талант истинный!

– Однако ж, – усмехнулся Каховский, – нам с тобой по горькому опыту известно, что не всякие таланты поощряются...

– Ныне времена другие! – махнул рукой Алексей Данилович. – Ты скажи, когда Денис навестить тебя собирается? Хочется по душам с ним поговорить.

– Что ж, приходи завтра вечером, пошлю за ним камердинера, – сказал Каховский. А сам подумал: «Следует все же Дениса предупредить, удержать в пределах благоразумия».

И на следующий день свои опасения высказал Денису. Но, кажется, было уже поздно.

Басня, как нельзя лучше отражавшая фрондерские настроения офицерства, вызвала большие толки⁷. Польщенный похвалами товарищей, Денис вспомнил о басне Сегюра, переделку которой начал еще в Москве. Быстро закончил ее и под названием «Река и зеркало» пустил по рукам. И хотя не было уже в живых того, чей «гнусный вид» заставил тогда взяться за эту басню, тем не менее смысла она не потеряла.

Строки были колючие, злые.

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей – деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать и в сердце веселился.
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле.
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? – Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя? Я – зеркало: разбей меня.
Река – твоё потомство: Ты в ней найдешь еще себя».
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...

⁷ В.Н.Орлов, много лет работавший над литературным наследством Д. Давыдова, говоря о том, что молодой Давыдов вращался в кругу военно-дворянской фронды и целиком разделял ее интересы, делает нижеследующее разъяснение: «Деспотизм Павла восстановил против него значительную часть кадрового офицерства и гвардейской молодежи. В резко изменившейся обстановке общественно-политического и военного быта люди этого круга, хотя и были зажаты в тиски гатчинского режима, не мирились с абсолютистским произволом Павла и продолжали жить иллюзиями «великого осмнадцатого столетия» – века дворянского процветания, гвардейских «вольностей» и фаворитизма, упрочившегося в условиях женских царствований. Воодушевленные суворовскими традициями, они открыто враждебно относились к прусской военной системе и ненавидели Павла I как тирана и узурпатора. На почве подобных настроений сложилась военно-дворянская фронда 1790 – 1800 годов, резервы которой пополнялись по преимуществу из рядов гвардейской молодежи. Никакого революционного значения эта фронда, конечно, не имела. Отражая противоречие интересов, обнаружившееся внутри господствующего помещичьего класса, она знаменовала всего лишь конфликт, возникший между аристократическим дворянством и примыкавшими к нему более широкими дворянскими кругами, с одной стороны, и осуществлявшим невыгодную этим дворянам политику «самовластительным злодеем» Павлом I, с другой стороны. Переворот, совершенный силами военно-дворянской фронды, не принес ей ожидавшихся ею результатов. В особенно невыгодном положении очутилась гвардейская молодежь, надежды которой на возвращение «золотого века» дворянских «вольностей» не осуществились. Едва улеглись первые восторги по поводу устранения Павла, как эта молодежь убедилась, что гатчинский режим (правда, в несколько иных формах) восторжествовал с новой силой... В условиях нового царствования оппозиционные настроения отдельных групп дворянства сохраняли свою актуальность» (вступительная статья В. Н. Орлова к «Стихотворениям Д. Давыдова». Изд-во «Советский писатель», 1950 г.).

Постойте, виноват! – велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила.

Денис не знал, что некоторые переписчики произвольно изменяли текст обеих его басен. В первой он сам исправил слово «величество» на «могущество», но переписчики восстановили первоначальный вариант. А второй басне многие дали название «Деспот», резко усиливая ее остроту. Именно под таким названием кто-то записал басню Давыдова в альбом тригорской помещицы Прасковьи Александровны Осиповой, ближайшей соседки Пушкиных.

А Сергей Марин, отправляя эти басни другу своему графу Воронцову, служившему на Кавказе, писал:

«Давыдов кавалергардский написал две басни, которые я тебе отправляю с первым курьером, ибо иначе посылать их невозможно».

Выслушав брата Александра Михайловича, Денис почувствовал смутную тревогу и, может быть, пожалел, что поспешил пустить в свет басни. Но явился Алексей Данилович и успокоил:

– Старик Державин пять тысяч рублей и перстень получил от императора Александра за свою оду. А уж кому не было ясно, кто такой «Норд сиповатый»! И цензурные строгости ныне сняты! Да, кроме сего, и не пожелает никто в басне себя обнаружить. Молодец, молодец, Денис Васильевич! Талант истинный!

Разговор с Алексеем Даниловичем для молодого автора был настолько приятен, что, возвращаясь домой, Денис лихо подкручивал свои черные усики и, весело позванивая серебряными шпорами, думал лишь о том, что жить, в сущности, чертовски приятно.

Денису шел двадцатый год.

IX

Среди других обязанностей, возлагавшихся на гвардию, охрана Зимнего дворца, где жил император, считалась одной из важнейших.

Денис, произведенный осенью 1803 года в поручики, не раз находился во внутренних караулах. Зимой в огромных дворцовых комнатах было пустынно, холодно, и дежурившие офицеры обыкновенно собирались в кавалергардском зале погреться у камина и выпить стакан кофе. Однажды ночью, зайдя сюда, Денис увидел незнакомого офицера в форме Семёновского гвардейского полка, сидевшего у камина с книжкой в руках. Офицер поднялся, и... Денис невольно сделал шаг назад от изумления – до того безобразной и смешной показалась наружность незнакомца. Совсем почти карлик, рыжий, криволицый, с короткой шеей, обезьяньими ухватками и ужимками, он исподлобья посмотрел на Дениса тусклыми серыми глазками и представился:

– Подпоручик Дибич...

Денис сразу припомнил где-то слышанную историю этого офицера. Отец его, барон Дибич, прусский полковник, родом из Силезии, слывший «великим тактиком», прибыл в Россию при императоре Павле, весьма к нему благоволившем. Дибич был поселен в Михайловском замке, произведен в генералы. Сына записали в гвардию. И тем не менее, впервые увидев молодого Дибича в гвардейском мундире, император Павел не выдержал, распорядился: «Сего безобразного карлу уволить немедленно за физиономию, наводящую уныние на всю гвардию».

Молодой Дибич, обиженный, уехал в Берлин, где учился в кадетском корпусе. Вновь в Петербурге он появился уже при Александре.

Он только что приступил к изучению русского языка, дурно говорил по-французски. А Денис плохо знал немецкий. Объясняться молодым людям было нелегко. Но из первого же

разговора стало ясно, что Дибич неглуп, трудолюбив, стремится упорно совершенствовать свои военные знания. Последним качеством в то время отличались немногие гвардейцы.

С трудом подбирая слова, Дибич откровенно пожаловался на свою бедность, не позволявшую ему нанимать учителей и покупать необходимые, но дорогостоящие книги и карты. Денис, находившийся не в лучшем положении, почувствовал к невзрачному подпоручику некоторое расположение. Прихлебывая жиденький кофе, греясь у камина, они выяснили, что обоим особенно недостает знаний по стратегии и фортификации.

– Мне советовали обратиться к майору генерального штаба Торри, – сказал Дибич. – Он служил прежде при маршале Бертье, в штабе Бонапарта, но... очень дорого просит... двести рублей...

– Да, я уже слышал, – вздохнув, признался Денис. – Не по карману нашему брату...

Дибич странно передернул плечом и как-то застенчиво улыбнулся:

– Почему же? Если сократить расходы в другом, можно скопить эти деньги... – И неожиданно решительным тоном добавил: – Я буду поступать так. Это необходимо.

Денис задумался. Последнее время он сильно увлекался театром. Смотрел не раз спектакли русской труппы, где с успехом выступали Рахманова, Пономарев и Воробьев, бывал во французской комедии, где отличались в мольеровских пьесах Ларош и Сенклер, восхищался у итальянцев музыкой Чимарозы и Фиорованти. Но чаще всего гвардейцы посещали французскую оперу. Там пела очаровательная Фелис. Рассказывали, будто она тайком бежала из Парижа, спасаясь от назойливой любви Иеронима Бонапарта, брата первого консула. Эта романтическая история усиливала общий интерес к артистке.

Денис не отставал от своих товарищей. Дорогие билеты поглощали значительную сумму из его скромных средств. Нельзя было отказаться и от складчины на подарки артистам и банкеты с ними. Театр обходился слишком дорого. И разумеется, Дибич прав... Сократить расходы можно. Военные знания следует постоянно совершенствовать. Твердость Дибича в этом вопросе ему понравилась. Через некоторое время Денис начал тоже брать уроки у Торри. Правда, майор оказался большим хвастуном. и пустословом, но сообщал и много полезного.

Продолжая встречаться во время караулов, Давыдов и Дибич обменивались своими знаниями в изучении стратегии и фортификации, проверяли один другого. Однако приятельские отношения между ними не наладились – разделяли различные взгляды и стремления. Дибич упрямо отстаивал старые прусские военные доктрины, был сух, педантичен, склонен к штабной деятельности. Денис самым высоким военным авторитетом считал Суворова и при живости своего характера мечтал лишь о боевых лаврах. Мысленно определив подпоручика-семеновца в категорию «бештимтзагеров», Давыдов не мог побороть к нему неприязненного чувства.

Находясь под влиянием Каховского и Ермолова, Денис в те годы избегал дружбы с немцами, хотя в гвардии их служило много. Среди обширного круга знакомых молодого Давыдова человека с немецкой фамилией можно было встретить лишь случайно.

В то же время недостаточность средств заставляла невольно отдаляться от аристократической – военной молодежи, проводившей время в кутежах. Денис не пил, не курил, не играл в карты.

Борис Антонович Четвертинский, ставший близким человеком с первых дней службы, жил так же скромно, как и Денис. Вкусы и настроения их во многом сходились. Борис Четвертинский, по происхождению поляк, был из знатного, но оскудевшего рода, известного своей преданностью России.

Князь Антоний Четвертинский, отец Бориса и двух его старших сестер – Жаннетты и Марии, за сочувствие русским был убит восставшими поляками в 1794 году. Императрица Екатерина распорядилась взять сирот ко двору: Бориса записали в гвардию, сестер сделали фрейлинами.

Дальнейшая судьба их сложилась по-разному. Борис, не имевший родовых поместий и больших средств, как и Денис, гордился лишь старинным родом, – у того и у другого «золота было более на ташках, чем в ташках». А сестры, отличавшиеся поразительной красотой, стали блистать во дворце.

Марию в ранней молодости выдали за Дмитрия Львовича Нарышкина; фамилия эта считалась одной из самых знатных в столице. Нарышкины гордились родством с царствующим домом (Наталия Кирилловна Нарышкина была матерью Петра Первого) и жили в сказочной роскоши. Дмитрий Львович, не проявлявший никаких талантов, проводил время в устройстве балов, обедов и приемов. Зимой перед огромным великолепным домом на Фонтанке, принадлежавшим. Дмитрию Львовичу, день и ночь стояли кареты, украшенные раззолоченными гербами.

Встречаясь на придворных вечерах с Марией Антоновной, император Александр оказывал ей особенное внимание. В дворцовых кругах уже поговаривали о тайных свиданиях между ними. Но Борис Четвертинский, очень привязанный к сестре, считал подобные слухи сплетнями.

Денис, представленный Борисом сестре, принят был благосклонно и радушно. Этого оказалось достаточно, чтобы все многочисленные посетители салона Марии Антоновны отнеслись к юному кавалергарду если не дружелюбно, то по крайней мере с необходимой учтивостью.

Денис случайно получил возможность наблюдать жизнь верхушки столичного общества. Вскоре он почувствовал, как далеки и чужды для него интересы этих вельможных, надменных и надутых господ.

Особенно часто приходилось видеть старшего брата хозяина, обер-гофмаршала и директора императорских театров Александра Львовича Нарышкина. Кругленький, румяный, напояженный и надушенный, он, словно колобок, катался по гостиной, разнося свои каламбуры и заранее подготовленные mots (словечки). Александр Львович быстро прожил огромные средства и постоянно находился в долгах. Это обстоятельство потешало его, как ребенка. Каламбуры чаще всего касались собственных долгов. И быстро надоедали.

Рассказав, как дорого ему стоит какой-нибудь бал в честь именитого гостя, Александр Львович, разводя короткими ручками и давясь от смеха, восклицал:

– Это было моим долгом, господа, но я все это сделал в долг.

Постоянные посетители салона не представляли никакого интереса. Смешно было слушать, с какой важностью надутый, как индюк, камергер Загряжский и старый, полуглухой сенатор Свистунов, известные своим чванством и скудоумием, рассуждали о политике «корсиканского злодея» Бонапарта, ставшего в мае 1804 года французским императором Наполеоном. Смешно было наблюдать, как молодился и пыжился пожилой, некрасивый, с брюшком и на тонких ногах, церемониймейстер императорского двора граф Иван Степанович Лаваль. Озорные стихи сами так и лезли в голову Дениса. В конце концов от соблазна он не удержался, и новое шуточное стихотворение «Сон» пошло в переписку.

Впрочем, иногда в салоне Марии Антоновны появлялись и такие гости, знакомство с которыми Денис считал для себя за особую честь.

Однажды он и Борис Четвертинский зашли к Марии Антоновне раньше обычного. Приняв их по-родственному – в своем будуаре, она с лукавой улыбкой сказала:

– Ну, мои мальчики, сегодня, кажется, вы останетесь довольны... Будет некто для вас интересный!

– Ты интригуешь нас, Мари! Кто? – не выдержал Борис.

Мария Антоновна рассмеялась:

– Московский митрополит...

– Мари, душенька, мы с Денисом на колени встанем, – упрашивал брат. – Назови хоть первую букву фамилии.

Мария Антоновна осталась непреклонной. Молодые гвардейцы потеряли покой, тщетно строя догадки. Наконец, когда гости собрались и вечер был в разгаре, осанистый ливрейный лакей доложил:

– Князь Петр Иванович Багратион.

Дениса обдало жаром. Этого он никак не ожидал. Любимец Суворова! Тот самый Багратион, который дрался как лев в горах Швейцарии! Денис еле сдерживал волнение.

Князь Багратион вошел. Он был в узком генеральском мундире, украшенном несколькими орденами, и казался значительно моложе своих сорока лет. Черные кудри, серебрившиеся кое-где у висков, тщательно подстриженные бакенбарды, быстрый взгляд огненных глаз, большой, с горбинкой нос придавали лицу величественное выражение. Приветливо всем поклонившись, Багратион легкой, скользящей походкой направился к поднявшейся навстречу Марии Антоновне.

– Простите великодушно за опоздание, богиня, – поднося ее руку к губам, сказал любезно Багратион.

– Это надо заслужить рассказом хотя бы об одном из ваших славных подвигов, *mon cher prince*,^{II} – ответила с восхитительной улыбкой Мария Антоновна.

– О, я плохой рассказчик, – отозвался князь. – Кроме того, милая Мария Антоновна, *a vous je puis l'avouer*,^{III} истинные подвиги военные чаще всего совершаются не генералами, а нашими чудо-богатырями солдатами. Вот кто достоин удивления! И право, господа, – обратился он к гостям, – русские штыки, прорвавшиеся через Альпы, кажутся мне более грозной силой, нежели все таланты господина Бонапарта...

Багратион сел в кресло, слегка вытянул левую ногу. Его окружили, завязался оживленный разговор.

Главной темой было обсуждение вопроса о возможной военной коалиции России, Австрии, Англии и Пруссии против узурпатора Бонапарта, каким считали коронованного недавно повелителя французов. Все знали, что отношения России и Франции обострялись с каждым днем. Расстрел в Венсенском замке герцога Энгиенского, произведенный по приказу Бонапарта, казалось, переполнил чашу терпения. Русский двор находился в трауре, враждебных чувств к Бонапарту царь не скрывал⁸.

Разделяя общее мнение о неизбежности войны с Бонапартом, Багратион задумчиво сказал:

– Я не искушен в политике, господа... Но я никак не могу забыть австрийского вероломства, коему обязаны мы швейцарскими тягостями. Я, признаюсь, не питаю особого доверия и к английским добрым намерениям. Зато твердо верю в одно. – В глазах князя вспыхнул огонек: – Верю... ежели государь прикажет... наша армия, сильная духом суворовским, с честью выполнит свой долг, господа!

Багратион вскоре откланялся, уехал. А Денис долго еще находился под впечатлением этой встречи. Близость войны, о чем все кругом говорили, наполняла душу волнующим, радостно-тревожным чувством. Вот оно, вот оно, поле славы! Эх, кабы послала судьба счастье попасть под команду Багратиона!

Менее всего думал Денис о том, что жизнь его снова может круто измениться. И конечно, не знал, что судьба его висит на волоске и решается во дворце.

⁸ Узнав о расстреле герцога Энгиенского, арестованного по приказу Наполеона на территории независимого Баденского герцогства, Александр послал в Париж протест против нарушения международного права. Наполеон ответил, что герцог был замешан в заговоре против его жизни, при этом ядовито намекнул, что он, Наполеон, не стал бы протестовать, если б Александр, хотя бы на чужой территории, арестовал убийц своего отца. Наполеон, конечно, хорошо знал, что Александр сам принимал участие в убийстве отца и ни тронул пальцем ни одного из заговорщиков. Понятно, что намек на отцеубийство смертельно оскорбил императора Александра. Но тогда, разумеется, об ответе Наполеона знали лишь немногие.

... Басни и последнее стихотворение Дениса Давыдова лежали на письменном столе императора Александра. В стихотворении «Сон», положим, ничего предосудительного царь не обнаружил. Задевались, правда, почтенные особы, но... это еще можно простить. Александр снова взял со стола листок бумаги, поднес к близоруким глазам. Стихи были старательно, крупно переписаны. И фамилии, скрытые Денисом под начальными буквами, услужливо для ясности расшифрованы. Государь прочитал:

Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль деньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантельва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?
– Ах! Дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не сшел:
Я нонче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменялся:
Вообрази – с долгом Нарышкин расплатился,
Не видно более педантов, дураков.
И даже поумнел Загряжский, Свистунов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги.
И милой наш Марин не пачкает бумаги,
А в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, во время крикнуть – стой!
Но больше я к чему с восторгом удивлялся:
Копьев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, к счастью нашему, писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Лаваль престал коситься на природу,
Багратиона нос вершком короче стал,
И Дибич красотой людей перепугал.
Да я, который сам, с начала своего века,
Носил с натяжкой название человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост – смотрю;
Что слово – то *bons mots*, что взор – то страсть вселяю,
Дивлюся – как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил,
И все, что видел я, чем столько веселился, —
Все видел я во сне, всего со сном лишился.

Дочитав стихи, Александр покачал головой и неожиданно улыбнулся. Вспомнилась глупая, самонадеянная физиономия сенатора Свистунова, представилась смешная фигура графа Лавалья... За эти стихи взыскивать с автора не собирался. Совсем иное дело с баснями, в особенности с той, что называется «Голова и Ноги»... Четыре строки, которые он запомнил, звучали, как дерзкое предупреждение ему Самому:

«Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись – как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».

Чистейшее якобинство! Оправдание права на бунт! Негодяй сочинитель не заслуживает никакого снисхождения. Он всегда будет опасен. В крепость! В Сибирь!

Александр гневным жестом отодвинул бумаги, поднялся. В просторном кабинете, кроме него, никого не было. Мягкий свет настольной лампы под абажуром наполнял комнату причудливыми полутенями. Стрелки на стенных часах почти смыкались на двенадцати. Полночь. Александр невольно вздрогнул. Он не любил этого времени. Страшная ночь, когда с его молчаливого согласия убивали отца, никогда не забывалась. Рука невольно потянулась к золотому звоночку. Однако сдержался. Следует прежде привести в порядок свои нервы и мысли. Знал, что в соседней комнате занимается князь Петр Михайлович Волконский. Любимый генерал-адъютант, верный, преданный человек. И все-таки даже перед ним душевных волнений своих и подлинных желаний никогда не открывал. С детства был скрытен, осторожен.

Подойдя к зеркалу, Александр потер рукой пухлые щеки – это его успокаивало. Тщательно щеточкой поправил быстро редевшие рыжеватые волосы. Прошелся по кабинету.

Решить вопрос, как поступить с опасным вольнодумцем, было не так-то просто. Сослать в Сибирь, разжаловать в солдаты? Но ведь поднимется шум, начнут искать причины, сочувствовать пострадавшему, и басни получают еще большую популярность... Александр поморщился. Он играл роль доброго, либерального государя, уважающего закон. Приходилось себя сдерживать. Необходимо подыскать такие причины, чтобы наказание не походило на расправу, а являлось бы справедливым возмездием за нарушение общепринятых правил поведения. Сделать надо так, чтобы тем, кто попробует просить за кавалергарда, можно было ответить излюбленной фразой, улыбаясь: «Я не имею ничего против Давыдова, но закон сильнее меня, господа». Мысль была найдена. Александр, довольный, сел в кресло, позвонил. И когда явился Волконский, сказал обычным приятным голосом:

– Я прочитал известные тебе пасквильные стихи кавалергарда Дениса Давыдова... Полагаю, можно оставить без последствий... Молод, глуп! Как твое мнение, Петр Михайлович?

Волконский в недоумении посмотрел на императора.

– Воля вашего величества...

– Нет, нет, я хочу откровенности, – перебил его Александр. – Ты знаешь мои правила: откровенность и законность. Я высказываюсь так, как подсказывает мне сердце, но я могу ошибиться, поэтому хочу послушать тебя.

– Басни весьма вредные по мыслям, ваше величество, – решился наконец заметить Волконский.

– Разумеется, но это заблуждение одного ума, а ежели возникнут лишние разговоры, – Александр подчеркнул последние слова, – басни могут ввести в заблуждение иных... Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Справедливая мысль, ваше величество... Вполне согласен.

– Вот почему, по-моему, – продолжал Александр, – про басни совершенно говорить не стоит. Про них я ничего не знаю. Мы предаем их забвению. Однако ж меня, признаюсь, сму-

щает стихотворение... Лично я ничего предосудительного в нем не нахожу, посему и решаюсь оставить дело без последствий. Но не кажется ли тебе, что, поступая таким образом, мы сами несколько нарушаем законность?

Волконский как будто достаточно знал императора, но на этот раз решительно отказывался его понимать. «Чего он добивается, куда клонит?» Моргая глазами, князь пробормотал:

– Оскорбление вашего величества дерзостными стихами, безусловно, по закону наказуемо...

– Ах, боже мой, как ты порой несносен, Петр Михайлович! – с раздражением отозвался Александр. – Я не говорю про себя, я все ему прощаю, слышишь? Но стихи чувствительным образом задевают многих весьма почтенных особ... Камергер Загряжский назван дураком! Граф Лаваль уродом! Посуди сам, это же намеренное оскорбление ни в чем не повинных людей... Мы должны об этом подумать. В конце концов, если не удалить Давыдова, дело может дойти до дуэли... Неужели тебе не ясна моя мысль?..

Наконец-то Волконский догадался: «Давыдову ничего не простил и прощать не собирается. Желает во что бы то ни стало убрать под благовидным предложением кавалергарда, стать за ширмочку». Ответил государю по-военному, твердо:

– Прошу извинить, ваше величество. Не хватило догадки. Конечно, наша обязанность предупредить возможные неприятности. Давыдова, полагая, из гвардии немедленно исключить, перевести в армейский полк, подальше от столицы. Сделать строгое внушение, указав в полку, что наказан за вольные стихи, оскорбительные для почтенных особ, в нем поименованных...

– И надзирать! Неослабно надзирать за негодеем! – не выдержав, почти крикнул Александр. И, густо покраснев, отвел глаза в сторону.

Вскоре после этого Сергей Марин писал Воронцову:

«...маленькому Давыдову мылили за стихи голову; он написал «Сон», где всех ругает без милосердия».

13 сентября 1804 года Денис Давыдов был исключен из гвардии и переведен в Белорусский гусарский полк, стоявший в окрестностях глухой Звенигородки Киевской губернии.

Х

Исключение из гвардии считалось по тому времени тяжелым наказанием. Выезжая из Петербурга, Денис находился в подавленном состоянии. Ему объяснили, что в армейский полк он выписан по распоряжению государя за оскорбительные для почтенных особ стихи. Но проныцательный Александр Михайлович Каховский, покачивая головой, сказал:

– Опасаюсь, причина более глубокая... Сдается мне, что государь прочитал твои басни, а если так, следует держаться особо осторожно. Несомненно будут следить. Помни!

Денис сжег все свои черновики, дал себе слово подобных стихов и басен никогда не писать, а заниматься отныне лишь службой.

Борис Четвертинский и брат Евдоким, провожавшие его, всячески утешали, обещав при первом удобном случае похлопотать за него, сообщать все столичные новости.

Но так или иначе, мысли у Дениса были невеселые. Ничего хорошего для себя впереди он не ожидал.

Осень стояла ненастная. Дороги были скверные. Пара тощих почтовых лошадей еле-еле тащила утопавшую в грязи бричку. Полосатые верстовые столбы, скрипучие чумацкие обозы, убогие деревеньки. Кругом серо и неприятно. Лакей Андрюшка, служивший обоим братьям, по настоянию Евдокима ехал с Денисом. Обычно веселый, привыкший к столичной жизни, Андрюшка не скрывал своего недовольства, сидел нахохлившись, словно молодой петушок,

побитый в драке. Денис понимал его настроение и старался не разговаривать. Уныние его самого охватывало все сильнее и сильнее.

Однако, не доезжая до своего полка, Денис был неожиданно утешен. В маленьком украинском городке Сумах, где пришлось остановиться из-за проливных дождей, квартировал гусарский полк. Оказалось, его стихи и басни, от которых он теперь всячески открещивался, бог знает каким путем попали сюда и имели огромный успех у гусар. Слава бежала впереди!

Узнав, что автор проездом находится в Сумах, несколько молодых офицеров явились к нему познакомиться и засвидетельствовать свое уважение.

Денис был так растроган и обрадован, что сразу забыл и про свою печальную участь и про осторожность. Три дня пировал с гусарами. Впервые пил водку. Читал стихи, сыпал экспромтами, рассказывал анекдоты. В кругу простых и сердечных сумцев чувствовал себя как дома. Не хотелось расставаться.

Особенно приятное впечатление произвел на Дениса пожилой майор Яков Петрович Кульнев. По годам он был вдвое старше Дениса. Но их многое сближало. Получив образование в кадетском корпусе, Кульнев служил некоторое время в войсках Суворова, благоговел, как и Денис, перед великим полководцем. Суворовское военное искусство ставил выше всего, от суворовских правил никогда не отступал. Кульнев был холост и беден, жил на скудное майорское жалованье, из которого третью часть аккуратно посылал старухе матери. Не имел никаких связей, не любил низкопоклонства. Поэтому, несмотря на большие военные знания и репутацию умного храброго офицера, почти десять лет пребывал в одном чине, заслужив прозвище «вечного майора». Денису невольно вспоминались разговоры с Каховским и Ермоловым: при существующем положении человеку одаренному, но не располагающему средствами и связями на справедливое отношение начальства нечего надеяться. Сам Яков Петрович, покручивая усы, говорил добродушно:

– Лучше быть меньше награжденному по заслугам, чем много без всяких заслуг...

Хотя в душе, разумеется, он чувствовал себя обиженным.

Внешность Кульнев имел примечательную. Это был высокий, чуть сутулившийся, худощавый, но широкоплечий мужчина, с темными, начинавшими седеть волосами. Смуглое лицо его, обрамленное пышными бакенбардами, большой нос с горбинкой, длинные усы и живые, немного навывкате глаза запоминались надолго.

Характер и образ жизни его отличались самобытностью. Очень правдивый, чувствительный, всегда готовый помочь в беде товарищам, Кульнев сам себя ничем не баловал. Занимал скромную квартиру, спал на походной кровати.

Приглашая к себе в гости Дениса и офицеров, Яков Петрович предупредил:

– Милости прошу, только каждого со своим собственным прибором, ибо у меня один...

Кульнев не любил пользоваться чужими услугами. Даже кушанья готовил сам, и они были так вкусны, что всех, восхищали. Радушно потчует гостей, Яков Петрович приятным баском приговаривал:

– Голь на выдумки хитра... Я, господа, живу по-донкихотски, как странствующий рыцарь печального образа, не имею ни кола ни двора. Потчую вас собственной стряпней и чем бог послал.

Кульнев, как и многие военные того времени, осуждал некоторые действия правительства, был недоволен начавшимся возвышением Аракчеева. Свое отечество он любил страстно.

Когда зашел разговор о предстоящих военных действиях, Яков Петрович как бы между прочим заметил:

– Ежели я паду от меча неприятельского, то паду славно. Я почитаю счастьем пожертвовать последней каплей крови моей, защищая свое отечество.

И всем стало ясно: в устах такого человека, как Кульнев, эти слова – не простая фраза.

– Как бы желал я быть с вами вместе на поле брани! – сказал Денис, прощаясь с полубившимся ему майором.

– Встретимся, даст бог, голубчик, встретимся, – сердечно ответил Кульнев, совсем потечески целуя его в лоб.

... В Белорусском полку, куда явился Денис через несколько дней, тоже приняли неплохо. Шефом полка числился командир кавалергардов Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, но он постоянно проживал в столице. Замещал его толстый пожилой генерал из немцев, оказавшийся человеком добродушным. Он, как выяснилось, служил в ранней молодости в одном полку с Василием Денисовичем и к сыну старого однополчанина отнесся участливо. После того как все формальности были выполнены и Денис, получив назначение в эскадрон и любезное приглашение на обед, собрался уходить, генерал его задержал:

– Позвольте, батенька... А стишки-то как же?

– Какие стишки, ваше превосходительство? – удивился Денис.

– Те самые, – улыбнулся генерал, – кои доставили нам удовольствие видеть вас у себя... С вольным душком, как я из приказа усмотрел... Одолжили бы старика, почитали... Любопытно-с!

От такого предложения Денис вначале растерялся, затем, видя, что задних мыслей у генерала нет, а разбирает его простое любопытство, прочитал стихотворение «Сон» и еще несколько шуток.

– Ох, уморил, совсем уморил! – от души смеялся генерал, содрогаясь всем своим рыхлым телом. – В отца пошел, тот, помню, тоже острым умом отличался... Только в толк не возьму, неужто за эти самые стихи выслан-то? Ты уж меня не обманывай, – переходя на родственный тон, простодушно продолжал генерал, – может быть, другие стишки-то есть, позабористей, а?

– Никак нет, ваше превосходительство... Выслан за эти самые!

– Дураки какие! – пожав плечами, заключил генерал. – Да такие стихи я и в полку у себя писать не запрещаю, сделай милость... Лишь этих самых... якобинских идей остерегайся, не подводи смотри!

Денис обещал не подводить. От якобинских идей он в самом деле был очень далек.

Эскадрон, куда получил назначение, располагался на самой окраине Звенигородки, большого местечка, населенного украинцами, поляками и евреями. Эскадронный командир, высокий и усатый майор Осип Данилович Ольшевский, занимал большой дом и любезно предложил Денису поселиться пока у него. Но Андрюшка с поразительной быстротой нашел более удобную квартиру. Вдова какого-то комиссионера за небольшую плату сдала целый флигель из двух комнат с окнами в сад.

Денис был полон благих намерений. Он еще дорогой решил, по примеру Кульнева, жить скромно, часть жалованья посылать матери. Он будет примерно служить, продолжать совершенствовать свои военные знания. Андрюшка возьмется за хозяйство, при местной дешевизне продуктов питание обойдется недорого. С такими мыслями и заснул Денис в первую ночь.

Но спать пришлось недолго. Разбудил сильный стук в окно и ругань Андрюшки, не пускавшего кого-то во флигель. Не понимая, что случилось, Денис поднялся, зажег свечу. На пороге стоял незнакомый офицер в молодецки наброшенном на плечо ментике и смятой гусарской шапочке, еле державшейся на затылке. Офицер был молод, красив и мертвецки пьян. Глядя на Дениса блестящими синими глазами, он неверным движением руки откинул со лба сползавшую прядь белокурых волос, дотронулся до лихо закрученных усов и попробовал улыбнуться:

– Прорвался все-таки... Принимаешь?

Дениса бесцеремонность гостя сперва возмутила. Но приятное, с мягкими чертами лицо офицера выражало такое благодушие, что обижаться было невозможно.

– Принимаю... только желательно днем, – сказал Денис и, не удержавшись от невольной улыбки, добавил: – Здорово накачался!

– И не говори, – взмахнул рукой офицер. Потом сделал нетвердый шаг вперед, представился: – Подпоручик Бурцов... Алексей Петрович... Алешка... как тебе угодно... Все равно!

С трудом добравшись до дивана, гусар сел, вытянул ноги и продолжал:

– Слышу, приехал... Кто такой? Денис Давыдов... тот самый... Я, брат, помню... – погрозил он пальцем и неожиданно, внятно выговаривая каждое слово, продекламировал:

«И можем иногда, споткнувшись – как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».

Денис вздрогнул, оглянулся, поправил с досадой:

– Могущество... Не величество, а могущество!

Бурцов залился смехом:

– Нет, брат, что написано пером, не вырубишь топором... Мне из Петербурга прислали... Могу показать!

«Черт знает что такое! – подумал Денис. – При переписке, очевидно, заменяют слова. Может быть, весь сыр-бор из-за этого разгорелся?» Он невольно содрогнулся, представив, что басню в таком виде мог прочитать царь.

А Бурцов с пьяной откровенностью продолжал:

– Уважаю за смелость... Хотел пожать руку, расцеловать, да вот сам видишь, не удалось! Проклятый арак так с ног и сбивает. Все равно – друг тебе до гроба! Можешь положиться... А на гвардию плюнь, черт с ней! Армейские гусары тоже, брат, не дураки... Полька одна есть, Стася... Я тебя представляю, доволен будешь... Заживем, брат, славно!

Наконец он выговорился, повалился на диван и сразу с присвистом захрапел. Денис, встревоженный внезапно возникшими неприятными мыслями, заснул лишь под утро.

... Прошло каких-нибудь две недели. Бурцов, первый в полку забияка и повеса, отвлек Дениса от благих намерений. Бурцов стал закадычным приятелем. И Денис с головой окунулся в обычные для того времени «гусарские шалости». По-прежнему не брал лишь карт в руки, зато ни от чего другого не отказывался. Кутежи, цыгане, попойки, поездки к соседним помещикам, где до упаду танцевали мазурку. Всего было вдоволь!

Денис щеголял в новеньком гусарском мундире, находя, что он идет ему больше, чем кавалергардский. Стоя теперь перед зеркалом, Денис видел себя иным, чем три года назад. Он прибавил немного в росте, возмужал. Густые черные волосы курчавились, и торчавший справа, неизвестно почему поседевший завиток не портил красивой прически. Нос был вздернут, зато темно-карим с зеленоватым оттенком горячим глазам, пышным бакенбардам и выхоленным усам мог позавидовать любой гусар⁹. Дочь поляка-помещика, хорошенькая и веселая Стася, находила его милым и отдавала ему предпочтение перед другими. У Дениса кружилась голова. Он писал Стасе нежные стихи. Полька по-русски не понимала, к поэзии была нечувствительна, хотя целовала за каждое стихотворение страстно. Денис заполнил стихами весь ее альбом.

Гусары часто собирались в квартире Дениса. Однажды он послал с вестовым стихотворное послание запоздавшему приятелю:

Бурцов, ёра, забияка,

⁹ Среди других портретных характеристик Д. Давыдова, сделанных его современниками, обращает на себя внимание следующая: «Д. В. Давыдов был не хорош собою; но умная, живая физиономия и блестящие выразительные глаза – с первого раза привлекали внимание в его пользу. Голос он имел пискливый, нос необыкновенно мал; росту был среднего, но сложен крепко и на коне, говорят, был как прикован к седлу. Наконец, он был черноволос и с белым клоком на одной стороне лба» (М. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869 г.).

Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он – гусар и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны – куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса,
А на место ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар,
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

Бедность обстановки, положим, была преувеличена. Куль овса придуман для рифмы. Но стихотворение всем понравилось. Таким живым слогом тогда еще не писали.

Денис сочинил несколько других подобных стихотворений. Гусары заучивали их наизусть, записывали в тетрадки. Слава молодого поэта росла. Но иногда в его легких стихах, воспевавших гусарский быт и пирушки, проскальзывала мысль о близости военных действий.

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят,
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, поблднеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!

Война приближалась. Вскоре пришли известия о заключении военных договоров со Швецией, Австрией и Англией. Русская девяностотысячная армия сосредоточивалась у прусской границы, в районе Брест-Литовска и Гродно. Другая, пятидесятитысячная, – формировалась южнее, под командой старого суворовского соратника Михаила Илларионовича Кутузова. Она должна была следовать через Галицию на соединение с австрийцами.

Белорусский гусарский полк перевели на военное положение, но пока держали в резерве. Не прекращая легкомысленных увлечений, Денис в то же время внимательно следил за развитием событий. С весны он все чаще и чаще стал покидать своих полковых товарищей. В ста верстах отсюда находилась Каменка, имение его тетки Екатерины Николаевны Давыдовой. В Каменке жил в то время человек, общение с которым доставляло Денису большое удовольствие. Это был сын Екатерины Николаевны от первого брака, Николай Николаевич Раевский.

XI

Тридцать пять лет тому назад светлейший князь Григорий Александрович Потемкин просватал свою племянницу Катеньку Самойлову за полюбившегося ему тихого и скромного офицера Николая Семеновича Раевского. Катеньке было четырнадцать лет. Потемкин возражений не терпел: что взбрело на ум, то и делал. Катенька ждала первенца и играла в куклы. Муж уехал в армию, а вскоре пришло страшное известие: Николай Семенович скончался в Яссах от тяжелых ранений.

Года через полтора Екатерина Николаевна Самойлова-Раевская вторично, по любви, вышла замуж за гвардейского офицера Льва Денисовича Давыдова. Они прожили душа в душу тридцать лет. Племянница могущественного екатерининского фаворита была неизменно богата. Как-то забавляясь, Лев Денисович из одних начальных букв названий поместий, принадлежащих жене, составил фразу: «Лев любит Екатерину».

Каменка считалась главной резиденцией. Каменская усадьба раскинулась над живописной долиной реки Тясмин. Обширный двухэтажный дом, украшенный колоннами и башенками, походил на дворец. С обеих сторон к нему примыкали многочисленные флигели и службы. В конюшнях стояли рысистые лошади собственного завода. В большом тенистом саду, сбегавшем к реке, устроены пруды и беседки. Сквозь листву проглядывал белый мрамор наяд и нимф, выписанных из Италии.

Николушку в раннем возрасте сдали на попечение гувернеров-французов, – воспитывали дома. Скучные знания, получаемые от гувернеров-французов, он пополнял чтением. Домашняя библиотека по количеству собранных книг не уступала любой столичной.

По обычаю того времени Раевский рано был записан в гвардию, готовился к военной карьере. В лагере, под Бендерами, семнадцатилетний поручик впервые представился Потемкину. Дед принял его ласково, он даже написал для него «Наставление», из которого Раевский запомнил лишь первые строки: «Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты? Если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем».

И Раевский следует этому совету. В двадцать лет его производят в полковники. Два года он служит в корпусе Михаила Илларионовича Кутузова.

Женившись на Софье Алексеевне Константиновой – родной внучке Михаила Васильевича Ломоносова, двадцатидвухлетний Раевский отправляется на Кавказ, где командует Нижегородским драгунским полком, принимает участие во многих походах и боевых делах, показывает себя талантливым и храбрым офицером.

Вступивший на престол Павел немедленно исключает со службы «потемкинского внука». Раевский, имевший собственное имение Болтышку, недалеко от Каменки, превращается в сельского хозяина. Но военными делами продолжает интересоваться. Много читает, делает

разборы прошлых войн. Выписывает журналы и книги не только отечественные, но и заграничные.

Император Александр снова принимает Раевского на службу, жалует ему чин генерал-майора. Но осенью 1801 года умирает его отчим Лев Денисович. Екатерина Николаевна, тяжело переживавшая эту утрату, остается в Каменке одна. Старшие дети от второго брака Александр Львович и Петр Львович не захотели расстаться со службой. Дочь, Софья Львовна, вышла замуж за генерал-майора Бороздина. Младший сын, Василий, воспитывался в аристократическом петербургском пансионе аббата Николя. Раевский, горячо привязанный к матери, выходит в отставку, переезжает в Каменку. Надо ж кому-то заниматься хозяйством!

Когда Денис впервые ехал в Каменку, то ожидал найти своих родственников людьми чопорными и гордыми, скрывающими под внешней любезностью холодность чувств. А вышло иначе. Николай Николаевич, видевший Дениса всего один раз в жизни, маленьким, встретил его как родного брата. И тут же попрекнул:

– Мы уже давно тебя ждем. Слышали, что по соседству находишься. Грешно, братец, своих забывать!

– Никак не мог, служба, – отозвался Денис.

Николай Николаевич окинул его лукавым, понимающим взглядом и добродушно рассмеялся.

– Про службу твою тоже кое-что знаем... Пойдем-ка, гусар, к маменьке, она тебя по-свойски отчитает...

Выяснилось, что об исключении Дениса из гвардии Раевского уведомил брат Александр Львович. А какие-то офицеры, недавно проезжавшие через Каменку, многое от себя прибавив, рассказали о беспутной жизни поэта-гусара в Белорусском полку. Екатерина Николаевна, пятидесятилетняя, с величавой осанкой женщина, в самом деле намеревалась «отчитать» племянника. Но как только он, несколько смущаясь, вошел с Раевским в комнату, она, глядя на него в лорнет, воскликнула:

– Бог мой, как он напоминает чем-то покойного Льва Денисовича! Ты не находишь разве сходства, Николушка? – обратилась она к сыну.

– Батюшка был повыше и подородней, маменька, – заметил Раевский. – Кроме того, насколько мне помнится, – продолжал он с улыбкой, – батюшка никогда не занимался стихами...

– Занимался, мой друг, занимался... Тоже гусаром был! – вздохнула Екатерина Николаевна. И, продолжая разглядывать Дениса, сказала ему с грубоватой простотой: – Ну, иди целуй, чего же ты на меня уставился?

Екатерине Николаевне понравился живой темперамент Дениса, доставляли удовольствие его шутки и стихи; она даже беспокоилась, когда племянник долго не появлялся.

С остальными членами семейства, жившими тогда в Каменке, Денису сойтись было еще легче. Этому способствовали простые, искренние отношения, существовавшие в семье Раевских благодаря особенностям характера самого Николая Николаевича. Ему исполнилось в то время тридцать четыре года. Среднего роста, крепкого сложения, с гордым профилем, спокойный и ровный в обращении со всеми, он умел всегда поставить на своем, если это требовалось.

Жена его, Софья Алексеевна, никаких ломоносовских черт не унаследовала. Она походила на отца, грека по происхождению. Бывала иногда несправедлива, капризна, раздражительна. Но достаточно было одного мягкого и вместе с тем твердого слова мужа, чтобы она успокоилась. Еще большее влияние Раевский оказывал на детей. Он как будто не особенно много занимался с ними, но дети обожали его. Старший, десятилетний Саша, худой, высокий и умный мальчик, считал самой высокой наградой для себя похвалу отца. Семилетняя красивая и кокетливая Катенька, признанная любимица бабушки, спешила сообщить свои детские секреты и наблюдения прежде всего отцу. Четырехлетний Николенька, толстый и неуклюжий,

как медвежонок, только и ждал удобной минуты, чтобы забраться на колени к Николаю Николаевичу. В милой семье Раевских Денису все пришлось по душе. Вскоре он стал здесь своим человеком.

Николай Николаевич с присущей ему проницательностью разгадал, что «гусарская бесшабашность» Дениса есть не что иное, как временная дань молодости, и старался всячески остепенить его. При каждом удобном случае, ссылаясь на примеры из Плутарха и Тацита, авторов, особенно им любимых, Раевский напоминал Денису, что доблесть воина украшается не разгульной жизнью, а добродетелями гражданина. И Денис все больше поддавался нравственному влиянию Раевского. Правда, он продолжал еще бравировать своей удачей, ухарством, любил прихвастнуть тем, чего и не было, – это тешило его самолюбие, но от кутежей и попок под разными предлогами все чаще уклонялся. Писать гусарские стихи тоже перестал.

Дружеские беседы с Раевским стали для него душевной потребностью. Говорили они чаще всего о военных делах. И всякий раз Денис открывал в Раевском такие редкие качества, каких не находил у других, даже у любимого Ермолова. Сравнение между ними напрашивалось само собой. Раевский и Ермолов одинаково знали и любили военное дело, являлись сторонниками русских – румянцевских и суворовских – традиций, осуждали прусскую систему и считали аракчеевщину позором. Но брат Алексей Петрович, как понимал его Денис, был не чужд тщеславия, мог быть несправедливым, жестоким. Раевский же смотрел на все ясной душой, не омраченной тщеславием. Он относился равнодушно к чинам, наградам, почестям. Узнав о начавшихся военных приготовлениях, Раевский поехал в Петербург, надеясь получить полк, но «бештимтзагеры» объявили, что вакантных мест нет, предложили незначительную штабную работу. Раевский откланялся и уехал.

В службе он не стремился «делать карьеру». Военное дело имело для него смысл лишь как необходимое средство защиты отечества, страстно им любимого. Однажды в разговоре Денис заметил, что совершать военные подвиги способны только люди свободные, не связанные семейными узами.

– Ну, мне кажется, ты не совсем прав, – с улыбкой возразил Раевский. – Правда, большинство полководцев, посвятивших себя целиком военному делу, не имели времени обзаводиться семьями, но подвиги, совершаемые на полях сражения, от этих обстоятельств не зависят. Человек, любящий семью, сознает, что, защищая родину, он тем самым оберегает и близких ему людей...

Раевский на минуту задумался и вдруг с какой-то необычайной теплотой и страстностью добавил:

– А что же такое родина, как не общая семья наша?!

Денис понял, что, если потребуют обстоятельства, этот скромный и душевный человек, сидевший перед ним в домашнем халате, ни перед чем не остановится¹⁰.

... Летом в Каменке гостил граф Александр Николаевич Самойлов, дядя Раевского. Важный и сердитый шестидесятилетний старик, бравший Очаков, а при штурме Измаила командовавший одним из трех атакующих отрядов, близко знал Суворова и Кутузова. Теперь, находясь в отставке, но будучи хорошо осведомлен о приготовлениях к предстоящей военной кампании, Самойлов не скрывал своего мрачного предчувствия.

¹⁰ Сильное и благотворное влияние генерала Раевского на Дениса Давыдова совершенно бесспорно, хотя нигде в биографиях его этот факт не отмечен. Д. Давыдов в течение семи лет (1805 – 1812), то есть когда складывались его общественные взгляды и совершенствовались военные знания, находился в самом тесном общении с Николаем Николаевичем, принадлежавшим, несомненно, к числу наиболее образованных, гуманных и патриотически настроенных генералов. Стоит вспомнить, как высоко ценил его А. С. Пушкин, который писал в 1820 году брату Льву из Вьрьма: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привлечет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества»

– Успех сей кампании весьма сомнителен, – желчно говорил он. – Набрали союзников! Англичане с проклятого своего острова двигаться не желают. От шведов одни обещания. Пруссия нейтралитет соблюдает. Австрийский гофкригсрат – ему черт не рад! Двуличная политика австрийцев всему свету известна! А в Петербурге, изволите ли видеть, на сие обстоятельство не желают внимания обращать. Все надежды на австрийцев возлагают. Еще бы! Они триста тысяч войск выставить обещают. Кончена песенка господина Бонапарта! Попался! Бонапарта, коею сам покойный Александр Васильевич Суворов искуснейшим полководцем признавал, ныне в дураки записали. А битых Бонапартом австрийских генералов – в умники. На труднейший поход кутузовской армии смотрят, как на увеселительную прогулку. Всюду молодых генералов понасажали, а они выстрелы слышали разве что на маневрах близ Красного Села. Противно!

– Однако ж, милостивый государь дядюшка, – почтительно возразил Раевский, – нельзя забывать о доблести войск наших...

– В русских войсках не сомневаюсь, драться насмерть будут, – перебил Самойлов. – И в Михаиле Кутузове не сомневаюсь. Знаю блистательный, тонкий ум его. Да что толку? План кампании доверили австрийцам разрабатывать. А хуже того... некоторые высокие особы сами намерены принять участие в военных действиях. А Бонапарту того и надо... Нет, дай бог, чтоб я ошибся, а добра не ожидаю...

Денис в разговоре участия не принимал, спорить с его высокопревосходительством не осмеливался, а слушал с любопытством. Думал же по-своему.

Многие доводы старого графа казались верными. Багратион тоже говорил о ненадежности союзников. Возмутительно, что австрийцам так доверяют. Ну, да Кутузов за себя постоит. Недаром его любил Суворов. В успехе кампании Денис все же не сомневался. И то обстоятельство, что во главе неприятельских войск стоит прославленный полководец, никак не пугало. Напротив. Молодой задор и честолюбие, которого Денис никогда не скрывал, возбуждали в нем сильное желание принять участие в предстоящем походе.

Вскоре Белорусский гусарский полк, входивший в состав корпуса генерала Тормасова, двинулся к молдавской границе. Но здесь приказали остановиться. Корпус формировался как резервный, надежды на участие в военных действиях были слабые. Денис подал прошение перевести его в любую действующую часть, послал отчаянные письма в Петербург брату Евдокиму, Четвертинскому, Каховскому. Ничего не вышло! Александр Михайлович коротко уведомил, что кавалергарды, среди которых находился Евдоким, выступили из Петербурга. А Борис Четвертинский уехал адъютантом к князю Багратиону, назначенному командиром авангарда армии Кутузова.

Денис терзался завистью. Никогда еще высылка из гвардии не казалась ему таким тяжелым наказанием, как теперь.

10 августа 1805 года под Бродами кутузовская армия перешла австрийскую границу. Денису оставалось лишь довольствоваться сведениями о военных действиях.

ХП

Разобраться по-настоящему в том, что происходило в Австрии, было не так-то просто. Читая краткие и сухие военные репортажи, Денис испытывал странное чувство какой-то раздвоенности. Было ясно, что планы, тщательно разработанные австрийскими «великими тактиками», оказались, как многие и ожидали, никуда не годными. Позорная капитуляция австрийской армии генерала Мака под Ульмом и тяжелое положение, в какое попала в связи с этим кутузовская армия, вызывали у всех чувство негодования против самонадеянных и двуличных союзников. Блестящие победы над ними Бонапарта в какой-то степени даже радовали, вселяя в душу злорадство: так им и надо! Но как расценивать дальнейшее? Кутузовская тридцатипятитысячная армия, утомленная долгим походом из России, плохо снабженная провиантом,

отступала вниз по Дунаю, преследуемая стотысячной французской армией. Это вынужденное отступление было все-таки неприятно, но... превосходство неприятельских сил было столь очевидно, что действия Кутузова никаких сомнений в правильности не возбуждали. Он должен был поступить именно так. Он спасал армию. Удачные маневры Кутузова под Кремсом и Цнаймом походили на большую победу. Кутузов перехитрил Бонапарта, рассчитывавшего в этих местах захватить русскую армию. Денис не мог не восхищаться искусством Кутузова. А бой при деревне Шенграбен, где небольшой отряд Багратиона сдержал напор в шесть раз сильнее неприятеля? Какое легендарное дело! Кутузов понимал, что шеститысячный отряд Багратиона, посланный им, чтобы задержать французов, обрекается на неминуемую гибель. Но иного выхода не было. Нужно выгадать хоть один день, чтобы армия могла выбраться из ловушки, подготовленной Бонапартом.

Князь Багратион тоже отлично знал, что от него требуется.

– Стану на месте – и баста! – коротко и твердо сказал он, прощаясь с Кутузовым.

Офицеры и солдаты бились насмерть. Восемь часов подряд. Багратион лично вел атаку егерей. И только когда узнал, что армия Кутузова вне опасности, отряд его, проложив себе штыками дорогу, соединился с главными силами.

Денису невольно припоминалась встреча с Багратионом в доме Нарышкина. Уверенность князя, что русские войска выполняют свой долг, подтверждалась высоким воинским подвигом, совершенным его отрядом. Денис прямо-таки благоговел перед Багратионом и, конечно, глубоко сожалел, что не пришлось самому принять участия в славном деле.

Но вот дошла весть об Аустерлицкой битве. Поражение русских и австрийских войск, состоявших под командой того же осторожного, опытного и мудрого Кутузова, казалось событием невероятным. Тем более что французы не имели на этот раз даже численного перевеса. В чем же тут дело? Кто виноват в проигранном сражении?

Денис долго не мог прийти в себя от неожиданности и не находил ответа на возникавшие беспокойные вопросы. А тут еще стали носиться смутные слухи о больших потерях, понесенных в Аустерлицком бою кавалергардами. А от брата Евдокима три месяца никаких известий.

Денис с нетерпением ожидал Раевского из Петербурга, куда тот уехал в начале осени. Николаю Николаевичу, несомненно, удастся узнать подробности неудачного сражения. И возможно, он что-нибудь услышит о брате Евдокиме.

* * *

Николай Николаевич возвратился в Каменку по санному пути. Узнав об этом, Денис выпросил десятидневный отпуск и не замедлил повидаться с Раевским.

– Новостей тьма, мой друг, но все плохие, – сразу заявил Николай Николаевич. – Кампания проиграна самым глупейшим образом. Обидней всего, что мы имели большие шансы на успех, но все словно нарочно делалось не так, как нужно.

– Как же это случилось, почтеннейший Николай Николаевич? – нетерпеливо спросил Денис.

– Очень просто... Под Ольмюцем, куда привел свою армию Кутузов, мы занимали превосходную позицию и могли безопасно ожидать присоединения войск эрцгерцога Карла, спешившего на соединение. В то же время другие австрийские части занимали уже Цнаймскую дорогу, угрожая отрезать путь отступления французам. Следовало лишь выждать несколько дней, и Бонапарт вынужден был бы сам очистить австрийские владения...

– Однако ж, полагаю, Кутузову эти обстоятельства были известны? – снова сказал Денис.

– Несомненно, – подтвердил Раевский. – Михаила Илларионович поэтому настойчиво и предлагал воздержаться от губительного движения армии к Аустерлицу. Но, как говорят в Петербурге, молодым генерал-адъютантам, составлявшим свиту государя, не терпелось укра-

силь себя свежими лаврами. И мнение их, к сожалению, восторжествовало. Это одна причина. Вторая – в излишнем доверии австрийцам. Диспозицию сражения составлял австрийский генерал Вейротер по всем правилам старых немецких канонов, – по лицу Раевского скользнула усмешка, – следовательно, для современных боевых действий диспозицию малопригодную... А возражения Кутузова опять-таки отвергли, и, надеюсь, ты понимаешь, ему оставалось лишь выполнять волю монархов... В этом суть!

Раевский старался говорить спокойно, избегал резких фраз, а все-таки раздражения скрыть не удавалось. Для Дениса все стало ясно. Так и подмывало высказать в стихах свое возмущение! Нет, нельзя, иначе, пожалуй, совсем придется распрощаться с военным мундиром!

А Николай Николаевич, расхаживая по комнате, продолжал:

– В общем, по всему видно, воевать нам с Бонапартом придется долго. Но скверно, что печальные события ничему, кажется, нас не научили. Кутузова, справедливым мнением коего пренебрегли сами, – Денис понимал, что подразумеваются царь и близкие к нему люди, – сделали козлом отпущения. Кутузов должен платить за горшки, не им перебитые! А вместо австрийцев, выбывших из игры, мы, кажется, намерены опереться на немцев. Собираем большую армию. Объявлен новый набор рекрутов. Остановка как будто за назначением главнокомандующего. И представь, серьезно поговаривают о самых престарелых наших фельдмаршалах – Прозоровском и Каменском. Каждый из них по крайней мере имеет то преимущество перед Бонапартом, что вдвое его старше, – иронически произнес Раевский и, махнув рукой, добавил: – Ну, да не будем загадывать: поживем – увидим!

Раевский сообщил и некоторые частные новости. Алексей Петрович Ермолов отличился под Аустерлицем, замечен высшим начальством, произведен в полковники. Самому Николаю Николаевичу тоже наконец-то обещали команду. Но о брате Евдокиме, к сожалению, ничего не удалось узнать. Кавалергарды не возвращались. Списки убитых и раненых не составлены.

Денис уехал из Каменки на этот раз в неважном настроении: судьба брата сильно беспокоила.

... Лишь весной неожиданно пришло письмо от Бориса Четвертинского. Он уведомлял, что Евдоким, раненный во время блестящей атаки кавалергардов, находится сейчас в плену. Про себя Четвертинский писал коротко: состоял неотлучно при Багратионе, был легко ранен, награжден двумя крестами. Теперь переведен командиром эскадрона в лейб-гусарский полк. И крепко надеется, что Денис скоро опять будет с ним вместе.

Денис повеселел. Он не представлял, как может осуществиться обратный перевод в гвардию, но знал: старый приятель напрасно писать не стал бы.

И верно, 4 июля 1806 года Давыдова прежним чином поручика перевели в лейб-гусарский полк, где служил Борис Четвертинский.

Денис быстро простился с товарищами. По дороге заехал в Москву, повидался со своими. А в начале сентября был уже в Павловске, где стояли лейб-гусары и где поджидал его Четвертинский.

– Каким же образом тебе удалось меня выпарпать? – радостно говорил Денис, обнимая приятеля. – Мне прямо не верится. Словно в сказке!

– Благодарю сестру, – сдержанно отозвался Борис, – она танцевала как-то с государем и замолвила за тебя словечко.

– Что за волшебница! Я на всю жизнь ее должник! – с чувством воскликнул Денис.

И при первой же поездке в столицу явился к Марии Антоновне. Она, как и прежде, тепло приняла товарища брата. Пригласила навещать ее по-прежнему запросто. Отношения между ними установились дружеские.

Однако продолжались такие отношения с первой петербургской красавицей недолго. Денис достоверно узнал, что неизменное внимание государя к Марии Антоновне не является обычным проявлением его любезности. Между ними второй год уже существовала тайная

связь. Новость эта, известная пока в узком дворцовом кругу, подействовала на Дениса неприятным образом. Сразу создало чувство какой-то неловкости, отчужденности не только к Марии Антоновне, но и к Борису Четвертинскому.

«Знает он или нет? – думал Денис, встречаясь с ним. – А если знает, то как ему это нравится?»

И почему-то всякий раз при этих мыслях невольно краснел.

Среди новых полковых товарищей Денис испытывал неловкость другого рода. Лейб-гусары, показавшие себя молодцами в Австрии, возвратившись обратно, щеголяли боевыми орденами, постоянно вспоминали, как всегда в таких случаях многое прибавляя, про боевые дела. Денису оставалось молча слушать и потихоньку вздыхать.

ХІІІ

Военные действия вот-вот должны были начаться снова. Пруссия, выйдя наконец-то из нейтралитета, выставила против Бонапарта 170-тысячную армию. Но спустя несколько дней при Иене и Ауэрштадте пруссаки потерпели страшный разгром. Бонапарт занял Берлин. Его войска двинулись на восток. Король прусский Фридрих укрылся в Мемеле, надеясь лишь на обещанную императором Александром помощь.

Русская стотысячная армия опять оказалась без союзников. К тому же не было еще главнокомандующего. Корпусами командовали генералы Беннигсен и Буксгевден, не имевшие особых дарований и враждовавшие между собой. Многие военные, как Багратион, Раевский, Ермолов, понимали, что лучшего главнокомандующего, чем Кутузов, найти нельзя. Но Александр про Кутузова и слышать не хотел. В ноябре назначили главнокомандующим, семидесятилетнего фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского, находившегося последние десять лет в отставке.

Денис нетерпеливо ожидал, что гвардия тоже выступит в поход, но... судьба словно издевалась над ним! Гвардию на этот раз решили пока не трогать.

Денисом овладело отчаяние. Черт знает что такое: просидел без дела прошлую кампанию и снова обрекался на бездействие! Нет, надо во что бы то ни стало выбраться из этого заколдованного круга!..

Он едет в Петербург, просит, чтобы приписали его к любому армейскому полку, идущему за границу. В военной канцелярии порыв молодого гусара снисходительно похвалили:

– Отлично! Это делает вам честь!

И тут же решительно отказали:

– Вы знаете, что государь не любит волонтеров...

Тогда Денис решает просить самого главнокомандующего. Каменский, только что приехавший из своей орловской деревни в столицу, жил в Северной гостинице. Денис пробрался к нему ночью и, чистосердечно объяснив свое желание служить в действующей армии, сумел расположить к себе своенравного фельдмаршала. Тот обещал похлопотать за него перед императором. Однако, когда на следующий день Денис явился узнать о своей участи, Каменский сказал:

– Я говорил о тебе... просил в адъютанты к себе, в несколько приемов, но мне отказали под предлогом, что тебе надо еще послужить во фронте. Признаюсь, по словам и по лицу государя вижу, что не могу тебя выпросить. Ищи сам средства... Я же тебя с радостью приму.

В мрачном настроении ушел Денис от Каменского. Произошло нечто более неприятное, чем он предполагал. До сих пор, признаться, он не склонен был думать, чтобы император придавал большое значение персоне какого-то поручика. Высылка из Петербурга сама по себе ничего еще не значила. Царю доложили, он подписал подготовленную бумагу, может быть, и стихов-то не читал. А если и прочитал, так, наверное, давным-давно забыл! Мало ли у него

других забот! В Звенигородке, правда, встревожила мысль, что царь мог прочесть стихи в более резкой редакции. Но обратный перевод в гвардию окончательно успокоил.

Теперь же из слов Каменского он мог заключить, что дело далеко не кончено, что царь лишь оказал любезность своей фаворитке, а ему, Денису, ничего не простил. Отказ главнокомандующему в таком пустяке, как позволение взять с собой офицера, – вещь неслыханная! Отказ свидетельствовал о самом неприязненном к нему отношении императора. На какую же будущность военного можно рассчитывать? Рушились все планы, все надежды...

Поглощенный невеселыми размышлениями, Денис не заметил, как дошел до нарышкинского дома и почти столкнулся у главного подъезда с Борисом Четвертинским.

– Денис! – весело окликнул тот. – Ты куда и откуда? Почему сердитый?

– Скверные, брат, дела, – с тяжелым вздохом отозвался Денис. – Хотя в отставку подавай! Он коротко сообщил свой разговор с фельдмаршалом. Четвертинский сдвинул брови.

– Да... Положение неважное, – произнес он. – Ну, пойдем к Мари, может быть, что-нибудь придумаем...

Мария Антоновна встретила с обычным радушием. Расспросила о подробностях вчерашнего визита к фельдмаршалу. Потом, прищурив голубые красивые глаза, сказала:

– Зачем же вам было рисковать? Вы бы меня избрали своим адвокатом, и, возможно, желание ваше давно уже было бы исполнено.

Денис густо покраснел. Странное, не испытанное доселе чувство охватило его. Понимал, что, может быть, в ходатайстве Марии Антоновны вся его судьба. С другой стороны, в этом ходатайстве он видел что-то нехорошее, унижительное...

– Время не ушло... Одно внимание ваше... – пробормотал он, целуя прелестную ручку. И, быстро оправившись, с чувством добавил: – Вы возвращаете мои надежды!

... Император Александр при внешней любезности был упрям, труслив и злопамятен. Составив мнение, что Денис Давыдов принадлежит к числу «опасных якобинцев», Александр продолжал тайно следить за его дальнейшим поведением. Гусарские стихи и остроты Дениса, правда, никаких подозрений не внушали. Но стоило императору припомнить дерзкие строки из старых басен, как злобное чувство вспыхивало вновь... Тот, кто мог написать подобные стихи, никогда не исправится!

Сдержав себя, Александр исполнил просьбу Марии Антоновны о возвращении Давыдова в гвардию. Однако вмешательство фаворитки в судьбу человека, которого он считал опасным, лишь усилило неприязнь к нему. Александр почувствовал себя оскорбленным тем, что с близкими ему людьми «негодяй» находится в дружеских отношениях. И его, императора, вынуждают поступать против своей воли! Таких укулов своему самолюбию Александр обычно не прощал. И если боялся без достаточных оснований принять против ненавистного человека решительные меры, то мелкими мстительными действиями преследовал его при каждом удобном случае.

Вот почему, когда фельдмаршал Каменский изложил свою просьбу, Александр едва сдержал негодование:

– Просите кого угодно... Но Давыдова ни в коем случае. Пусть послужит во фронте!

Марии Антоновне в просьбе отказать было значительно труднее. Предчувствуя такой разговор, Александр заранее к нему подготовился.

– Вы знаете, та chère, я всегда готов исполнять все ваши просьбы, – приятным голосом сказал император, – но исполнение этой, должен сознаться, ставит меня в неудобное положение. Я отказал графу Михаилу Федотовичу!

– Простите, ваше величество, мое любопытство... каковы же причины? – спросила Мария Антоновна.

– О, как вы еще наивны, Мари! – воскликнул Александр. – Ваш протеже Давыдов недавно возвращен в гвардию и, не зная совершенно фронтовой службы, почти сразу назначается адъютантом самого главнокомандующего. Подумайте, какие могут возникнуть разговоры!

– Я уверена, ваше величество, Давыдов оправдывает себя отлично, – возразила Мария Антоновна. – В нем есть огонек, необходимый военному.

– И в этом как раз вторая, пожалуй, самая главная причина моего отказа. – Александр улыбнулся. – Служить у графа Каменского! Разве вы не слышали про его характер? Будучи командующим армией, он за незначительные проступки приказывал наказывать телесно своих собственных сыновей, находившихся в штаб-офицерских чинах. Представляете, что значит служить при Каменском человеку молодому, пылкому и... с некоторым воображением? Нет, я решительно не хочу никаких скандалов!

Доводы подействовали. Царь догадался об этом по выражению лица Марии Антоновны и остался собой доволен.

– Только все это между нами, *ma chere*, – добавил Александр, – не следует в глазах молодых людей порочить фельдмаршала.

– А если бы место Каменского занимал другой генерал... возможно, вы изменили бы для Давыдова свое решение? – спросила Мария Антоновна.

Вопрос был неожиданный. «Кажется, что-то опять затевается, – мелькнула в голове императора неприятная мысль. – Но что же? Я не собираюсь назначать другого главнокомандующего, следовательно, обещать можно».

– Ну, разумеется, – ответил он. – Вы еще сомневаетесь!

– Благодарю, ваше величество. Может быть, мне все-таки придется когда-нибудь воспользоваться вашим обещанием, – скромно сказала Мария Антоновна.

На другой день она очень сдержанна, не сообщая никаких подробностей, объявила Давыдову, что, к сожалению, ничего пока сделать не удалось.

– Не желают лишать меня изящного занятия равняться во фронте и драть горло перед взводом, – саркастически заметил Денис. – Что ж, судьба!

XIV

Еще два месяца назад, проверив сведения, сообщенные Четвертшским, наведя необходимые справки, Денис точно выяснил, что брат Евдоким действительно находится в плену.

Вместе с командиром эскадрона князем Репниным и несколькими другими кавалергардами, ранеными в Аустерлицком сражении, Евдоким был отправлен в Брюнн, где размещалась тогда главная квартира Бонапарта. Пленным оказали медицинскую помощь. Говорили, будто французский император лично посетил их в лазарете. Но когда они возвратятся в Россию, никто ничего толком не знал.

Появление Евдокима в Петербурге в середине декабря было поэтому приятной неожиданностью. И Денис, взяв трехдневный отпуск для свидания с братом, тотчас же отправился в столицу.

В новеньком, только что сшитом мундире Евдоким выглядел молодцом. Загорел, поглубел, стал шире в плечах. Денис застал его в кругу товарищей. Молодые кавалергарды, сидя за столом, уставленным наполовину пустыми бутылками, жарко обсуждали недавно полученные, не многим еще известные новости. Из армии один за другим прибыли два курьера. Первый привез известие о болезни и отъезде фельдмаршала Каменского из армии. Второй доставил радостное сообщение о победе над французами под Пултуском, одержанной генералом Беннигсеном.

Никаких подробностей никто не знал, поэтому кавалергарды строили всевозможные догадки, спорили, шумели, но, по существу, совсем напрасно.

Лишь самый юный из всех, стройный, румяный, с выразительными томными глазами корнет Павел Киселев высказал, как показалось Денису, здравую мысль:

– Мы не можем судить о том, чего не знаем, господа, но несомненно, на мой взгляд, одно: если победа при Пултуске подтвердится, то при сложившихся обстоятельствах генерал Беннигсен получит много шансов стать во главе всей армии.

– Что будет весьма печально! – вставил со вздохом маленький и толстенький поручик Ильин.

– Ну, господа, – с тонкой усмешкой отозвался Киселев, – не будем касаться вопроса о достоинствах человека, победившего французов... Следует считаться с обстоятельствами... Я лишь это хотел сказать!

– Дипломат! – с солдатской грубоватостью бросил Евдоким. – Тебе бы, Киселев, в иностранную коллегия!

– А разве военному запрещается быть немножко и дипломатом? – вежливо спросил Киселев.

– Э, ну вас всех с этой дипломатией, терпеть не могу, – перебил богатырь по виду, кавалергард Арапов, возвратившийся из плена вместе с Евдокимом. – Надо правде в глаза смотреть! Бонапарт – гениальный полководец, а мы против него выживших из ума старцев посылаем. Где это видано! Даже ежели старика заменим Беннигсеном, тоже плохо. Чем он себя прославил?

– А у нас, слава богу, Кутузов есть! Багратион! – произнес Евдоким.

– Имя Кутузова, говорят, при государе даже упоминать не принято, – вставил опять поручик Ильин.

– В том-то и беда наша! – отрезал Евдоким.

Разговор становился острым. Корнета Киселева, видимо, это обеспокоило.

– Право, господа, мы ведем бесцельный спор, и становится скучно, – вмешался он. – Вы бы, Арапов, лучше рассказали про встречу с Бонапартом. Вы так живо передаете!

– Нет уж, увольте, – отозвался Арапов и, неожиданно повернувшись к Денису, сказал ему: – Я издавна Бонапарта видел, а Евдоким имел честь разговаривать с ним.

– Разве? – живо заинтересовался Денис. – Где же это было, Евдоким?

– В лазарете.

– Ну? Что же он тебе сказал?

– Да ничего особенного, – спокойно ответил Евдоким. – Я тогда весь в бинтах лежал. Подошел он ко мне, остановился, собой маленький, толстенький... «Combien de blessures, monsieur?» – спрашивает меня. «Sept, sire», – отвечаю. «Autant de marques d'honneur!»^{IV} – сказал он и пошел дальше... Вот и все!¹¹

– Autant de marques d'honneur! – медленно повторил Денис. – Надо сознаться, сказано неплохо.

– Бонапарту нельзя отказать во многих достоинствах, – сдержанно отозвался Киселев.

– Откажи попробуй! – насмешливо произнес Арапов и прибавил: – Нет, по-моему, Бонапарт во всех отношениях человек гениальнейший. Нам его никогда не осилить! Что вы там не говорите!

Дениса слова кавалергарда задели за живое. Подобно другим военным, он исключительно высоко ценил талант Бонапарта, восхищался его решительными действиями. Но вместе с тем Денис никак не склонен был объяснять все успехи французского полководца лишь одной его гениальностью или необыкновенным счастьем, как думали некоторые. Быстрый разгром Австрии и Пруссии сначала, как и всех, просто поразил Дениса, а затем, подумав, он нашел и довольно трезвую оценку событиям. Разгром был подготовлен прежде всего самой военной

¹¹ Разговор Наполеона с Евдокимом Давыдовым впервые был опубликован в «Русском архиве» (1866 г., стр. 916).

системой, существовавшей в австрийской и прусской армиях. Той самой системой, основанной на палочной дисциплине и бесполезной муштровке, над которой издевался Суворов и которая была ненавистна любому военному, разделявшему суворовские взгляды.

«Будь на месте Бонапарта кто-нибудь из наших полководцев – Суворов, Кутузов или даже Багратион, – размышлял Денис, – они, пожалуй, тоже столь же быстро управились бы с пруссаками...» Сравнение Бонапарта с любимым Суворовым против воли возникало в голове не раз, но эти мысли казались кощунственными. Суворов был великим полководцем, родным и близким. Бонапарт, этот величайший завоеватель, угрожал чести и независимости отечества, следовательно, являлся врагом, и врагом страшным. Денис никогда этого не забывал.

Вот почему слова Арапова, вернее его уверенный тон, вывели Дениса из себя.

– А я уверен, – вдруг бледнея, тонким голосом крикнул он, – я убежден, господин Арапов, ежели этот во всех отношениях гениальнейший человек, как вы утверждаете, посягнет на нас... на наше отечество... – Давыдов почти терял самообладание от какого-то все сильнее охватывающего злобного чувства. – Я уверен... здесь не Пруссия... Мы ему покажем кузькину мать!..

Выходка Дениса привела всех в недоумение. Арапов медленно поднялся. Запахло скандалом.

– Да ты что, брат? – попробовал вмешаться Евдоким. – Арапов и не думал утверждать...

– А я утверждаю, – запальчиво перебил Денис, – что восхвалять неумеренно предводителя войск, стоящих почти на рубежах наших, русскому офицеру непозволительно...

Арапов бросил на него сердитый взгляд, пожал плечами:

– Я не могу принять ваших слов на свой счет. Но если вам угодно...

– Подождите ссориться, господа, – прервал Киселев. – Между вами, на мой взгляд, простое недоразумение... Попробуем разобраться хладнокровно.

И юный корнет с такой ловкостью повел дело, что в конце концов все кончилось благополучно.

Денису из всех товарищей брата особенно понравился Киселев. Между ними завязалась крепкая дружба.

... На следующий день, вдоволь по душам наговорившись, братья отправились к Нарышкиным.

Евдоким, давно уже представленный Марии Антоновне, состоял в числе самых восторженных ее поклонников. Взгляды Евдокима ничем не отличались от взглядов людей, среди которых он вращался. Новое положение Марии Антоновны как фаворитки государя в глазах Евдокима не только не унизило ее, а, напротив, возвысило.

– Помилуй, Денис, – сказал он, – я считаю, нам теперь особенно следует дорожить ее расположением. Тем более, у Нарышкиных великолепно обо всем осведомлены! Это, брат, всегда пригодится!

С последним нельзя было не согласиться. Где же, как не у Нарышкиных, можно, например, узнать подробности последних новостей?

И верно... Там эти подробности никакой тайны не составляли. Фельдмаршал Каменский, вскрыв полученную из Петербурга почту, узнал, что некоторые окружающие его лица приняли на себя «благородную обязанность» о всех действиях главнокомандующего тайно уведомлять начальника военно-походной канцелярии его величества.

Каменский пришел в бешенство. Написал объяснение царю и, не дожидаясь ответа, самовольно уехал в свою деревню.

Александр назначил главнокомандующим генерала Буксгевдена. Но в это время была получена реляция Беннигсена о победе над французами под Пултуском. Александра эта реляция, несколько преувеличившая значение победы, несказанно обрадовала. Он немедленно переменял решение. Главнокомандующим стал Беннигсен.

– А я могу вам сообщить под секретом еще одну новость, – обратившись к Денису, с обычной лукавостью в глазах сказала Мария Антоновна. – Командование авангардом нашей армии вверяется вашему герою... князю Петру Ивановичу...

– Как? Багратиону? – подскочил Денис, никак этого не ожидавший.

– Да... Князь недавно заезжал ко мне, – продолжала Мария Антоновна. – Он был очень любезен... Мы говорили о наших делах. И если вы, – она посмотрела с улыбкой на взволнованного Дениса, – приедете ко мне завтра обедать вместе с Борисом, то, возможно, узнаете и другие интересные новости...

Денис молча поклонился. Разговор одновременно и взволновал его и расстроил. И хотя Евдоким уверял, что последнюю фразу Мария Антоновна произнесла каким-то загадочным тоном, Денис, наученный горьким опытом, никаких планов не строил. После двух решительных отказов паря на что можно было надеяться? Повторить свою просьбу? Эта мысль не приходила в голову. Служить у Багратиона!.. О таком счастье он не смел и мечтать! Обещание Марии Антоновны понял в том смысле, что ожидаются какие-то важные известия, относящиеся к военным действиям, а никак не к его собственной судьбе.

Но на другой день, едва Денис и Борис переступили порог гостиной Марии Антоновны, она объявила:

– Я говорила вчера о вас с князем Багратионом... Сегодня получен ответ... Ты, Борис, – обратилась она к брату, – опять едешь с ним.

– А он? – перебивая, воскликнул Четвертинский, указывая на растерявшегося Дениса. – А он?

– Нет, опять отказ! – вздохнула Мария Антоновна. Но, увидев, какое впечатление произвели ее слова на Дениса – он стоял бледный как полотно, – поспешила добавить: – Виновата, виновата... я пошутила... И вы, Денис, едете!

Денис в восторге чуть не бросился к ней на шею.

... Мария Антоновна весьма кстати напомнила Александру про его обещание. Отказать снова – значит обнаружить свои истинные, враждебные чувства к «негодяю», как мысленно называл гусара-сочинителя царь. Нет, Александр всегда желал оставаться добрым рыцарем, особенно в глазах фаворитки. Назначение Давыдова адъютантом к Багратиону, опять против воли, было подписано. Чувства же императора остались неизменными.

Денис об этих закулисных делах ничего не знал. Да и думать не хотелось! Он горел одним желанием: как можно быстрее попасть в действующую армию. Говорят, Беннигсен опять готовится к сражению! В армии сейчас Ермолов, Кульнев, и, кажется, собирается туда Раевский. Не терпелось их обнять.

Четвертинский подговаривал провести в столице наступившие святки. Соблазн большой! И все же Денис отказался. Он выехал один, в почтовой кибитке. Но как ни торопился, а в Озерках, близ Вильно, сделал небольшую остановку. Там стоял недавно сформированный знакомым полковником Василием Федоровичем Шепелевым гусарский Гродненский полк, где служили теперь эскадронными командирами Кульнев и брат Александр Львович. Встреча с Кульневым была особенно приятна. Обняв Дениса, Яков Петрович даже прослезился. Тронула искренняя, дружеская привязанность молодого лейб-гусара, только что произведенного в штаб-ротмистры.

– Вот видишь, голубчик, – заметил с улыбкой Кульнев, – я же говорил, что встретимся... Подожди, и повоюем вместе! Скоро и наш полк трогается.

Через несколько дней, взволнованный и счастливый, Денис пересек прусскую границу. 15 января 1807 года ранним утром он был уже в Либштадте, где находилась главная квартира русской армии.

Глава вторая

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем – в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы!

В. Жуковский

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем — в бой
 - кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы...

В. Жуковский

I

Генерал Беннигсен не принадлежал к числу искусных полководцев. Он мог, сидя в кабинете, найти иной раз верное решение военной задачи, составить неплохой план, но выполнить задуманное не хватало ни умения, ни решимости. И если войска, находившиеся под общим его командованием, успешно отражали натиск превосходящих сил неприятеля, то объяснялось это прежде всего опытностью, инициативностью командиров войсковых частей, беспримерной стойкостью и мужеством русских солдат. К тому же Беннигсен отличался крайней беспеч-

ностью. Армия, растянувшись на многие десятки верст, медленно двигалась в юго-западном направлении к Грауденцу и Торну на Висле¹². Снабжение войск боевыми припасами и продовольствием было поставлено из рук вон плохо. Подвижные магазины отсутствовали. Солдатам из-за несвоевременного подвоза часто не выдавали даже сухарей. А главнокомандующий на справедливые требования войсковых командиров улучшить снабжение со вздохом отвечал:

– Что же поделаешь, господа. Надо терпеть. У меня за обедом тоже подают всего три блюда...

Дениса поразила беспечность и другого рода. Имея несколько пакетов для главнокомандующего, он немедленно представился Беннигсену. Комната, где тот находился, была переполнена генералами, офицерами, чиновниками. Русской речи не слышалось. Штаб в большинстве состоял из немцев и австрийцев. Многие из них занимали прежде командные должности в позорно капитулировавших перед Бонапартом своих армиях. Затем бежали в Россию. «Опозорились у себя, а сюда подсказывать слетелись», – мелькнула у Дениса неприязненная мысль. Тут же он заметил и несколько англичан, среди которых обращал на себя внимание важным видом и каменным лицом сэр Роберт Вильсон, английский военный агент, имевший особое влияние на главнокомандующего.

И никто из этих господ не остерегался высказывать открыто свое мнение о движении войск. Сам Беннигсен, худой и длинный, с рыжеватыми редкими волосами и болезненно желтым лицом, стоя у карты, пояснял какому-то немецкому генералу операционный план. «Ну, я не удивлюсь, если неприятель завтра же будет осведомлен об этом», – подумал Денис. В памяти невольно всплыл образ любимого Суворова. Разве допустил бы он голодание солдат или столь нескромные рассуждения о своих намерениях? Трудности предстоящего похода обрисовывались достаточно ясно. Даже знакомые по Петербургу штабные офицеры этого не скрывали.

– Черт тебя сюда занес! – откровенно говорили они Денису. – Мы бы дорого дали, чтобы возвратиться обратно. Проку никакого не видно. Условия здесь плохие. Ты еще в чаду, мы это видим, но погоди немного... то же скажешь!

– Нет, господа, не надейтесь, – возразил Денис. – Вижу сам, что условия неважные, да ведь я заранее знал, что война не похлебка на стерляжем бульоне. Вы лучше посоветуйте, как побыстрее мне добраться до князя Багратиона.

– А вот смотри сюда, – сказал один из офицеров, раскрывая карту. – Главная квартира сейчас переезжает в Морунген, можешь устроиться с нами или с каким-нибудь из полков. Третьего дня у Морунгена произошла жаркая схватка авангардных частей генерала Маркова с войсками Бернадотта, который отступает, по всей видимости, к Торну. А от Багратиона получено известие, что он занял городок Лебау, значит, от Морунгена тебе придется проехать еще сотню верст. Ясно?

– Ясно. Покорно благодарю. А где Алексея Петровича Ермолова найти?

– Третьего дня, ночью, он был у нас. Прямо после боя под Морунгеном. Командовал там марковской артиллерией и здорово, говорят, отличился. А теперь назначен командовать всей артиллерией авангарда.

Денис от радости так и засиял:

– Следовательно, он у Багратиона? Вместе воевать придется! Вот не знал! Ну, спасибо!..

Через час, пристроившись к павлоградским гусарам, Денис уже находился на марше к Морунгену.

Картина, развернувшаяся перед ним, навсегда осталась в памяти. «Части пехоты, конницы и артиллерии, – вспоминал он впоследствии, – готовые к движению, облегали еще воз-

¹² Беннигсен ставил задачу: «... овладев течением нижней Вислы, открыть сообщение с Данцигом и освободить от обложения Грауденц», в которых находились немецкие гарнизоны. В распоряжении Беннигсена с резервами было 107 тысяч человек. У Наполеона – до 150 тысяч, не включая сюда войск, блокировавших крепости на Висле (М. Богданович, История царствования императора Александра I, т. II, СПб, 1869 г.)

вышения справа и слева, в то время как длинные полосы черных колонн изгибались уже по снежным холмам и равнинам. Стук пушечных колес, топот конницы, разговор, хохот или ропот пехоты, идущей по колено в снегу, скачки адъютантов по разным направлениям, генералов с их свитами, самая небрежность и неопрятность в одежде войск, два месяца не выдавших крыш, закопченных дымом биваков и сражений, вид солдат с усами, покрытыми инеем, с простреленными киверами и плащами, – все это неизъяснимо электризовало, возвышало мою душу».

Ехавший рядом молоденький павлоградский гусар, поручик Степан Храповицкий, рассказывал:

– Любопытная, знаете ли, история случилась третьего дня в городе Морунгене... Бернадотт, расположивший там свой обоз, выдвинул войска вперед, построив их вон на тех высотах, – поручик указал на видневшиеся вдаль покрытые кустарником холмы. – Наши части наступали от деревни Георгенталь, к которой сейчас подъедем... И вот, представьте, в сумерках, когда Марков вынужден был несколько отступить, а неприятельская кавалерия намеревалась преследовать его, господин Бернадотт услышал выстрелы в тылу. Что такое? Он послал в Морунген адъютантов и узнал страшную новость: город занят русскими, его обоз и канцелярия в их руках!

– Как же это получилось? – заинтересовался Денис.

– А вы послушайте дальше, – улыбнулся Храповицкий. – Бернадотт, разумеется, преследовать нас уже не решился, а поспешил с кавалерией назад, в Морунген, и... никаких русских там не обнаружил! Своего обоза тоже не нашел. На улицах увидел несколько поломанных повозок и груды разорванных бумаг...

– Позвольте, – перебил Денис, – я полагаю, был же все-таки оставлен в городе какой-то французский отряд прикрытия?

– Совершенно верно. От этого отряда уцелели весьма немногие... Они, вероятно, и поведали про необычайное происшествие огорченному Бернадотту.

– Да не томите, ради бога, Храповицкий! – воскликнул Денис. – Ведь не дьявол же в маске напал на город!

Довольный произведенным на спутника впечатлением, Храповицкий нарочно помедлил, поправился в седле, подкрутил маленькие рыжие усики, потом продолжил:

– Дело-то, собственно говоря, объясняется просто... Командир одной из наших кавалерийских дивизий, не зная ничего о происходящем сражении, послал в разведку несколько эскадронов гусар. Они приблизились к Морунгену с другой стороны и, узнав от жителей, что в городе стоит обоз Бернадотта, охраняемый небольшим прикрытием, решили на свой риск произвести нападение. И, как видите, этот смелый кавалерийский рейд кончился для нас с большой пользой... Согласитесь, происшествие выходит из ряда обычных военных историй.

– Да, да, вполне согласен, – сказал Денис. – Дело более чем любопытное!

Между тем, миновав Георгенталь, павлоградцы выехали на морунгенскую равнину, где происходило сражение. И здесь открылось зрелище, от которого Денис невольно содрогнулся. Тысячи обезображенных трупов лежали на снежном поле в самом неприглядном виде. Все же любопытство военного оказалось сильнее неприятного, беспокоящего чувства новичка. Когда подъехали знакомые штабные офицеры, Денис не упустил возможности отправиться вместе с ними для осмотра русской и неприятельской позиций.

У небольшой, совершенно разрушенной деревушки, занятой во время сражения французской пехотой, неприятельские трупы лежали особенно густо, целыми рядами.

– Ермоловская работка! – сказал один из офицеров. – Обратите внимание, господа, Ермолов постоянно сосредоточивает огонь всех своих полевых орудий на каком-нибудь одном известном пункте.

– Разве эта мысль нова? – спросил Денис.

– Мысль, может быть, не нова, но у нас, к сожалению, применяется подобный метод еще не так часто... Молодец Ермолов!

Эта похвала приятно подействовала на Дениса. Он-то никогда в брате Алексее Петровиче не сомневался!

В Морунгене, куда добрались к вечеру, Денис задерживаться не стал. Купил лошадь, получил в главной квартире пакеты для Багратиона и в сопровождении одного казака на другой же день отправился дальше, к авангарду.

... Никто, конечно, не знал, что в то самое время, как Денис подъезжал к деревне Биберсвальд, где находился Багратион, судьба русской армии подвергалась страшной опасности. Получив в Варшаве известие о наступлении русских, Бонапарт решил обойти их с фланга, отрезать от сообщения с Россией, прижать и уничтожить в районе нижней Вислы. План Беннигсена, двигавшего армию к Грауденцу и Торну, как нельзя лучше способствовал замыслу французского императора.. Не сомневаясь в успехе, Бонапарт сам выехал к войскам, быстро совершавшим обходное движение. Французы имели значительный перевес в силах, были превосходно снабжены всем необходимым. 19 января, прибыв в Вилленберг, Бонапарт послал секретное предписание маршалу Бернадотту. Ему приказывалось: скрытно обойдя русскую армию, перебросить свой двадцатитысячный корпус к Алленштейну, юго-восточнее Морунгена, откуда уходили последние русские войска. В то же время Бернадотту предписывалось оставить на месте аванпостные части. Отступая к Торну, они должны были заманивать за собой русских. Бонапарт извещал маршала, что сам он с основными силами в Алленштейне будет через три дня.

Но на страже русской армии стоял генерал Багратион. Авангард, командование над которым он только что принял, состоял из трех основных колонн, находившихся под начальством генерал-майоров Маркова, Багговута и Барклая де Толли.

Поспешный отход войска Бернадотта от Морунгена, а также довольно сбивчивые показания «языков», захваченных казаками, наводили на мысль о том, что Бонапарт что-то замышляет. Багратион на всякий случай распорядился: силы авангарда не распылять, а полковнику Юрковскому, начальнику аванпостов, усилить разведку.

... Денис, основательно прозябший, приехал в Биберсвальд ночью. Несмотря на позднее время, в просторной избе прусского поселянина, где квартировал Багратион, никто спать не собирався. У князя совещались командиры. А в соседней небольшой комнатушке, тускло освещенной сальными свечами, молодые адъютанты и ординарцы, прихлебывая чай из железных кружек, развлекались веселыми рассказами.

Дениса встретили восторженно. Не успел он снять шинель и прийти в себя, как со всех сторон его забросали вопросами. Один из адъютантов князя, Офросимов, гвардейский офицер, с которым Денис был знаком, представляя его товарищам, заявил:

– Держите ухо востро, господа! Помимо прочих достоинств, сей гусар имеет звание сочинителя, попадетесь на зубок – не помилует!

– Да перестань ты дурачиться, право, – смущаясь, сказал Денис. – Про стихи и думать давно забыл!

– Вот это уж напрасно! – возразил другой адъютант князя, Грабовский. – Я ваши послания Бурцеву наизусть помню... Прелесть какие стихи!

– Вы бы нам, Давыдов, новенькое что-нибудь прочитали, – попросил третий адъютант. – Мы же все почитатели вашего таланта...

– Нет, в самом деле, господа, ничего не пишу, – ответил Денис, чувствуя, что польщен общим вниманием. – Да и на ум сейчас не идут стихи... Дайте прежде согреться и оглядеться.

Едва он успел привести себя в порядок, как дверь из горницы князя открылась. Вошел Ермолов. Молоденький адъютант его, краснощекий прапорщик, поднялся навстречу. Ермолов,

очевидно, хотел что-то передать ему, но, увидев Дениса, остановился, густые брови его поднялись вверх.

– Денис?

Не зная, как держать себя с Ермоловым при адъютантах, Денис, взволнованный и довольный, стоял в щегольском красном ментике, вытянувшись по-военному. Ермолов сам раскрыл объятия.

– Да что же ты словно чурбан? Сколько времени не виделись! Дай хоть расцеловать тебя. – И оживленно продолжал: – Ты когда же приехал? Мне князь говорил, да я, признаться, погрешил – думал, что святки в столице отгуляешь... Ну, чего же мы здесь стоим? Пойдем, князь тебя ждет. Наверно, новостешки из главной квартиры привез? Весьма кстати...

В горнице, куда они вошли, обстановка была самая простая: стол, несколько скамеек, хозяйская деревянная узкая кровать.

Багратион в мундирном сюртуке, с озабоченным лицом, расхаживал из угла в угол и, как показалось Денису, отчитывал молодого, с хитроватыми глазами, генерала Маркова, сидевшего в почтительной позе на длинной скамье у окна, рядом с двумя полковниками. У стола склонился над картами высокий большелобый генерал Михаил Богданович Барклай де Толли. Рядом сидел круглолицый и веселый здоровяк Багвут.

Приветливо поздоровавшись с Денисом, князь нетерпеливо распечатал переданные ему пакеты. И по мере того как читал, лицо его становилось все суровей.

– Вот, можете прочитать, господа, секретов нет, – бросив пакеты на стол, сердито сказал Багратион и опять зашагал по комнате. – Предписывается движение вперед! Армия за нами следом! Наступать, разбивать – отлично! Кто же против? Сам люблю! Назад – гнусно! Вперед – слава! Да нужно, чтоб с толком! Прежде силы неприятельские и намерения ихние разведать! Я вот о чем толкую, Евгений Иванович, – обратился он к Маркову. – А вы свое твердите!

– Пока намерения Бонапарта не ясны, всякое удаление наших частей вглубь не есть необходимо, – поднявшись, медленно и холодно произнес Барклай. – Я вполне разделяю мнение князя...

– Да, господа, нельзя иначе. – Багратион несколько секунд помедлил, затем, перейдя на более мягкий тон, продолжил: – Помню, в итальянскую кампанию австриец Мелас благодетеля моего графа Суворова, стоявшего за быстрые наступательные действия, назвал как-то генералом «Вперед»... А знаете, что Суворов отвечал? «Полно, папаша Мелас, вперед – мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь...» – И князь с неожиданной доброй улыбкой подошел к Маркову и, положив ему руку на плечо, добавил: – Так-то, душа моя, Евгений Иванович!

Командиры вскоре разошлись. Ермолов и Денис остались. Багратион, слегка прищутив круглые глаза, посмотрел на Дениса, спросил:

– Где же Четвертинский? Разве не вместе приехали?

– Четвертинский задержался по болезни, ваше сиятельство, – чувствуя неловкость, ответил Денис.

– Что ж, придется в таком случае с тебя пока за двоих спрашивать... Работы много. Я наперед говорю: здесь не гвардия. Парады не нужны. В авангарде служить – спокойну не быть! У меня служить – того хуже!

– Я тем себя на всю жизнь довольным почитаю, – дрогнувшим от волнения голосом, глядя в глаза князю, произнес Денис, – что под командой вашего сиятельства состою...

– Смотри ж, чтоб на меня не пенять, – уже более мягко отозвался Багратион и, еще раз поглядев на Дениса, усмехнулся: – А ментик-фертик сними, душа моя... Больно с французскими мундирами схож. Не ровен час, свои же подстрелят!

– Я уже об этом подумал, – заметил Ермолов. – В десятом гусарском у Бернадотта точно-точно такие же носят.

– Ну, хорошо, – сказал Багратион, – идите отдыхать...

И, немного помедлив, обращаясь к Ермолову, добавил:

– Артиллерию твою завтра посмотрим. Коней всех прикажи перековать. Признаюсь, более всего на маршах за лошадей опасаюсь. От них всё... – Багратион не договорил фразу, посмотрел на Ермолова и вдруг неудержимо захлебнулся смехом: – Ох, прости, прости, друг Алексей Петрович! Вспомнился твой разговор с графом Аракчеевым, прямо сил никаких нет... Значит, осмотрел он в Вильно твою конную роту и... как дальше-то было? Одолжи, поведай...

– Да ничего особенного не произошло, ваше сиятельство, – блеснув лукаво глазами и сейчас же приняв равнодушный вид, ответил Ермолов. – Подходит Аракчеев ко мне и говорит: «Вы знаете, что вся ваша репутация зависит от лошадей?» – «Точно так, ваше превосходительство, – отвечаю я, – к сожалению, наша репутация слишком часто зависит от скотов».

– От скотов? Аракчееву-то! – сквозь смех произнес Багратион. – Ну и язычок у тебя... Нет, уж я лучше о лошадях с тобой говорить поостерегусь! Баста!

II

В следующий вечер, ознакомившись со всем, что надлежит знать адъютантам, Денис вместе с Офросимовым дежурил в квартире Багратиона. Как обычно, князь с раннего утра поехал в войсковые части. Его сопровождал Грабовский. Возвратился Багратион поздно, сердитый и, кажется, немного простуженный. Выпил рюмку мадеры и стакан чаю, не раздеваясь, прилег на кровать, быстро и крепко заснул.

На дворе поднималась метель. Ветер завывал в трубах, хлопал ставнями. Офросимов дремал, сидя у жарко натопленной печки. Потом улегся на скамье, захрапел.

Внезапно входная дверь с шумом распахнулась. В комнату ворвался какой-то военный, небольшого роста, в бурке и казацкой папахе. Он весь был залеплен снегом. Сверкали лишь живые черные глазки. Следом два пожилых бородатых казака втащили что-то тяжелое, завернутое в огромный овчинный тулуп.

– Подождите здесь, хузары! Снежок с тулупа стряхнуть! – скомандовал человек в бурке резким, с сильным акцентом голосом. – Князь у себя? – обратился он к Денису.

– Как прикажете доложить? – загоразивая незнакомцу дорогу, спросил тот.

– О, мати господи! – воскликнул, сделав шаг назад, незнакомец. – Да вы сами-то кто такой?

– Дежурный адъютант штаб-ротмистр Давыдов...

– А я полковник Юрковский! Командир аванпостов! Спешное дело!

Офросимов проснулся, вскочил как встрепанный.

– Добрый вечер, полковник! Сейчас князя разбужу...

– Да, братец, хотя и жалко, а придется будить... Сделай милость!

Но Багратиона, спавшего необыкновенно чутко, будить не пришлось. Он стоял уже на пороге.

– Ну, с чем пожаловал, любезный Юрковский?

– С казацким подарком, князь...

Юрковский, венгерец по происхождению, порывистым движением сбросил папаху, расстегнул бурку и, повернувшись к казакам, коротко приказал:

– Представить!

Ловко распаковав свою ношу, казаки вытряхнули из тулупа толстенького белокурого француза в помятом и разорванном мундире с капитанскими нашивками. Он еле держался на ногах, глядел на всех ошалелыми глазами. Увидев неподвижно стоявших позади себя казаков, француз вздрогнул и испуганно отпрыгнул к печке.

По лицу Багратиона скользнула невольная улыбка и моментально потухла. Он бросил на казаков строгий взгляд, потом, переводя его на француза, четко сказал:

– N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal!^V

Услышав родной язык, француз робко улыбнулся, забормотал благодарности. Не слушая его, Багратион обратился к Юрковскому:

– Где взят?

– Почти у самого Страсбурга, чуть-чуть до Бернадотта не доехал, – ответил Юрковский. – Птица важная, ваше сиятельство! Десять конвойных сопровождали. Дрались зверски. Сдаться не пожелали. А этот, – кивнул он на француза, – кусаться начал, казаки его поневоле немножко помяли... И бумаги пытался уничтожить. Насилу отобрали. Извольте получить, ваше сиятельство. – Он протянул пакет.

Взглянув на пакет, Багратион воскликнул:

– Вот оно что! Печать Бертье!

И, резко повернувшись, приказал:

– Офросимов, останься пока здесь. Допросим после. Давыдов, свечей мне!..

* * *

Перехваченный казаками француз был тот самый курьер, которого Бонапарт отправил с секретным предписанием к маршалу Бернадотту. Опасения Багратиона окончательно подтвердились. Послезавтра Бонапарт прибывает в Алленштейн и... русская армия будет отрезана! Теперь все зависело от быстроты движения. опередить Бонапарта. Двинуть обратно всю армию и авангард. Исправить ошибку Беннигсена.

В Биберсвальде все пришло в движение. Через какой-нибудь час Офросимов, сопровождаемый значительным конвоем, уже мчался в главную квартиру. Он должен был во что бы то ни стало, сделав свыше ста верст, вручить утром Беннигсену секретное предписание Бонапарта. Следом, не теряя ни минуты, загромыхла артиллерия Ермолова. За ним тронулись скрытно все остальные части авангарда.

Лишь аванпосты Юрковского были оставлены на месте. Юрковский обвязывался весь день атаковать аванпосты Бернадотта, дабы убедить его, что русские не изменили своего наступательного плана. Не получив предписания Бонапарта, сбитый с толку натиском казачьих отрядов, Бернадотт держал свой корпус в бездействии.

Денис вместе с другими адъютантами находился при Багратионе неотлучно. Князь в бурке и картузе из серой смушки, при старинной шпаге, подаренной в Италии самим Суворовым, ехал с передовыми частями на белом в яблоках горячем донце. Багратион делил с войсками все невзгоды. Спал на привалах у костра, питался из солдатского котла. Беспокойные мысли его сосредоточились на одном: успеет ли Беннигсен стянуть войска и опередить Бонапарта?

Под вечер следующего дня возвратился Офросимов, немного успокоил.

– Главнокомандующий благодарит... Приказы посланы, меры принимаются. Войска предполагают построить на выгодных позициях в районе Янкова, верстах в десяти от Алленштейна.

– Времени-то мало, душа моя, – покачал головой Багратион. – Сутки одни остались. А Бонапарт ждать не будет.

На другой день, к обеду, авангард находился уже в непосредственной близости от Алленштейна, расположенного с правой стороны от дороги. Вьюга, бушевавшая ночью, затихла. Погода устанавливалась ясная, морозная. Багратион с каждым часом делался нетерпеливее. На одном из пригорков, откуда можно было уже разглядеть синевшие вдали высоты Эсткендорфа,

господствовавшие над Алленштейном, он остановился. Не слезая с коня, достал подзорную трубу, посмотрел в нее и вдруг, опустив руку, злобно выругался:

– Французы...

Денис, обладавший хорошим зрением, без подзорной трубы увидел, как густые колонны войск, выходя мощными потоками из-за леса, все шире облегают высоты.

Багратион снова поднял трубу, стал пристально осматривать окрестность. Нет, ничего больше не разглядеть!

– Янково дальше, за этими высотами, – сказал Офросимов, догадавшись, что князь старается обнаружить русские войска.

– Знаю, знаю, – сердито отозвался Багратион, – да все же хоть пикеты какие... Тактики и методики проклятые! – опять выругался он, убирая трубу.

И, дав шпоры донцу, галопом поскакал вперед, обгоняя передний гусарский полк Маркова. Денис на выносливой и сильной казацкой лошади, купленной еще в Морунгене, скакал почти следом. Другие адъютанты начали отставать.

Проскакав версты три, снова поднялись на возвышенность. И Денис неожиданно разглядел вдали еле-еле заметные дымки костров, затем как-то сразу открылась небольшая деревушка, окруженная плотными массами войск...

– Наши! Наши! – изо всех сил крикнул Денис.

Но Багратион и сам видел. На всем скаку он сдержал взмыленного донца. Снял картуз, перекрестился, вытер разгоряченное лицо.

– Стоят! Успели! Молодцы! Слава! – бросал он отрывистые слова, встречая подъезжавших адъютантов.

Затем, осмотрев в подзорную трубу войска, сказал:

– Хотя особых выгод позиций не замечаю, но и то слава богу, что от своих границ не отрезаны.

И с довольным видом воскликнул:

– Эх, посмотрел бы я сейчас на Бонапарта! Как обставили!..

* * *

А Бонапарт, в теплом сюртуке и шляпе, окруженный свитой, стоял на высотах Эсткендорфа. Он долго молча и хмуро осматривал русские войска, затем, повернувшись к стоявшему ближе всех Бертье, с раздражением сказал:

– Вы уверяли меня, что мы найдем здесь не более двух-трех дивизий. А я вижу всю армию Беннигсена!

– Очевидно, русские были предупреждены, ваше величество, – почтительно наклоняя голову и чувствуя за собой невольную вину, ответил Бертье.

– Кем? Как это могло случиться? Мы сделали невероятно быстрый марш. Наши намерения держались в строгой тайне. И потом... почему нет до сих пор никаких известий от Бернадотта? Это меня беспокоит.

– Я полагаю, ваше величество, его корпус не позднее, чем завтра...

– Оставьте! – с гневным жестом перебил Бонапарт. – Ваши прогнозы потеряли цену. В данный момент необходимо принять самые быстрые меры, чтоб зайти в тыл русским... отрезать пути их сообщения... Дайте карту! – обратился он к одному из своих адъютантов. И, бросив взгляд на растерянного Бертье, прибавил: – Но меня-то, надеюсь, они не обманут! Я разобью их на тех позициях, которые им самим угодно будет избрать!

... Прибыв в главную квартиру, Багратион откровенно высказал мысль, что янковская позиция во многих отношениях для генерального сражения не пригодна. К тому же вечером стало ясно, что французы, овладев селением Бергфрид, восточнее Янкова, настойчиво стре-

мятся отрезать армию от сообщений с Россией. Беннигсен на этот раз с разумными доводами согласился. Русские войска двумя колоннами ночью же начали отступление к городу Прейсиш-Эйлау. Замысел Бонапарта снова был разрушен.

Багратион и Барклай де Толли были назначены начальниками арьергардов. Багратион стал позади одной отступающей колонны войск. Барклай защищал другую.

Первую ожесточенную схватку с французами арьергарду Багратиона пришлось выдерживать под Вольфсдорфом. Здесь Денис впервые побывал под огнем. Хотя, как это часто случается с новичками, страдающими излишней горячностью и самонадеянностью, дело не обошлось без некоторого конфуза.

Накануне ночью возвратился Юрковский со своими казаками. Рассыпавшись в передней цепи, они с рассвета завязали жаркую перестрелку с неприятельскими фланкерами.

Денис знал, конечно, что задача арьергарда, в сущности, заключалась в том, чтобы, переходя с одной оборонительной позиции на другую, не ввязываясь в общую битву, сдерживать напор нападающих французов.

Однако, услышав перестрелку, он загорелся таким страстным желанием принять участие в боевых действиях, что все благоразумные мысли исчезли. Вольфсдорфское поле, где шла перестрелка, начало казаться превосходной позицией, которую следует защищать во что бы то ни стало. Денис лихорадочно ожидал, что Багратион вот-вот пошлет его в один из полков с приказом «поддержать казаков», надеялся пристроиться к кавалерии и славно порубиться.

Между тем, стоя на одном из курганов близ Вольфсдорфа и видя, что неприятель выдвинул на ближние холмы основные силы и артиллерию, Багратион подозвал Дениса и, указав на видневшийся угол леса, занятого русскими егерями, хладнокровно сказал:

– Поезжай, голубчик Давыдов, туда... Передай полковнику Гогелю, чтоб немедля отступал к Дитрихсдорфу... Я тоже туда направляюсь... Время!

Дениса, ожидавшего наступательных действий, такой приказ обескуражил. Но делать нечего. Он вихрем помчался к егерям, выполнил поручение. В это время французы усилили огонь по русской передней цепи, введя в действие два орудия. Казаки и два-три взвода гусар, отстреливаясь, отходили к лесу, который собирались уже оставлять егеря.

Давыдову возвращаться обратно не хотелось. Свист пуль и шипящие звуки нескольких ядер, пролетевших над головой, действовали возбуждающе. В голове зародились сумасбродные мысли. Хорошо бы с казаками и гусарами ударить на неприятельских фланкеров, опрокинуть их, затем... Затем уже рисовалось совершенно несбыточное: егеря, увидев геройскую атаку, поддержат их, Багратион подкрепит всем арьергардом, потом Даст знать Беннигсену... Словом, Денис представлял себя чуть ли не победителем самого Бонапарта!

Лицо одного из казацких урядников показалось ему знакомым. Ба! Да ведь это один из тех, кто привез в тулупе француза!

Денис подскакал к нему. Урядник, по фамилии Крючков, княжеского адъютанта узнал сразу.

– А что, брат, если б по ним ударить? – кивнув в сторону французских фланкеров, спросил Денис.

– Да чего ж нет, ваше благородие, – спокойно отозвался урядник. – Их здесь немного, справиться можно... И от пехоты своей мы недалеко, есть кому поддержать!

– Ну, подбивай на удар своих, а я примусь за гусар, – крикнул Денис, направляясь к скакавшему недалеко офицеру, очевидно командиру одного из гусарских взводов.

Молодой гусарский подпоручик, по всей видимости, был в одинаковом настроении с Денисом. Они быстро договорились.

И вот казаки и гусары понеслись на неприятельских фланкеров. Денис, не помня себя, достал саблей одного француза, рубанул по руке другого. Сеча продолжалась недолго. Французов смяли, они пошли на уход. Казаки и гусары в запальчивости начали преследование и...

вдруг увидели перед собой целый эскадрон неприятельских драгун с конскими хвостами, развевавшимися на гребнях шлемов.

Пришлась повернуть назад. «Исполинский» план Дениса рухнул! И хотя его сабля «поела живого мяса и благородный пар крови курился на ее лезвии», как вспоминал он впоследствии, все-таки было обидно. В плохом настроении, суровый, возвращался он к князю в Дитрихсдорф, куда стягивались все войска арьергарда.

День был тихий. Перепархивал легкий снежок. Откуда-то издалека доносились глухие звуки орудийной канонады. Денис ехал один ложиной. Поднявшись на пригорок, он неожиданно почти столкнулся с шестью французскими конными егерями, ехавшими навстречу. Мгновенно повернув коня, Денис помчался в обратном направлении. Французы выстрелили из карабинов. Одна из пуль попала в коня. Денис понял это по тому, как конь бешено рванулся вперед. Проскакав несколько минут, Денис подумал, что отделался от погони, повернул голову. Нет, французы настигали, обсакивая с двух сторон. Давыдов почувствовал неприятную дрожь в теле. Он окинул взглядом окрестность. В поле, до самого леса, из своих никого уже не было. «Неужели конец?» – промелькнуло в его голове. И он изо всех сил сдвинул бока лошади шпорами.

Шинель, застегнутая у горла на одну пуговицу, раздувалась от ветра. Один из преследователей, желая, может статься, забрать русского офицера живым, ухватился за край шинели, но пуговица оторвалась и... шинель осталась в руках у француза. А Денис, не различая дороги, продолжал мчаться по опушке леса, где его подстерегала новая опасность: в этой местности, под снегом, лежала непроходимая топь. Сзади опять прозвучали выстрелы, и вдруг лошадь со всего маху провалилась в трясины, затем перевернулась на бок и, вздрогнув всем телом, издохла. Еще секунда, другая – и смерть или плен были бы участью Дениса. Но в этот момент из лесу с криком вылетел казачий разъезд, посланный Юрковским для наблюдения за неприятелем. Французы повернули обратно. Дениса в самом жалком виде, без шинели, грязного, в крови, казаки доставили к Юрковскому.

– О, мати господи! – воскликнул тот. – Да как же вас угораздило?

Денис рассказал обо всем, умолчав лишь про свои грандиозные замыслы. Они казались ему уже смешными. Юрковский дал лошадь из-под убитого гусара. Багратион, пожурив за опрометчивость, подарил бурку. И даже представил к награждению за схватку с неприятельскими фланкерами¹³.

III

26 января утром, пройдя небольшой прусский городок Прейсиш-Эйлау, русская армия стала занимать позиции, избранные Беннигсеном для генерального сражения. Войска развертывались небольшим полукругом на холмистой равнине, лицом к городу, между селениями Шлодитен (правый фланг) и Серпаллен (левый фланг). Главная квартира переместилась на мызу Ауклапен, расположенную прямо за центром войск.

Пока производились спешные приготовления к сражению, арьергард Багратиона, сдерживая усиливающийся натиск французов, медленно, с боями, отступал по большой дороге, приближаясь к Прейсиш-Эйлау. На случай прорыва неприятельских войск город, занятый пехотой Барклая, подошедшего сюда несколько раньше, готовился к обороне.

Получив приказ держаться весь день, чтобы дать возможность устроить армию, Багратион и Барклай хорошо понимали, как трудно этот приказ выполнить. Французскими войсками, имевшими большой численный перевес над всей русской армией, командовал сам Бонапарт. С ним были лучшие его, прославленные многими победами маршалы. Что могли сделать

¹³ Этот эпизод, приведенный в сокращенном виде, описан Д. Давыдовым в статье «Урок сорванцу».

слабые арьергардные части, теснимые конницей Мюрата, корпусами Сульта и Ожеро, за которыми следовал с гвардией Бонапарт?

И все же, мужественно исполняя свой долг, Багратион и Барклай не помышляли ретироваться раньше времени.

Багратион не спал уже четвертые сутки. Под неприятельским огнем он держал себя совершенно спокойно. На лице ни тени волнения. Он даже шутил более обыкновенного, что делал всегда в минуты опасности.

Адъютантам князя тоже отдыхать не приходилось. Обязанности, возлагаемые на них, состояли главным образом в передаче приказов командирам отдельных частей арьергарда и поддержке постоянной связи с главной квартирой. Эти два вида деятельности различались между собой довольно резко. От адъютанта, скакавшего под огнем на передовую позицию, требовались прежде всего решительность, мужество. Адъютант, направлявшийся в главную квартиру, должен был обладать известными дипломатическими способностями. Не так-то просто добиться в штабе Беннигсена быстрого исполнения какой-нибудь просьбы!

Багратион чаще всего посылал в главную квартиру Грабовского и Офросимова, весьма искусных в тонком обращении со штабным начальством. Что же касается Дениса, то князь, быстро оценивший его старательность, инициативность, отвагу, побаивался, как бы излишняя горячность молодого адъютанта не привела в штабе к неприятным столкновениям.

Поэтому, к великому удовольствию самого Дениса, ему больше всех приходилось ездить к Маркову, Юрковскому, Ермолову и другим командирам частей, находившихся на передовой линии.

... Пушки ермоловской батареи грохотали непрерывно, осыпая картечью наступающую густыми колоннами пехоту маршала Сульта.

В полдень, когда атаки французов особенно усилились, Денис поскакал к Ермолову с приказанием передвинуть орудия несколько в сторону, на возвышенный берег Тенкнитенского озера, расположенного в какой-нибудь версте от города.

Состояние ермоловской батареи было незавидное. В пороховом дыму, застилавшем окрестность, Денис разглядел несколько разбитых орудий, повсюду разбросанные трупы людей и лошадей. Земля была изрыта ядрами, залетавшими сюда все чаще и чаще. Добрая половина орудийной прислуги выведена из строя. И все же никакой растерянности на лицах оставшихся в живых не замечалось. Солдаты подносили снаряды и заряжали орудия с таким видом, будто в обычных условиях выполняли привычную работу. А в пехотном батальоне, стоявшем позади батарей, даже посмеивались:

– Чего хранцы горячку порют? Ермолов за себя постоит...

Сам Алексей Петрович, весь в пороховой копоти, быстро переходил от одного орудия к другому, охрипшим голосом приказывал:

– Жарьте картечью! Быстрее поворачивайтесь, ребята! Еще разок картечь!

На батарее, вынырнув откуда-то сзади, появился рослый, широкоплечий солдат, шея которого была обмотана бинтами. Заметив солдата, Ермолов сдвинул брови, шагнул к нему.

– Ты зачем сюда, Кравчук? Кто позволил?

– Раны мой пустяжными оказались, ваше высокоблагородие, – отозвался солдат, – ничего мне не сделается...

– А лекарь что сказал?

– Они, известно... обождать велели... – невнятно пробормотал Кравчук и, быстро преодолев смущение, с неожиданной силой продолжил: – Душа-то сильнее ран болит, ваше высокоблагородие... Я пятнадцать годов в солдатах. В суворовских походах бывал, понимаю, что делается... Их, – он кивнул в сторону французов, – коли тут не окоротить, они и до России дойти могут... Не за тридевять земель граница наша! Как в лазарете валяться, ваше высокоблагородие?... Дозвольте к орудию стать...

– Ладно, становись, что с тобой поделаешь! – махнув рукой, сказал Ермолов.

И, подойдя к Денису, вытирая рукавом шинели лицо, сказал:

– Вот они, солдаты российские, брат Денис! Кравчука сегодня утром осколками сильно задело. Поранило и грудь и шею. Другой бы, пользуясь случаем, недели две из лазарета не вышел, а этот сделал перевязку да сюда... Орел! А доводы каковы? Слышал?

– Суворовской закалки, почтеннейший брат...

Денис не договорил фразы. Над батареей низко, со свистом пронеслось ядро. Следом другое, третье. Ермолов проводил их равнодушным взглядом, вздохнул:

– Да... Тяжело у нас... Три атаки французов отбили, а они снова лезут как окающие! Ну, а ты с чем пожаловал?

Денис сообщил приказ. Ермолов ответил:

– Передай, через час там буду... Да скажи князю, что лед на озере замерз крепко, кавалерию бы в обход по озеру пустить... Эх, да ведь не выпросишь, пожалуй, у наших немцев! – махнув рукой, с досадой добавил он. – Они теперь диспозициями заняты, им на нас наплевать... Ну, прощай, некогда!

А между тем Багратион, наблюдая за общим движением неприятельских сил, сам превосходно видел, как необходим сейчас кавалерийский удар с фланга. Багратион послал уже Офросимова в главную квартиру, хотя не очень-то надеялся, что удастся получить кавалерию из резерва.

Увидев перед собой пылающее от легкого мороза и возбуждения лицо Давыдова, еще не дослушав Дениса, князь подумал: «А что, если послать этого молодца? Не беда, что горяч. Может быть, как раз это сейчас и нужно... Теперь не до церемоний!» И, обратившись к Давыдову, сказал:

– Слушай, душа моя... Я отправил в главную квартиру Офросимова, но боюсь, что дело затянется. А положение тебе известно. Времени нет. Скачи туда сам, найди Офросимова... И чтоб через час кавалерия была. Добивайтесь любыми средствами Понимаешь?

– Будет исполнено, ваше сиятельство! – воскликнул Денис, радостно блеснув глазами.

Багратион улыбнулся:

– Так поезжай с богом! Надеюсь, голубчик! – И, посмотрев в глаза Денису, предупредил: – Смотри ж, однако, голову не закладывай. В драку не лезь!

Да, это поручение было потрудней других. В штабе Беннигсена, помещавшемся в просторном помещицком доме на мызе Ауклапен, к просьбам начальника арьергарда относились равнодушно. Сам Беннигсен поехал осматривать позиции. А штабные работники, в большинстве немцы, в самом деле занимались составлением каких-то бумаг, попыхивали сигарами и, пожимая плечами, цедили сквозь зубы:

– Резервы трогать нельзя... Это есть непорядок!

Офросимов, не успевший ничего еще сделать, сказал Денису, что все советуют обратиться к дежурному генералу Петру Александровичу Толстому. Один из любимцев и доверенных лиц императора, этот генерал, используя свое положение, вмешивался во все дела. Толстой занимал отдельный флигель. Офросимов и Денис направились туда вместе.

Сорокалетний генерал, с одутловатым сердитым лицом, сидел в кабинете за превосходно сервированным столом и завтракал. Он окинул вошедших адъютантов Багратиона недобрый взглядом и, не дослушав Офросимова, продолжая кушать котлетку, крикнул:

– Да что надобно князю? Он хочет вытребовать всю армию в свой арьергард! Если он с тем, что имеет, не может удерживать неприятеля, то что это за генерал!

– Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство, неприятель ввел в действие не менее трех корпусов, – заметил Денис, стараясь держаться почтительно, хотя чувствовал, что от негодования кровь бросилась в лицо.

– Что же из этого следует? Что? – перебил Толстой, начиная раздражаться. – Арьергард обязан исполнять свой долг... Да-с! И, полагаю, обстоятельства не так затруднительны, как вы рисуете. Французские войска ослаблены длительным маршем. Надо проявлять больше смелости... Извольте передать князю, чтоб на резервы не рассчитывал!

Денис, словно ошпаренный, выскочил из флигеля. И долго не мог успокоиться.

– Черт знает что творится! – бормотал он, сжимая руку Офросимова. – Ты пойми, там умирают, а здесь...

– Здесь свои порядки, мой милый, – перебил его Офросимов, – нам с тобой их не переделывать... Давай подумаем хладнокровно, что предпринять дальше.

– И думать нечего! Едем искать Беннигсена! А если не дадут добром, я сам подговорю какой-нибудь полк...

И Денис, не закончив фразы, опрометью побежал к своей лошади, стоявшей у подъезда дома. Офросимов последовал за ним.

К счастью, Беннигсена искать пришлось не долго. Окруженный большой свитой, главнокомандующий возвращался в главную квартиру. Увидев его на дороге, Денис и Офросимов, прищипорив лошадей, помчались навстречу галопом. Беннигсен, признав в скачущих всадниках адъютантов Багратиона, забеспокоился. Тонкие губы его свела легкая судорога. Понял: случилась какая-то неприятность. А Денис, подскакавший первым, был в таком возбужденном состоянии, что на лицах свитских генералов и офицеров тоже отразился невольный испуг.

– К вашему высокопревосходительству от князя Багратиона, – срывающимся звонким голосом крикнул Денис. – Неприятель двинул главные силы! Держаться невозможно!

– Что же нужно князю? – спросил встревоженный главнокомандующий.

– Кавалерия! Представляется удобный случай ударить с фланга, ваше высокопревосходительство. По льду Тенкнитенского озера. Это единственный способ задержать...

– Хорошо, хорошо, – перебил Беннигсен, – возьмите моим именем два полка... Кажется, у Шлодитена стоят драгуны и уланы... И передайте князю, что я пришлю еще пехотную дивизию... Держаться у города необходимо до последней возможности, армия еще не устроена...

Через полчаса Петербургский драгунский полк на рысях подходил к мызе Грингофшен, близ города, куда отступали арьергардные части. Рядом с огромным усатым полковником Дегтяревым ехал торжествующий, разрумянившийся Денис. Следом подходил Литовский уланский полк, взятый Офросимовым. По правде сказать, Денис надеялся, что теперь князь не откажет ему в разрешении отправиться с драгунами дальше. Однако Багратион, сердечно поблагодарив адъютантов, просьбу Дениса решительно отклонил:

– Не могу, голубчик... видишь, что делается! – указал он на громады неприятельских войск, спускавшихся с высот к городу. – Мне здесь каждый человек дорог!

Вскоре началось ожесточенное сражение за город. Драгуны Дегтярева и уланы, перейдя озеро, опрокинули два французских пехотных полка. Одновременно ударили в штыки мушкетеры генерала Багговута. Наступление неприятельских войск немного задержали. Им лишь в сумерках удалось прорваться к городу. Но здесь они были встречены жестоким огнем стрелков Барклая, засевших в садах и строениях. Завязался упорный бой. Теснимые превосходящими силами противника, сражаясь врукопашную на улицах, русские медленно выходили из города. В это время генерал Барклай был ранен: осколком снаряда ему раздробило кость правой руки. Его отправили в главную квартиру.

Уже совсем стемнело, когда к городу, почти полностью занятому неприятелем, подошла наконец пехотная дивизия, обещанная главнокомандующим. Встретив ее при подходе к городу, Багратион, подскакав к передней колонне, крикнул:

– Возьмем обратно город, ребята! Рано неприятелю в теплых домах нежиться! Пусть в поле ночует!

И, сойдя с лошади, обнажив шпагу, князь пошел впереди войска, чуть заметно припадая на левую ногу. Над головой, шипя, проносились ядра. Кругом свистели пули. Не доходя до Первых городских строений, Багратион повернулся, крикнул:

– С богом, ребята! Ур-ра!..

Вздрыгнула земля от мощного и грозного клича. Войска рванулись вперед. Со штыками наперевес, обгоняя друг друга, ворвались в город. Растерявшись от неожиданности, французы стали поспешно оставлять дома и улицы.

Багратион остановился близ городской ратуши. Была уже ночь. Выстрелы постепенно затихали. С обеих сторон города запылали бесчисленные костры. Русская и французская армии располагались на ночлег. Распустив войска арьергарда по местам, назначенным им по диспозиции, поручив охрану города командиру пехотной дивизии генералу Сомову, Багратион, оставшись без команды, отправился в главную квартиру.

День, необходимый для устройства русской армии, был арьергардом отвоеван.

IV

Рассветало... Багратион, ночевавший со своими адъютантами в одном из сараев мызы Ауклапен, давно уже, заложив руки за голову, лежал с открытыми глазами. Было горько и обидно сознавать, что его, боевого генерала, в день решительного сражения посылают в резервные войска под команду генерала Дохтурова. Ничего лучшего Беннигсен не мог придумать! А может быть, лукавый, искусный в интригах немец умышленно отстраняет его от дела, боясь соперников в военной славе? Ну, да не такой сегодня день, чтоб думать о личных обидах... Да и Дмитрий Сергеевич Дохтуров славный, храбрый генерал. Надо исполнять, что приказали.

Багратион легко и быстро поднялся. Посмотрел на крепко спавших адъютантов, минуту помедлил. Жаль будить, да ничего не поделаешь.

– Пора вставать, други мои, – мягко и весело сказал князь. – Едем к Дохтурову.

Адъютанты вскочили сразу. Лица освежили снегом и одеколоном. Выпили вместе с князем по стакану любимой его мадеры. На все ушло не более десяти минут – такой порядок у Багратиона соблюдался всегда.

Узнав ночью, что князь назначен в резервные войска, Денис пришел в негодование. Любимого самим Суворовым генерала – в резерв! Багратиону предпочитают Сакенов, Эссенев и Корфов, многие из которых не слышали даже боевых выстрелов! Возмутительно! Разгорячась, Денис высказал товарищам много нелестных слов по адресу высокого начальства. Но... как спокойно держится сам Багратион! Собирается ехать к Дохтурову, привычно встал раньше всех, шутит, смеется, словно обида его и не коснулась. Этого Денис никак понять не мог! По его мнению, князю следовало отказаться от обидной должности, писать жалобу государю, вообще протестовать всеми способами. «Хорошо бы поговорить по душам с Ермоловым», – мелькнула неожиданная мысль, вызвав желание повидаться с братом Алексеем Петровичем. Ермолов находился сейчас на правом фланге, где было установлено двадцать оставшихся в целости пушек его батареи. «Все равно утром резервы вряд ли введут в действие, – размышлял Денис, – а посмотреть, как начнется сражение, интересно...»

Багратион на этот раз в просьбе не отказал:

– Хорошо, поезжай... Кланяйся Алексею Петровичу. Да, кстати, узнай, в каком положении его орудия. Только не задерживайся, душа моя.

Денис поблагодарил и помчался на правый фланг. С небольшой возвышенности, куда он поднялся, открылась изумительная картина. Выпавший ночью снег словно пушистым ковром покрыл поле предстоящего сражения. В синем утреннем рассвете отчетливо различались дымившиеся еще костры биваков, но русские войска строились уже в боевой порядок. Было тихо. Легкий теплый ветерок изредка кружил по полю пролетный снег.

Денису было известно, что ночью из-за беспечности генерала Сомова французы опять заняли город. Зоркими глазами Денис разглядел, что у передних городских строений шевелится неприятельская пехота, выдвигаются орудия. «Ну, скоро, пожалуй, начнется», – подумал он, прищипывая лошадь.

Найти Алексея Петровича Ермолова было нетрудно. Артиллерия правого фланга, состоявшая из сорока батарейных орудий и двадцати легких пушек, находилась впереди войск, близ селения Шлодитен. Когда Денис подъезжал сюда, он не знал, что главнокомандующий отдал уже приказ открыть огонь из всех орудий правофланговой батареи. Оставив лошадь у коновязи одного из гусарских эскадронов, стоявших на окраине селения, Денис отправился дальше пешком, как вдруг раздался оглушительный орудийный залп и сейчас же со стороны города ответили французские пушки. Началась сильная артиллерийская стрельба. Добежав до невысокого кургана, где стояли ермоловские орудия, Денис ничего уже отсюда разглядеть не мог: все потонуло в пороховом дыму.

Ермолов был сегодня в лучшем настроении, чем вчера. И хотя залетавшие на курган ядра выводили из строя людей, Алексей Петрович распоряжался хладнокровно, с исключительным спокойствием.

– Ты зачем здесь? – удивился он, встретив Дениса.

– Посмотреть, как другие дерутся, почтеннейший брат... Отпросился у князя. А то и сражение кончится – ничего не увидишь. Мы же в резерве!

Ермолов ответить не успел. У одного из орудий со страшным громом и треском разорвалось неприятельское ядро. Алексей Петрович, махнув рукой, побежал туда.

Через несколько минут загрохотали семьдесят орудий центральной батареи, расположенной в полуверсте от батареи Ермолова. Канонада усилилась и с неприятельской стороны. Над полем плавали густые дымные тучи. Но на ермоловский курган ядра стали залетать все реже, очевидно французы сосредоточили огонь на центре и левом фланге.

Неожиданно погода резко изменилась. Подул порывистый ветер. Начался сильный снегопад. Закрутилась метель. В двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Канонада сразу затихла. Ермолов тоже прекратил бесцельную стрельбу.

– Вот погодка! Прямо светопредставление! – сказал Алексей Петрович, подойдя к Денису, укрывшемуся от снега за пустыми снарядными ящиками. – В такую пору и до греха недалеко. Можно своих побить... – Он помолчал и заговорил о другом: – Так ты говоришь, что в резерве теперь... Слышал, слышал! Нечего сказать, нашли местечко для князя Петра Ивановича... А что поделаешь? Беда, Денис, старая... Вечно чужеземцы ноги нам путают... Вспомни Суворова...

– Я одного не понимаю, – сказал Денис, – почему же князь молча обиду терпит?

– Эх, брат любезный! – вздохнул Ермолов. – Плохо, я смотрю, Багратиона ты знаешь... Храбрых и горячих генералов у нас много. А князь Петр Иванович тем над ними возвышается, что свои обиды забывать умеет, когда о чести и славе отечества токмо помышлять надлежит. В этом все дело! Сам сообрази...

Ермолов не договорил. Произошло невероятное...

Метель как-то вдруг стихла. Небо прояснилось. Прямо перед центральной батареей стояли плотные колонны войск в синих мундирах.

– Французы! – вскрикнул, подскакивая от изумления, Денис.

– Кой черт их сюда принес? – удивился и Ермолов. – Заблудились, наверное!

Пушки центральной батареи полыхнули огнем. Еще и еще! Французы зашевелились, попятились. В одно мгновение несколько русских пехотных батальонов, стоявших в центре, наклонив штыки, ринулись в атаку. Двадцать тысяч человек схватились грудь с грудью. Стрелять из орудий было невозможно. Слышался лишь невыразимый гул, лягз и скрежет. Наконец французы не выдержали, стали поспешно отступать. В погоню за ними помчалась кавалерия.

Затаив дыхание, Денис лихорадочно блестящими глазами наблюдал это потрясающее зрелище. Увидев толпы бегущих французов, он подумал, что теперь, пожалуй, исход всего сражения предрешен, и, повернувшись к Ермолову, воскликнул:

– Какая блистательная победа! И как быстро с ними управились!

– Подожди, до победы еще далеко, – отозвался Алексей Петрович.

Лицо его было пасмурно. Он неотрывно смотрел на позиции, занимаемые главными силами русской армии. Там не замечалось никакого движения. И это обстоятельство беспокоило Алексея Петровича больше всего.

– Французы наскочили на нас по какой-то случайности, – продолжал он, – но чтоб этот благоприятный для нас момент принес ощутительную выгоду, необходимо немедленно, сейчас же поддержать наступление главными силами. А Беннигсен не решается и упускает победу из своих рук!

С досады Ермолов сердито и зло выругался.

На Дениса слова Ермолова действовали отрезвляюще. В самом деле, нерешительность Беннигсена была очевидна. Русские войска не собирались трогаться с места. На душе у Дениса стало смутно. И опять, как во многих других случаях жизни, в памяти невольно всплыл незабываемый образ любимого полководца.

– Эх, был бы с нами Суворов! – подавляя вздох, высказал он вслух свою мысль.

Ермолов сочувственно кивнул головой:

– Да, тогда бы разговор совсем другой был...

... Бонапарт находился в самом мрачном настроении. Он стоял на возвышенной окраине города, у кладбищенской церкви. Прибыв сюда рано утром и впервые увидев русскую армию, построенную для сражения, он сразу понял, какую крупную ошибку допустил. Полагая, что русская армия будет отступать к Кенигсбергу, не ожидая генерального сражения, он распылил свои силы. Корпус маршала Нея был направлен для преследования прусского шеститысячного отряда генерала Лестока, находившегося в десяти – двенадцати верстах от правого фланга русской армии. Корпус маршала Даву ночевал в пятнадцати верстах от левого фланга. Корпус Бернадотта, сбитого с толку Багратионом, еще не подошел, на его содействие нельзя рассчитывать.

Послав адъютантов к Нею и Даву с приказом немедленно идти к Эйлау, Бонапарт не спешил начинать битву, хотя располагал войсками, по численности не уступавшими русским. Бонапарт давно уже имел возможность убедиться, что русские сражаются с мужеством необыкновенным. Ожесточенное сопротивление арьергарда Багратиона, которого хорошо помнил еще по шенграбенскому делу, прямо-таки изумляло.

– Это лучший генерал русской армии, – отзывался он о Багратионе.

Надеяться на легкую победу, как бывало в Австрии и Германии, не приходилось. Лишь получив известие, что войска Даву скоро придут, Бонапарт решился на боевые действия. Он приказал корпусу Ожеро атаковать левый русский фланг, куда с другой стороны должен был подойти Даву. Но войска Ожеро, застигнутые внезапной метелью, сбившись с дороги, угодили под русские пушки... И не прошло одного часа, как прискакали адъютанты со страшным известием:

– Корпус разбит... Сам Ожеро тяжело ранен! Командиры дивизий – генералы Дежарден и Гёделе убиты!

А вскоре показались разрозненные, жалкие остатки корпуса, преследуемые по пятам русской пехотой и кавалерией.

Бонапарт содрогнулся. Опасность угрожала уже ему самому. Один из русских грендерских батальонов, увлекшись погоней, приближался к кладбищу. Бонапарт ясно видел красные озлобленные лица рослых грендер, бежавших со штыками наперевес. Еще одна минута – и все будет кончено...

– Пошлите гвардию, накажите их за дерзость, – отрывисто и зло приказал Бонапарт, обращаясь к Бертье.

Оставленные Беннигсеном без поддержки, несколько русских батальонов, преследовавшие французов, гвардейской атаки не выдержали и отступили. Конница Мюрата и гвардейская кавалерийская дивизия Бессьера, прорвав боевую линию, пронеслась до русских резервов. Но вскоре снова поступили неприятные известия. Не сдержав кавалерийской атаки, русская пехота все же с поля не бежала. Пехотинцы ложились на землю, пропускали кавалерию, затем поднимались и стреляли ей в тыл. Гвардейская дивизия Бессьера, встретив жестокий огонь русских резервов, повернула обратно. Генералы д'Опу и Корбино были убиты.

Бонапарт нетерпеливо поджидал подхода войск маршалов Нея и Даву. Он не знал, что его адъютант Евгений де Монтескью, посланный к Нею, захвачен казаками и надеяться можно лишь на Даву, войска которого и подошли в полдень. Бонапарт оживился. На первых порах Даву удалось потеснить с левого фланга русских. Однако через час французы снова были отброшены, причем русские чуть не захватили всю артиллерию Даву.

Бонапарт оставался на месте. Русская артиллерия усиливала огонь. Пехота, стоявшая позади кладбища, несла огромные потери. И только присутствие императора удерживало войска от бегства.

Ветки деревьев, сбитые ядрами и картечью, сыпались на голову Бонапарта. Вокруг лежали трупы офицеров и солдат. Адъютанты продолжали доставлять сведения о потерях... Какой страшный день!

– Ну, Бертье, что вы думаете о наших делах? – стараясь сохранить спокойный тон, спросил Бонапарт.

– Мы удерживаем все свои позиции, ваше величество, – дипломатически ответил начальник штаба.

– Да, но к русским, кажется, подошли подкрепления, а у нас уже мало снарядов. Ней не является. Бернадотт далеко. Кажется, лучше идти своим навстречу...

Последняя фраза не оставляла никаких сомнений. Император признает сражение неудачным, думает об отступлении. Бертье промолчал. Спускались сумерки. Канонада продолжалась.

... Денис возвратился к Багратиону в тот момент, когда князь вместе с Дохтуровым объезжал резервные войска, еще не принимавшие участия в сражении. Маленький, толстенький, застенчивый Дохтуров высоко ценил и любил Багратиона, соглашался со всеми его замечаниями. Получив донесение, что казаки разъезды выследили движение к левому флангу неприятельских колонн, Дохтуров и Багратион устраивали свои войска таким образом, чтобы была возможность быстрее оказать помощь левому флангу. В то же время, предчувствуя неизбежность атаки французской кавалерии, Багратион распорядился приблизить конницу резерва, находившуюся под общим командованием генерала Чаплица, поставив ее в березовой роще, близ мызы Ауклапен. Среди этих войск находился Елизаветградский гусарский полк, командование которым принял полковник Юрковский, несколько эскадронов павлоградских гусар и казачьи полки.

Как только кавалерия Мюрата и Бессьера приблизилась к первой линии, Багратион послал Дениса с приказом к Чаплицу ударить на французов.

Увидев оживленных, готовых к бою гусар, услышав с детства знакомые слова кавалерийской команды, Денис с неожиданной остротой почувствовал неудовлетворенность своим положением. Нет, разумеется, он очень дорожил близостью к Багратиону, привязанность к которому росла с каждым днем. Он знал также, что, как адъютант, выполняет нужную и весьма ответственную работу, но все же с какой бы охотой он примкнул сейчас к гусарам и вместе с ними полетел бы в горячую схватку! «У них все ясно и просто, – думал Денис. – И никому никакого дела нет, какие диспозиции сочиняет Беннигсен... И, наверное, никто даже не представляет себе общего положения таким, какое оно есть. Порубился с неприятелем, выполнил

приказ, да и отдыхай! Нет, если б не служил при Багратионе, дня одного не остался бы в адъютантах».

– Давыдов! – окликнул его знакомый голос, когда он проезжал мимо одного из эскадронов павлоградских гусар.

Денис приостановился. К нему подскакал сияющий и возбужденный Степан Храповицкий.

– Ну что? Скоро нам в дело вступать? – спросил он, догадываясь, зачем скачет сюда адъютант Багратиона.

– Скоро, скоро, сейчас распоряжение передам, – ответил Денис, завистливо поглядывая на гусара.

– Вот спасибо! А то надоело стоять! Руки чешутся! – улыбаясь и подкручивая по привычке рыжие усики, сказал Храповицкий. – А вы что же? Все время при князе?

– Да, при князе Багратионе, – холодно произнес Денис, подчеркивая фамилию и тем давая понять, что он не принадлежит к числу обычных адъютантов.

И, попрощавшись, поскакал дальше, злясь на себя, что так нелюбезно обошелся с дружелюбно расположенным к нему гусаром. Причина же этой нелюбезности заключалась в том, что Денису хорошо было известно неприязненное отношение гусар к «адъютантикам». Вопрос Храповицкого показался обидным. «Но ведь ему известно, что я состою не при каком-нибудь штабном, а при самом боевом генерале и, наверное, он не думал меня обижать, – размышляя, укорял себя Денис. – Надо будет обязательно съездить к нему, загладить свою резкость...» А на душе по-прежнему было смутно.

Спустя каких-нибудь пять минут гусары и казаки, вылетев из рощи, дружно ударили с фланга на гвардейцев Бессьера, прорвавшихся почти до пехоты резерва. Впереди елизаветградских гусар на бешеном вороном Жеребце скакал полковник Юрковский.

– Руби их в пёси! Круши, хузары! – сверкая глазами, кричал он, врезаясь в неприятельские ряды и с непостижимой ловкостью действуя саблей.

Вскоре французские конные гвардейцы отхлынули назад, преследуемые гусарами и казаками. Но на гребне высот, примыкавших к русскому левому флангу, показались войска маршала Даву. Бонапарт послал ему на помощь пехотную дивизию Сент-Илера, несколько кавалерийских, а также остатки разбитого корпуса Ожеро. Французы наступали густыми массами. Небольшой отряд генерала Багговута и дивизия генерала Николая Михайловича Каменского, сына фельдмаршала, отошли от Серпаллена к центру. Войска резерва вступили в сражение. Но силы были не равны. Французам удалось занять Крегскую гору, господствующую над местностью, а затем зажечь мызу Ауклапен.

В это время осколком снаряда был тяжело ранен генерал Дохтуров. Командование принял Багратион, опять в минуту опасности оказавшийся во главе войск, принимавших на себя всю тяжесть неприятельского удара. Багратион повернул резервы лицом к неприятелю и начал контратаку.

Денис поскакал к Беннигсену за подкреплением. Штаб главнокомандующего располагался на безопасном правом фланге. Несмотря на это, в штабе чувствовалось смятение.

Беннигсен разрешил перебросить с правого фланга на левый все легкие орудия, обещал прислать на помощь подходивший прусский отряд генерала Лестока, но основные силы центра и правого фланга, стоявшие в бездействии, трогать запретил. Распоряжения главнокомандующего сводились к одному – отразить нападение. Наступательных действий он остерегался, хотя Багратион ручался, что при надлежащей поддержке опрокинет войска Даву.

– Мы даем сражение оборонительное, – говорил Беннигсен, – не будем выходить за рамки предусмотренных в таких случаях операций.

Денис окончательно убедился, что при таком главнокомандующем о победе нечего и мечтать. Возвращаясь обратно, выполняя под огнем поручения Багратиона, он всюду видел чудеса

храбрости, самопожертвования, героизма русских воинов и отдельных начальников, часто на свой страх и риск производивших контратаки. Видел величественного Багратиона, показывающего всем пример хладнокровия и бесстрашия; видел, как Ермолов, прискакавший на помощь пехоте, поставил впереди войск пушки и осыпал брандугелями французов, засевших на мызе Ауклапен; видел, как генерал Каменский водил свою дивизию в штыковую атаку. Усилия некоторых начальников и героизм русских солдат принесли известные результаты: французы к вечеру оставили и Крегскую гору, и мызу Ауклапен, и другие взятые ими в начале сражения позиции. Бой окончился вничью. Обе армии, понеся огромные потери, остались на прежних местах.

Однако Денис, как и многие другие участники сражения, понимал, что день обещал полную, решительную победу. И упущена она лишь потому, что русскую армию возглавлял плохой главнокомандующий, а штаб состоял из бездарных и трусливых людей, не знавших даже русского языка. Денис Васильевич все сильнее и сильнее проникался ненавистью к этим господам, парализовавшим успешные действия русских войск.

Наступила ночь. В штабе Беннигсена подсчитывали убитых и раненых, осматривали знамена, взятые у французов, готовили списки отличившихся. Беннигсен отправлял курьеров в Петербург с радостным известием о победе, одержанной им над Бонапартом.

И вдруг на правом фланге послышались ружейные выстрелы. Подошли два легких пехотных полка из корпуса Нея. Правда, войска правого фланга, не принимавшие участия в битве, немедленно отбросили их назад, но испуг, охвативший штабных господ, был так велик, что поднялась настоящая паника.

– Французы заходят с тыла! Нас окружают! Надо немедленно отступить! – кричали в страхе штабные чиновники.

Беннигсен дрожащей рукой подписал приказ о немедленном отступлении всей армии по Кенигсбергской дороге. Войска, ропща и негодуя, стали спешно строиться в колонны, хотя никакая опасность не угрожала. Французская армия была так обессилена, что не могла сделать ни одного шага.

Узнав о приказе Беннигсена, Бонапарт удивился едва ли не больше всех. Он сам собрался отступать, но теперь, конечно, все распоряжения на этот счет были отменены. В Париж поскакали гонцы с известием о блестящей победе, одержанной императором над русскими. Впрочем, обмануть общественное мнение Бонапарту на этот раз не удалось.

«Нерешительность Эйлауского сражения вызвала в Париже невероятную тревогу, – записал современник. – Враги империи под личиной скорби не могли скрыть радости о народном бедствии. Государственные фонды значительно понизились».

А через два года Бонапарт, прогуливаясь в Шенбрунском парке с ротмистром Чернышевым, посланцем императора Александра, признался:

– Я назвал себя победителем при Эйлау только потому, что вам самим угодно было отступить...¹⁴

¹⁴ Д.В.Давыдов в своих воспоминаниях о войне 1807 года и сражении при Прейсиш-Эйлау допускает многие неточности. Так, он считает, что русская армия при Прейсиш-Эйлау имела 80 тысяч человек, тогда как М.Богданович, производивший подсчет по официальным документам, более верно определяет численность русских войск при Прейсиш-Эйлау в 58 тысяч. Со стороны французов в сражении участвовало, по свидетельству французского генерала Дюма, 68 500 человек, а по мнению М.Богдановича – до 80 тысяч. Во всяком случае, численное преимущество было у французов. Значительно преувеличены Д.В.Давыдовым и потери наших войск. На самом деле русские потеряли не 37 тысяч, как сообщает Давыдов, а 8 тысяч убитыми и 18 тысяч ранеными. Французы исчисляли свои потери в 18 тысяч человек, но на самом деле у них выбыло из рядов до 25 тысяч. Не потеряв в этом сражении ни пушек, ни знамен, русские взяли у французов пять орлов, несколько орудий и около двух тысяч пленных. Необходимо отметить и другое. Из воспоминаний Д.В.Давыдова видно, с каким явным негодованием он относился к деятельности Беннигсена и его штаба. Однако, обрабатывая эти воспоминания в то время, когда Беннигсен был жив, и даже пользуясь его личной консультацией, Давыдов кое-где попытался «выгородить» Беннигсена, противореча сам себе. Так, например, утверждая в одной статье, что после сражения французы не могли сделать «малейшего шага вперед», что отступление Беннигсена было вызвано лишь его трусостью (факты, подтверждаемые другими историками), Давыдов в

V

Простояв девять дней под Прейсиш-Эйлау, французы все же вынуждены были отступить в западном направлении. Десятки тысяч неубранных трупов, лежавших на поле битвы, возбуждали в солдатах мрачные мысли. Провиант, взятый с собой, кончался. Пруссия дотла разорена. Госпитали переполнены тяжелоранеными.

Переехав в замок барона Финкенштейна, близ Остероде, Бонапарт писал оттуда своему брату Жозефу:

«Чиновники моего штаба, полковники, офицеры не раздевались в продолжение двух, а другие – четырех месяцев (я сам не снимал сапог целые две недели), валяясь на снегу и в грязи, без хлеба, без вина и водки, питаюсь картофелем и мясом, двигаясь взад и вперед усиленными маршами, сражаясь на штыках и весьма часто под картечью, отправляя раненых в открытых санях за двести верст. Мы ведем войну во всем ее ужасе».

Положение французской армии было столь бедственным, что Бонапарт решился даже предложить Беннигсену перемирие. Тот отказался, заявив, что «император Александр поручил ему сражаться, а не вести переговоры». Бонапарт занялся формированием новых корпусов, деятельной подготовкой к весенней кампании.

Русская армия, отошедшая к Кенигсбергу, вновь двинулась за неприятелем. Казачьи полки, поступившие под команду атамана Матвея Ивановича Платова, находились в авангарде и каждый день отбивали у французов транспорты, орудия. За короткое время захватили в плен тридцать офицеров и две тысячи двести солдат. Главнокомандующий, видя успешные действия Платова, усилил его отряд Гродненским и Павлоградским гусарскими полками.

Пользуясь тем, что Багратион уехал по делам армии в Петербург, Давыдов стал частенько наведываться в платовский отряд. Денис восстановил дружеские отношения с Храповицким, привлекавшим его своим удалством и откровенностью мыслей, не раз ночевал у Якова Петровича Кульнева, которого наконец-то произвели в подполковники. Кульнев командовал теперь батальоном гродненских гусар.

А однажды вместе с Ермоловым Денис побывал в гостях у самого Платова. Этот высокий, сутулый, седоусый генерал со скуластым лицом и хитроватыми глазами ходил в поношенном мундире, жил просто, по-казацки. Когда-то Платов служил в суворовских войсках, отличался большой храбростью, сметливостью. Дениса он интересовал, давно. Ермолов же еще со времен костромской ссылки состоял с Платовым в приятельских отношениях.

– Старик иной раз нарочно прикидывается темным и грубым человеком, – говорил Алексей Петрович, – а ума у него – на двух других генералов. С ним и поговорить и поспорить всегда приятно.

Матвей Иванович квартировал на окраине небольшого селения, только что занятого донцами. Застали его за ужином. На большом непокрытом столе стояли два графина с водкой, кислая капуста, несколько головок лука, отварное мясо в глиняной миске. Платов в расстегнутом мундире сидел в красном углу, окруженный несколькими казачьими офицерами, и с аппетитом обгладывал большую баранью кость. Увидев вошедших, он сейчас же поднялся, вытер рот и руки холщовым полотенцем и, весьма довольный, трижды облобызал Алексея Петровича.

– Вот уважил, что навестил! Милости прошу! Завсегда гость дорогой.

другой статье пишет, что «Беннигсену трудно было после понесенных потерь вновь сразиться с неприятелем». Таким образом, он оправдывал отступление. Подобных «натяжек», иной раз вызванных и цензурными условиями, в воспоминаниях Д.В. Давыдова немало. Поэтому при работе над исторической хроникой это всегда учитывалось, использовались другие источники, материалы архивов. Наименования населенных пунктов в воспоминаниях Д.В. Давыдова тоже не всегда точны. В хронике они выверены по официальным реляциям и военным картам того времени.

Денису, которого видел как-то в главной квартире с Багратионом, Платов протянул жилистую руку. Но Ермолов тут же представил:

– Брат мой двоюродный, Матвей Иванович... Сын Василия Денисовича Давыдова. Прошу любить и жаловать.

– Царь ты мой небесный! – воскликнул Платов. – Свойственник, значит! Да ведь я и батюшку твоего знавал, – обратился он к Денису, – лихой и зубастый мужик был... Вон дело-то какое!

И тоже расцеловал Дениса, обдав его запахом водки и лука.

– Ну-тка, Фролов, сообрази, чем гостей потешить, – обратился Платов к одному из ординарцев. – Сам-то я водочку и капустку соленую ни на что не меняю, – пояснил он Ермолову, – а для дорогих дружков и заморскую кислятинку имеем...

Через несколько минут стол неузнаваемо преобразился. Казаки постелили великолепную французскую скатерть. Появился фарфор и хрусталь. Двое бородачей втащили целый ящик шампанского.

– Богато живешь, Матвей Иванович, – заметил Ермолов, – придется поближе к тебе держаться.

– Каждый день господь посылает, – пряча усмешку под усы, ответил атаман. – Солдаты ихние не жравши бредут, а в генеральских обозах чего только нет...

– Стало быть, вы теперь одним генералам и опасны, – не удержался от иронии Ермолов.

– А ты не шутокуй, не шутокуй, Алексей Петрович! – нахмурился Платов. – Я хотя у костромского попа, как ты, латыни не обучался, а мнение такое имею, что, не будь казаков, быть бы нынче Леонтию Леонтьевичу Беннигсену за рекою Неманом.

– Ну, это уж, пожалуй, лишку хватил, Матвей Иванович, – улыбаясь и подзадоривая атамана, сказал Ермолов. – Спору нет, легкая кавалерия помогает хорошо, да в современных войнах не она дело решает.

– Об этом я рассуждать не берусь, – перебил, горячась, Платов, – а знаю твердо: ежели бы казаки гонцов к Бернадотке да к Нею не перехватили, так супротив нас сорок тысяч лишних войск оказалось бы. Это как, по-твоему? – И, не дожидаясь ответа, неожиданно подморгнув Денису, атаман продолжил: – Теперича легкая кавалерия опять не без дела: за один день сегодня сотни три хранцев побито да поболее того в плен взято. А кабы послушал меня Леонтий Леонтьевич, позволил бы казаков небольшими партиями поглубже в тыл пускать, они бы давно всю армию Бунапартия ощипали.

Денис слушал старого атамана с большим интересом. После рассказа Храповицкого о поисках гусар под Морунгеном вопрос о действиях легкой кавалерии в неприятельском тылу не выходил из головы. Доказывая, что легкая кавалерия может иметь на войне большее значение, чем сейчас, Матвей Иванович сообщил множество любопытных историй. Доводы казались убедительными. Однако ясности все-таки не было. Денис знал, что по существующим правилам легкая кавалерия не должна выходить из состава боевой линии главной армии, что на казаков возлагается служба на аванпостах и действия наравне с линейными войсками. «Нарушение этих правил привело бы к ослаблению армии» – так рассуждали многие, даже Ермолов. Когда возвращались обратно, Алексей Петрович заметил:

– Матвей Иванович свое дело, конечно, знает превосходно, но верить ему наполовину следует. Он и пофантазировать и прибавить любит...

Зато Кульнев, узнав от Дениса о разговоре с Платовым, сказал:

– Я уже сам об этом подумывал... Легкая кавалерия – дело великое. По-моему, Матвей Иванович прав во многом.

В голове Дениса уже бродили смутные мысли... Но вскоре другие встречи и события отвлекли от них.

Приехал Четвертинский. Почти следом за ним, вместе с Багратионом, прибыл в армию и давно ожидаемый Николай Николаевич Раевский.

Четвертинский поразил своим видом. Обычно оживленное лицо его сделалось пасмурным. На лбу залегли морщинки. В запавших глазах отражалась печаль. При встрече даже не улыбнулся.

– Что с тобой случилось, Борис? – спросил встревоженный Денис, когда они остались вдвоем.

– Житейские неприятности, – мрачно отозвался Четвертинский, – не стоит говорить... Рассказывай, как сам живешь.

– Нет, я вижу, как ты страдаешь, и не могу оставаться спокойным. Ты же знаешь мои чувства к тебе...

Денис подсел к приятелю, взял его руку. Четвертинский был тронут и в конце концов признался:

– Подлость, подлость, голубчик Денис... Ну, ты уже, наверное, слышал, что государь близок к сестре... Я, признаюсь, сначала не верил, а потом вообще склонен был смотреть на это сквозь пальцы. Все светские дамы имеют связи, я не блюститель морали, это дело их личное. Но он сам... – понимаешь? – сам решил афишировать эту связь... И вот, можешь судить, каково мое положение! В глазах всех я теперь брат признанной фаворитки... Не более! Я словно потерял свое имя, чувствую всюду недвусмысленные взгляды. Мне стыдно смотреть на людей... стыдно бывать у сестры... служить трудно... Хочу проситься в отставку, уехать подальше от этих мерзостей...

Денис, как мог, старался ободрить товарища. Полагая, что Четвертинскому нужна встряска, уговорил его поехать вместе в Амт-Гутштадт, где стояла дивизия князя Щербатова, имевшая соприкосновение с авангардными частями маршала Нея. Командир дивизии позволил молодым адъютантам принять участие в небольшом сражении. И это в самом деле немного отвлекло Четвертинского от грустных мыслей.

Николай Николаевич Раевский, напротив, находился в самом благодушном настроении. Он всегда с большой симпатией относился к Багратиону, вместе с которым начинал службу в потемкинских войсках. Поэтому, когда князя вновь назначили начальником авангарда армии, Раевский охотно принял предложение взять под команду бригаду из трех полков егерей, входившую в состав авангарда.

Раевского радовал также подбор и других командиров авангардных частей. Генералы Марков и Багговут были известны ему с хорошей стороны. Ермолов, распоряжавшийся по-прежнему артиллерией, родственно и душевно близок с давних пор.

Пользуясь тем, что авангард формировался заново и адъютантские обязанности были ограничены, Денис почти ежедневно навещал Раевского. Иногда один, иногда с Четвертинским. Деятельно занимаясь служебными делами, Николай Николаевич находил время и для шуток и для теплых дружеских бесед. Хотя вскоре настроение Раевского омрачилось. Причиной тому были неприятности, все чаще и чаще возникавшие в связи с плохим снабжением войск провиантом.

В начале марта главная квартира переехала в Бартенштейн, несколько южнее Прейсиш-Эйлау, а части авангарда продвинулись вперед на тридцать – пятьдесят верст, заняв селения, разоренные ушедшими недавно французами. Понятно, что достать здесь продовольствие и фураж было совершенно немыслимо, а провиантские чиновники, хорошо снабжавшие главную квартиру, на авангард не обращали никакого внимания, считая, что в авангарде «сами себя прокормят». Багратион неоднократно ездил объясняться с Беннигсеном, но тот отделивался обещаниями.

Между тем солдаты, не получая продовольствия, бродили по полям, выкапывали замерзшие, оставшиеся в земле овощи. Вспыхнули эпидемические заболевания. Кавалерийские и

обозные лошади, которых кормили одной соломой с крыш, гибли сотнями. Дорога от авангарда до главной квартиры была устлана конскими трупами.

Тогда некоторые командиры, потеряв всякую надежду на правильное снабжение, стали силой отбивать транспорты с продовольствием и фуражом, следовавшие в главную квартиру или в другие части. Но с подобным самоуправством главнокомандующий расправлялся довольно сурово.

В бригаде Раевского произошел такой случай. Командир одного из батальонов, пожилой, заслуженный майор Колышкин, отбил из чужого транспорта для своих голодных солдат пять возов с хлебом. Об этом доложили Беннигсену. Тот отдал приказ: майора от службы отстранить и отдать под суд. Понимая, что поступок офицера вызван не какими-нибудь корыстными мотивами, а желанием накормить голодных солдат, Раевский решил, с позволения Багратиона, съездить в главную квартиру, походатайствовать о смягчении наказания виновному. Денис, имевший уже некоторые связи в штабе, отпросился у князя поехать вместе с Раевским.

Но никакие доводы на штабных господ не подействовали. Раевский, сопровождаемый Денисом, пошел к главнокомандующему. Беннигсен, занимавший просторный особняк, сидел в кресле у камина. Рядом находился неизменный его советник сэр Роберт Вильсон.

Выслушав Раевского, главнокомандующий поморщился и недовольным тоном произнес:

– Довольно странно, генерал, что вы находите возможным вступаться за мародеров, кои разлагают наши войска.

– Вашему высокопревосходительству известны обстоятельства, при коих совершен непозволительный поступок, – возразил спокойно Раевский. – На мой взгляд, эти обстоятельства смягчают степень виновности...

– Какие обстоятельства? Что вы имеете в виду?

– Отсутствие продовольствия во многих частях авангарда.

– Но я же сделал распоряжение... И мне известно, что вчера, например, хлеб вам отправили в достаточном количестве. Разве вы не получили?

– Получили... впервые за две недели, ваше высокопревосходительство, но в количестве недостаточном. Помимо этого, хлеб выпечен из овса и чечевицы...

– Знаю, знаю! – перебил, вставая, Беннигсен. – Мы вынуждены, правда, добавлять в муку горох, но все же хлеб выпекается превосходный.

Он подошел к окну, на котором лежали две румяные буханки, доставленные на пробу провиантскими чиновниками, и, разломив одну из них, обратился к Вильсону:

– Посмотрите, сэр, разве это плохой хлеб?

– Отличный хлеб, ваше высокопревосходительство, – не выпуская изо рта сигары, отозвался англичанин. – Мне кажется, что генерал слишком требовательно относится к солдатскому рациону.

Мускулы на спокойном лице Раевского дрогнули, однако он сдержался. Окинув Вильсона презрительным взглядом, он обратился к Беннигсену:

– Хлеб, получаемый нами, никак не походит на представляемые вашему высокопревосходительству пробы. Чиновники вводят вас в заблуждение. Я сам присутствовал вчера при раздаче. Хлеб, доставленный нам, – невыпеченное и горькое тесто, малопригодное к употреблению. Я могу, если угодно, представить настоящие образцы.

– Пусть, даже так, нужно потерпеть, – вмешался Вильсон. – Русский солдат известен своей неприхотливостью...

Раевский побледнел от гнева.

– Я говорю с главнокомандующим русской армии, сударь, – отчетливо выделяя каждое слово и с холодным бешенством глядя на Вильсона, сказал он. – О качествах русского солдата не вам судить, сударь...

– Вы забываетесь, генерал! – кривя тонкие губы, перебил Беннигсен. – Представитель союзного государства имеет право высказывать свое мнение.

– Но не делать оскорбительных замечаний, – продолжал негодовать Раевский. – Русский солдат более, чем солдат английский, нуждается в хорошем питании, ибо, насколько мне известно, солдаты английские еще не трогались со своего острова, чтобы выступить против общего нашего неприятеля, а кровь солдат русских обильно орошает поля сражений. Я считаю, что господину военному агенту делать замечания о качествах русских солдат при таких условиях совершенно непозволительно.

– Вы слишком много берете на себя, генерал, чтоб рассуждать о таких вещах, – сердито сказал Беннигсен.

– Так рассуждает вся армия, не видевшая на поле брани ни одного союзного британского солдата.

– Ну, хорошо, хорошо, – опять перебил Беннигсен, желая замять неприятный разговор. – Мы отклоняемся в сторону. Я прикажу пересмотреть дело вашего офицера. Необходимые меры для улучшения снабжения авангарда также будут приняты. Что вам еще от меня угодно?

– Спасибо. Более ничего не имею, ваше высокопревосходительство.

И Раевский, отвесив с достоинством поклон главнокомандующему, не обращая внимания на англичанина, спокойно вышел из комнаты.

Денис был в совершенном восторге от Николая Николаевича. Осадить сэра Роберта Вильсона в присутствии главнокомандующего – на это не у каждого хватило бы мужества.

– Я опасаюсь только, почтеннейший Николай Николаевич, чтоб не вышло для вас какой-нибудь неприятности, – заметил Денис, когда они возвращались обратно.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – весело и беспечно отозвался Раевский. И вдруг взмахнул нагайкой, присвистнул и помчался вперед, держась в седле, как природный и лихой кавалерист.

Опасения Дениса не оправдались. Главная квартира ожидала в ближайшие дни прибытия гвардии и императора. Осложнять в такое время отношения с Раевским, имевшим некоторые связи, Беннигсену никак не хотелось. Да и за что же взыскивать с беспокойного и дерзкого генерала? За невежливое обращение с английским агентом? Но ведь ни для кого не секрет, что английское правительство, обещавшее при начале военных действий «удвоить усилия на пользу общего дела», не выполнило своих обещаний. Недобросовестными союзниками возмущались не только в армии, но и в Петербурге. Но главное, Беннигсен никак не желал, чтоб дело получило огласку, опасаясь расследования со стороны. Он состоял в тайной связи с интендантами, получал от них большие взятки, сам обкрадывал армию. При таких обстоятельствах лучше всего держаться миролюбиво...

Через два дня Багратион получил из главной квартиры изумившее всех решение. Майор Колышкин освобождался от следствия и суда, возвращался в бригаду, отделившись простым выговором. Снабжение авангарда продовольствием заметно улучшилось. Командиры и солдаты стали относиться к Раевскому с особым уважением.

VI

В начале апреля император Александр с огромной свитой прибыл в Бартенштейн. Одновременно подошла вся гвардия.

Денис понимал, что пребывание императора и окружавших его тунеядцев в главной квартире ничего доброго не предвещает, но все же, поехав повидаться с братом Евдокимом, был поражен тем, что увидел. Маленький прусский городок превратился в увеселительное место. Дома были заняты министрами, вельможами, знатными иностранцами. Многие из них приехали с женами и фаворитками. Кареты, коляски и обозы этих господ загромождали дворы и

улицы. День и ночь играла музыка. Устраивались пышные банкеты, балы, маскарады. Щедро раздавались чины и награды.

Желая щегольнуть боевым видом перед старыми приятелями-кавалергардами, Денис нарочно надел армейский мундир, украшенный первым орденом, полученным за Вольфсдорф. Но его наряд никакого впечатления не произвел. Кавалергарды развлекались, пили, сплетничали и к военным делам, казалось, относились с полнейшим равнодушием. Незнакомые гвардейцы косились и презрительно усмехались, глядя на армейского офицера. Знакомые провожали Давыдова сожаляющим взглядом.

В тот вечер кавалергарды давали бал, на котором должен был присутствовать государь. Евдоким и корнет Павел Киселев, квартировавшие вместе, тоже собирались на бал. Евдоким, оглядев брата, заметил:

– Эх, жаль, что ты в таком виде... Мы бы вместе отправились!

Денис хорошо знал, что армейским офицерам на подобные балы вход запрещен, и брат ничего особенного не сказал, но все-таки слова его показались обидными.

– Я в этом мундире по крайней мере под неприятельским огнем бывал, – сердито произнес он. – И мне наплевать, как на меня смотрят!

– Да чего же ты сердишься? – с удивлением поглядел на него Евдоким. – Ведь тебе самому отлично известны порядки... Я-то при чем?

– Я про тебя не говорю, а вообще... Война идет, а у вас тут балы и черт знает что! Смотреть противно.

– Денис, голубчик, ей-богу, мы с Евдокимом готовы с тобой согласиться, но от этого все равно ничего не изменится, – сказал, улыбаясь, Киселев. – Давай-ка лучше выпьем шампанского за твои бранные подвиги, и расскажи что-нибудь интересное.

– Нет, правда, посуди сам, Киселев, – продолжал Денис. – Всем известно, что Бонапарт не спит и сегодня-завтра двинет против нас свою армию. А мы как готовимся? Ну, я понимаю, государь желает посмотреть и ободрить войска... это все хорошо... Да зачем же всякого сброду сюда напустили, зачем бедлам устраивать? Представь, как это на войсках отражается...

– Что верно, то верно, – серьезно отозвался Киселев. – У нас ни в чем чувства меры не знают.

– А потом сами будем локти кусать, да поздно! – добавил Денис. – Я вот о чем говорю!

Возвратившись обратно в авангард, Денис долго оставался в задумчивости. Очутившись в непривилегированных армейских войсках, с необычайным мужеством, в труднейших условиях отстаивающих честь отечества, он горячо полюбил эти войска, проникся к ним чувством глубокого уважения. Денис знал, что гвардия тоже иногда принимает участие в сражениях, памятна была атака кавалергардов на Аустерлицком поле, однако в большинстве случаев боевые действия гвардии были ограничены, носили парадный характер. Вся тяжесть войны лежала на армейских офицерах и солдатах.

Посещение Бартенштейна, где вместе с придворными веселились и гвардейцы, в то время как солдаты авангарда пухли от голода, оставило в душе Дениса тяжелый осадок. Правда, беспечная и разгульная жизнь гвардейцев еще манила его, но с нравственной стороны пребывание в армейских войсках он считал более почетным. Да и для развития военных дарований больший простор давала армия, а не гвардия. Багратион, Раевский, Ермолов, Кульнев, деятельность которых была связана с армией, несмотря на разницу в чинах и общественном положении, принадлежали, по мнению Дениса, к одной суворовской школе, тогда как развращенная близостью к императорскому двору гвардия, состоявшая под командой пристрастного к прусским военным доктринам великого князя Константина Павловича, представлялась теперь организацией другого типа. И Денис, не чуждавшийся никаких светских развлечений, любивший покрасоваться в парадном лейб-гусарском ментике, почувствовал, что отныне его фактическая связь с гвардией прекращается. Военные опасности и невзгоды привлекали больше, чем

церемониальные марши. Денис бесповоротно решил избрать для себя суровый и кремнистый путь службы в действующей армии.

* * *

Бонапарт был занят осадой Данцига. Под стенами этой крепости стояло сорок тысяч французов. Остальные войска, неимоверно растянутые, оставались в бездействии. Наступить против русских до капитуляции Данцига Бонапарт не хотел. Беннигсену представлялась возможность взять инициативу в свои руки и быстро разгромить разрозненные французские корпуса, выдвинувшиеся вперед. Но Беннигсен от самых противоречивых советов бездарных свитских генералов совсем потерял голову. Его обычная нерешительность превратилась в трусость. Бонапарт, довольно проницательно разгадавший характер главнокомандующего русских войск, не замедлил воспользоваться этим.

В конце апреля, когда все окончательно удостоверились, что расположенный близ Гутштадта корпус маршала Нея оторван от главных сил французской армии, военный совет, собранный императором Александром, постановил атаковать этот корпус. 1 мая авангард Багратиона, находившийся в соприкосновении с противником, должен был первым завязать сражение. Одновременно с двух сторон предполагалось произвести нападение основными силами армии.

Утром 1 мая авангардные войска подошли к местечку Гронау. Сделав смотр и поблагодарив Багратиона за хорошее состояние войск, Александр остановился вместе с ним на опушке леса. Ждали сигнала главнокомандующего, чтобы начать сражение.

Денис, находившийся среди других адъютантов, смотрел на императора довольно равнодушно. От того восторга, который охватил его шесть лет назад при первой встрече с Александром, не осталось и следа. Теперь Денис знал, что этот рыжеватый и плешивый, сильно располневший за последнее время человек под обворожительной, щедро расточаемой улыбкой скрывает лицемерие и двоедушие расчетливого отцеубийцы. Конечно, скрывая свои истинные чувства, Денис поддерживал с офицерами обычный разговор о необыкновенных качествах доброго императора, но при этом видел, что многие офицеры произносят пышные фразы тоже неискренне, по необходимости.

Наконец показался главнокомандующий. Одетый в парадную форму, сопровождаемый адъютантами, Беннигсен скакал галопом, неуклюже держась в седле. Плохая посадка его давно уже служила предметом шуток для кавалеристов. И сейчас, глядя на приближавшуюся кавалькаду, некоторые не удержались от насмешек.

– Кажется, Леонтий Леонтьевич желает удивить нас бравым видом, – лихо шепнул какой-то генерал.

– А может быть, немного посмешить, – ответил другой. – Ему всегда недоставало быстроты и юмора.

Подскакав к императору, Беннигсен с испуганным лицом, дергая худой шеей, задыхаясь, доложил:

– Ваше величество! Только что получено известие... Бонапарт с главными силами спешит на помощь маршалу Нею.

– Так ли это, Леонтий Леонтьевич? – спросил с выражением досады на лице император. – Откуда у вас сведения?

– Доставлены лазутчиками. Один из наших солдат, бежавший ночью из плена, тоже подтверждает...

– И что же вы предлагаете?

– При сложившихся обстоятельствах необходимым считаю отменить атаку... Жду ваших повелений, государь!

Александр несколько минут колебался. Лицо его все более становилось злым и некрасивым. Видимо, вспомнил Аустерлицкое сражение, когда его самонадеянность привела к поражению. Взять на себя ответственность на этот раз не решился.

– Я вверил вам армию и не хочу мешаться в ваши распоряжения, – резко сказал он, не глядя на Беннигсена. – Поступайте по своему усмотрению!

Беннигсен наклонил трясущуюся голову. Император молча повернул лошадь. И в тот же день, сухо простившись с главнокомандующим, отбыл в Тильзит.

Так бесславно закончился маневр, обещавший русским войскам несомненный успех. Сведения, испугавшие Беннигсена, как выяснилось позднее, оказались ложными. Понимая невыгодность своего положения, французы нарочно распустили слух о движении главных сил Наполеона и подстроили побег нескольким пленным. Бездарность и трусость Беннигсена всем стали очевидны. Он мастерски умел плести всякие интриги, уверил императора, что под Пултуском и Прейсиш-Эйлау одержал решительные победы, но как главнокомандующий допускал ошибку за ошибкой.

24 мая началось сражение с войсками маршала Нея близ Гутштадта. Потеряв около трех тысяч человек, французы отступили за реку Пасаргу, куда стягивались их главные силы. Через три дня сюда прибыл Бонапарт, принявший командование всей армией.

Утром 28 мая по двум мостам французы начали обратную переправу через реку. Бригада легкой кавалерии генерала Гюйо, переправившись первой, заняла селение Клейненфельд. Генерал Раевский со своими егерями, подкрепленный несколькими казачьими полками, быстро окружил и уничтожил противника. Генерал Гюйо был убит. Но вскоре русские войска, по приказу Беннигсена, стали отступать к Гейльсбергу, где на другой день произошло первое большое сражение без видимых результатов для обеих сторон. Русские остались на своих позициях, во всех пунктах отразив неприятеля, который потерял свыше десяти тысяч убитыми и ранеными.

Тогда, не возобновляя нападения, Бонапарт послал корпуса Даву и Мортье на Кенигсберг, рассчитывая, что Беннигсен попытается спасти этот город, откуда снабжалась русская армия. Бонапарт не ошибся. Оставив удобные гейльсбергские позиции, русские войска четырьмя колоннами двинулись по направлению к Фридланду.

Второго июня, на рассвете, они начали переправу на западный берег реки Алле, стремясь выйти на кенигсбергскую дорогу. Но эта операция не удалась. Любимец Бонапарта маршал Ланн с несколькими дивизиями подоспел к Фридланду, открыл огонь. А спустя несколько часов сюда подошел с главными силами и Бонапарт. Французов собралось вдвое более русских. К тому же Бонапарт сразу обнаружил ошибку Беннигсена, сосредоточившего массу войск в излучине реки Алле. Французская тяжелая артиллерия не замедлила направить туда губительный огонь.

Русские, как всегда, сопротивлялись отважно. Багратион, Раевский, Багговут, Ермолов и другие командиры, находясь в опаснейших местах, ободряли войска, поддерживали порядок. Кавалерия, ударив с флангов, опрокинула некоторые дивизии корпусов Ланна и Нея. Тем не менее удержаться русским не удалось. К вечеру половина армии была потеряна. Сражение проиграно. Началось поспешное отступление на Тильзит.

... Ночь была теплая, звездная. Опустив поводья, мерно покачиваясь в казацком седле, Давыдов двигался в общем потоке разрозненных войсковых частей. Его неодолимо клонило ко сну. Голова казалась свинцовой. И мысли были смутные, беспорядочные...

Десять последних суток войска Багратиона находились в непрерывных сражениях. Денис, доставлявший в самые опасные места приказы князя, потерял две лошади, получил сильную контузию при Гейльсберге, но продолжал до конца выполнять свои обязанности¹⁵.

¹⁵ В императорском рескрипте, сохранившемся в бумагах Д.В.Давыдова, говорится, что он «во все время отступления

То, что он видел за эти дни, представлялось теперь хаотическими отдельными эпизодами, не связанными между собой.

Вот подъезжает к Багратиону, стоящему у шалаша, нескладный, с лошадиным лицом генерал Сакен, по милости которого выпущен из окружения корпус Нея. Сакен что-то говорит, оправдывается. Багратион, задыхаясь от гнева, сжав кулаки, грозно на него надвигается:

– Вам не дорого отечество наше! Вы карьерист и трус!

И Сакен, с дрожащей нижней челюстью, отступает, бормоча какие-то фразы, потом сразу куда-то исчезает. А Багратион уже под ядрами и картечью, с обнаженной шпагой в руке оставливает гренадер, не выдержавших убийственного огня.

– Разве вы забыли Суворова? – пылко восклицает он. – Забыли свои подвиги? А не с вами ли я ходил в штыки под Сен-Готардом? Ободритесь! Идемте вместе, ребята! Вперед!

А вот французская пехота занимает небольшую высоту. И вдруг из соседней деревушки стремительно вылетает русская конная артиллерия. Мелькает богатырская фигура Ермолова. Неприятель не успевает опомниться, как на него обрушивается град картечи.

– Ага, побежали! Не любят русского гороха! Еще картечь, ребята! – весело кричит окутанный дымом Ермолов.

Затем он тоже исчезает. Бьет барабан. Свистят пули. Рвутся снаряды. Раненный в ногу Раевский ведет в бой своих егерей. Покрытый пылью усатый Кульнев мчится впереди эскадрона гродненских гусар.

Дальше все исчезло. Сон одолел окончательно.

Неожиданно конь всхрапнул и остановился. От толчка Денис вздрогнул, очнулся. Занимался рассвет. Гасли звезды на чистом небе. Войска задерживались у какой-то речушки.

Денис тронул коня, объехал колонну, приблизился к берегу. Переправлялся большой обоз квартирмейстерской и провиантской частей. Пехотинцы, сгрудившись у моста, ругались:

– Немцы проклятые! Житья от них нашему брату нет.

– Самые они, которые голодом нас морили... Спихнуть бы в воду, да и конец!

Большинство военных и чиновников, ехавших с обозом, в самом деле составляли немцы. Их сопровождал конный конвой, он с трудом сдерживал напор пехоты. Маленький офицер на гнедой английской лошади деловито распоряжался, стремясь быстрее пропустить обоз по узкому деревянному мосту. Фигура офицера показалась Денису знакомой, Он подъехал ближе и, узнав офицера, окликнул:

– Дибич!

Старый знакомый повернул голову, приветливо поздоровался.

– Как вы изменились, Давыдов... Трудно поверить!

– Зато вас я признал сразу... Вы каким же образом здесь?

– Прикомандирован к квартирмейстерской части. Полагаю, могу более всего проявить себя в этой службе.

Маленький криволицый барон был в чине штабс-капитана. Держался по-прежнему странно, смотрел исподлобья, обезьяньих ужимок своих не оставил. Но по-русски говорил несравненно лучше, чем прежде.

Пропустив обоз, Давыдов и Дибич поехали следом вместе. Разговорились. Денис имел отчетливое представление о причинах поражения под Фридландом. Он знал, что армию винить в этом нельзя, сам видел, как стойко держались войска. Их сломило не двойное превосходство противника. Причина поражения заключалась в другом. Беннигсен, наперекор правилам воен-

арьергарда к Гейльсбергу отдаваемые генерал-лейтенантом князем Багратионом приказания доставлял в самые опаснейшие места с точностью и особенною деятельностью и оказал как в сем, так и в сражении при Гейльсберге 29 мая храбрость и примерную неустрашимость, причем получил сильную контузию». За это Д.В.Давыдов был награжден орденом Анны второго класса и получил золотую саблю с надписью: «За храбрость» (В. Жерве, Партизан-поэт Д.В.Давыдов. СПб, 1913 г.).

ного искусства, так расположил русскую армию, что лишил войска даже возможности схватиться с неприятелем.

Сдавленные в тесном пространстве, не сделав выстрела, русские тысячами гибли на месте и в мутных волнах реки Алле. И ответственность за это, как понимал Денис, лежала не только на главнокомандующем, но и на том, кто его назначил. Разве Александр не мог доверить армию более способному генералу? Говорят, Багратион молод и слишком горяч... Хорошо. А мудрый и опытный Кутузов? В армии всегда о нем вспоминают...

Разумеется, Дибичу этих мыслей Денис не высказал, так как особой близости между ними никогда не существовало. Поехал же вместе потому, что хотелось узнать, что думает обо всем происшедшем и будущем этот пролаза, успевший уже устроиться на тепленьком местечке. «Наверное, постоянно трется возле штабных господ, – размышлял Денис. – Интересно, как они предполагают поступать дальше?»

Но Дибич держался настороженно. Он хотя и критиковал начальство за неудачный выбор позиции под Фридландом, однако в остальном оставался таким же педантом, как и прежде. Придавая чрезмерное значение диспозициям, устройству колонн, механическому выполнению приказов, он не постигал особых свойств русской армии. Моральная стойкость, инициативность офицеров и солдат в бою, храбрость и выносливость, прививаемые войскам питомцами суворовской школы, – все это оставалось чуждым Дибичу. «Опять понесло мертвениной», – недовольно подумал Денис. И, не дослушав рассуждений барона, спросил:

– Ну, а что вы скажете об ожидающей нас участи?

Дибич пожал плечами.

– На подобный вопрос ответить почти невозможно. Положение наше, сами понимаете, не из блестящих. Армия расстроена. И, по моему мнению, имеется лишь одна возможность поправить дела...

– Какая же?

– Присоединить к нам корпуса Лестока и Каменского, в составе которых двадцать тысяч войск.

– Но они же посланы для защиты Кенигсберга?

– В данном случае, когда главная армия понесла огромные потери, защита этого города не имеет уже существенного значения. Да и удержать его все равно не удастся, напрасные расчеты. Бонапарт помимо двух сильных пехотных корпусов послал туда всю конницу Мюрата с приказанием отрезать от нас Лестока и Каменского...

– Да, положение тяжелое, – согласился Денис. – А если Лестоку и Каменскому не удастся уйти от преследования?

– Тогда нечего и думать о позициях у Немана, куда мы движемся.

– Как? Вы допускаете возможность, что Бонапарт перейдет Неман и вторгнется в Россию?

– Лично я не допускаю. А мнение такое имеется, – уклончиво ответил Дибич. – Вообще, насколько мне известно, в кругах, близких к государю, существуют две партии. Одна стоит за продолжение военных действий, другая – за мирные переговоры с Бонапартом.

– Это я уже слышал, – сказал Денис. – Но, полагаю, теперь, когда оскорблены честь и слава отечества, никакой речи о мире быть не может!

– Обстоятельства, однако, бывают сильнее наших желаний, – отозвался Дибич. – Его высочество великий князь Константин Павлович еще в Гейльсберге высказывал мысль о необходимости мира.

– Тогда мы находились в ином положении. Удержав позиции, нанеся большой урон неприятелю, можно было рассчитывать на переговоры, как равные с равными.

– А если Бонапарт все же перейдет границы? – в свою очередь задал вопрос Дибич.

– Пусть попробует! Мы будем драться насмерть! – горячо воскликнул Денис. – Русская армия не простит оскорбления отечеству. Все, что угодно, только не позорный мир!

Дибич ничего не ответил. Отвернулся в сторону и усмехнулся. Денис не заметил.

VII

Спустя три дня войска арьергарда, приведенные в полный порядок стараниями Багратиона и его помощников, находились уже в нескольких верстах от Тильзита, где помещалась главная квартира Беннигсена.

Француз, утомленные длительными боями и маршами, преследовали не особенно настойчиво. К тому же сказалось отсутствие кавалерии Мюрата, застрявшей в болотах под Кенигсбергом. Последнее обстоятельство имело для русских и другую выгоду. Отряды Каменского и Лестока, избежав встречи с превосходящими силами неприятеля, благополучно присоединились к арьергарду, весьма ободренному таким подкреплением.

Одновременно Багратион узнал, что корпус маршала Нея, угрожавший все время с правого фланга, остановился у Гумбинена. Опасность внезапного нападения пока миновала. Посылая Дениса в главную квартиру с приятными вестями, князь сказал:

– Передай, душа моя, что войско наше сохранило полное устройство и бодрость духа. Неудача не уменьшила храбрости. Ежели потребует, будем сражаться, как всегда.

Денис поскакал в Тильзит в приподнятом настроении. Но по дороге, не доезжая до города, встретил адъютанта главнокомандующего, майора Эрнеста Шепинга, с которым был в дружеских отношениях.

– Что нового, Шепинг? – спросил Денис, сдерживая коня, когда они поравнялись

– Держу пари, никогда не отгадаешь, – ответил с улыбкой майор.

– Везешь предписание князю Багратиону?

– Это более или менее ясно, но какое? – И, чуть помедлив, гордясь важностью порученного ему дела, Шепинг продолжил: – Я делаю историю, мой милый... Главнокомандующий предлагает князю немедленно войти через меня в сношение с французами, предложить им перемирие, пока приступим к переговорам о мире...

Денис задохнулся от изумления и охватившего его негодования.

– Как? Не отомстив за Фридланд? Признав себя побежденными?

– Ну, эти уже пусть дипломаты устанавливают. Я сказал тебе все. Прощай!

Подавленный известием, ничего не чувствуя, кроме позора предстоящего мира, Денис поспешил к Беннигсену с намерением уверить его в отличном положении войск арьергарда и в полной возможности продолжать военные действия. Однако, прибыв в главную квартиру, убедился, что ничто уже не поможет. Дом, занимаемый Беннигсеном, был наполнен людьми различного рода. «Тут были, – вспоминал впоследствии Денис, – англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной и гражданской тунеядцы, интриганы, – словом, это был рынок политических и военных спекуляторов, обанкротившихся в своих надеждах, планах и замыслах».

Среди этой толпы царила невообразимая паника. Один из фаворитов главнокомандующего, бывший гатчинский парадир, бездарный генерал Эссен, узнав, с чем прибыл Денис, от страха пришел в полное расстройство.

– Что вы, что вы! Разве можно в такое время советовать главнокомандующему столь вздорные вещи, как продолжение войны, – сказал он Давыдову.

– Почему же вашему превосходительству это кажется вздорным?

– Да ведь мы в ужасном положении! Армия не боеспособна. Как может ваш Багратион тешить себя бессмысленными надеждами задержать величавшего полководца? Чистейшие химеры! Перед Бонапартом капитулировали первоклассные европейские армии... Австрия повержена! Пруссия повержена! Поймите! А вы столь самонадеянно полагаете, будто русские

войска могут что-то еще сделать... Нет, у нас единственный шанс на спасение – это мир! Мир во что бы то ни стало!

Денису стало противно смотреть на перепуганного генерала. Он молча откланялся. Потом, оглядев общество, среди которого находился, призадумался. Все штабные господа разделяли мнение Эссена. И некоторые шепотом уже титуловали Бонапарта «его величеством Наполеоном». «При таком воинственном расположении духа, – иронически подумал Денис, – без сомнения, нечего и помышлять о продолжении борьбы с неприятелем!» Сегодня Денис еще раз убедился, насколько армейские войска, всегда готовые до последней капли крови защищать отечество, превосходят штабных господ, помышляющих лишь о собственном благополучии.

Беннигсен ничем от этих господ не отличался. Конечно, как главнокомандующему, ему было приятно услышать, что часть его войск сохранила боевой порядок, легче будет оправдываться перед государем, но продолжать военные действия он не собирался.

Выслушав Дениса, главнокомандующий сухо сказал:

– Передайте князю Багратиону мою благодарность и сообщите, что наша армия переправляется на правый берег Немана. Князю надлежит немедленно присоединиться к главным силам и зажечь за собой мост...

... На следующий день русские войска были за Неманом. Французы заняли Тильзит. Наполеон Бонапарт стоял на левом гористом берегу реки и «ненасытным взором пожирал землю русскую, синеющую на горизонте».

А в главной квартире Беннигсена, переехавшей в Амт-Баублен, штабные господа робко и почтительно встречали французского офицера, прибывшего с ответом на предложение о перемирии. Однако капитан Луи Перигор, адъютант маршала Бертье, в щегольском гусарском ментике и высокой медвежьей шапке, никого приветливым взглядом и словом не удостоил. С насмешкой в глазах, гордо закинув голову, француз молча проследовал в зал, где ожидали его Беннигсен и генералы.

– Мой император поручил сообщить вам, – не снимая шапки, нагло глядя в глаза Беннигсену, сказал Перигор, – что он милостиво соглашается на предложенные вами переговоры и уполномочил вести их маршала Бертье...

Штабные господа вздохнули с облегчением. Дерзость и надменность гонца Наполеона никого из них не возмутили. Перигор оставался в шапке даже за обедом. Беннигсен пил за его здоровье и мило улыбался.

Зато в соседней комнате, где собрались молодые адъютанты и офицеры, поведение француза вызвало взрыв общего негодования.

– До какого унижения мы дожили, господа! – выходили из себя офицеры. – Перигор нарочно не снимает шапки, выказывая презрение! Нас оскорбляют в собственном доме! Невыносимо смотреть! Позор!

– Он держит себя, как татарский посол в стане русском, – горячился более всех Денис. – И я уверен, господа, дерзкая мысль не снимать шапки внушена ему свыше, как мерило нашей терпимости. А наша терпимость служит, может быть, мерилom числа и рода требований, которые намеревается Бонапарт предъявить при мирных переговорах...

– Правильно, верно, Давыдов! Подмечено тонко!

– В таком случае нам следует сбить шапку с головы Перигора! – воскликнул Офросимов. – Кто знает, господа, может статься, тогда бы из головы Бонапарта и выскочило несколько подготовленных статей мирного трактата!

– Шутки в сторону! Ты не далек от истины, Офросимов! – отозвался Денис. – Все дело в шапке.

– А мне кажется, роль шапки вы все-таки преувеличиваете, господа, – вмешался в разговор Грабовский. – Не надо забывать, что военный устав французской армии запрещает снимать шапки и каски офицерам, когда на них лядунки, означающие время службы.

– Пусть так! Но кто же мешал Перигору, исполнив поручение, снять лядунку, а после того и шапку? – с жаром возразил Денис. – Нет, господа, как хотите, а я продолжаю утверждать, что оскорбительная для нас всех шапка имеет дипломатическое назначение...

Денис не успел договорить фразы. В комнату вошел генерал Эссен. Лицо его, покрытое сизыми пятнами, выражало самое праздничное настроение. Пышные усы были замазаны соусом. Глаза блестели.

Увидев генерала, офицеры сразу притихли, вытянулись.

– Продолжайте, продолжайте, господа, – сказал генерал. – Я хотел немного освежиться... Там жарко... Но какой сегодня радостный день, господа! Его величество император Наполеон имеет самые добрые намерения... Мы спасены... Мы можем спать спокойно...

– Раньше, ваше превосходительство, хотелось бы знать условия, предлагаемые неприятелем, – сдержанно заметил Офросимов.

– Ах, господа! – махнул рукой генерал. – Какое значение имеют условия, если достигнуто главное... желание обеих сторон прекратить кровопролитие... Конечно, мы должны будем что-то уступить... покориться необходимости... Но ведь мы имеем дело с величайшим полководцем, господа, от единого мановения руки которого прекращают существование европейские государства. Я имел честь служить в прусской армии, господа, в армии, созданной великим Фридрихом! О, это была превосходная армия! И вот... она тоже капитулировала... Какими же преимуществами обладают русские войска, чтоб надеяться на успех сопротивления?

– Извольте, я могу ответить, ваше превосходительство, – сделав шаг вперед, еле владея собой от гнева, сказал Денис. – Возможно, что русская армия не так хорошо устроена, как та, в которой вы имели честь служить, ваше превосходительство. Но вам должно быть известно, что не было случая, чтоб русские когда-нибудь капитулировали... Это первое наше преимущество. Второе в том, что нам чужда сама мысль о капитуляции и невыносимо признание господства над собой чужеземцев... Среди нас нет космополитов, ваше превосходительство! И оскорбление чести своего отечества мы считаем оскорблением собственной чести!

Слушая Дениса, генерал молча хлопал глазами, старался понять причины столь необычной горячности офицера, но, кажется, так ничего и не понял.

...13 июня в красивом павильоне, установленном на середине реки Немана, где проходила демаркационная линия, произошло первое свидание русского и французского императоров. Денис, сопровождавший князя Багратиона, находился в числе немногих офицеров, ставших свидетелями этого события. Он снова увидел императора Александра, когда тот в просторной горнице полуразрушенной сельской корчмы на правом берегу реки дожидался Наполеона. Положив шляпу и перчатки на стол, Александр сидел у окна, старался напускным спокойствием и веселостью скрыть свое волнение. Да, его самолюбие было уязвлено самым чувствительным образом. Предстояла встреча с величайшим полководцем и завоевателем, стоявшим на рубежах России. Кто знает, каковы будут требования Наполеона?

Денис догадывался об истинных чувствах, владевших императором. Но кто же виноват во всем, как не сам император? Сражение при Аустерлице проиграно по его вине. Сражение при Фридланде проиграл бездарный Беннигсен, им назначенный. Предстоящий позорный мир – результат его недоверия русским войскам и командирам. Да и почему в конце концов в глазах всего света Наполеон стал гениальнейшим полководцем? Отдавая должное его военным талантам, решительности и проницательности, Денис все же полагал, что поразительные успехи Наполеона объясняются главным образом тем, что противостоящие силы до последнего времени управлялись неспособными начальниками, привязанными к давно отжившей военной системе. Это было ясно. Участвуя в последней кампании, Давыдов обнаружил и другое: Наполеон, как полководец, был далеко не безупречен в своих действиях. Несмотря на превосходство в силах, он выиграл эту кампанию лишь потому, что умел пользоваться ошибками Беннигсена, тогда как его собственные всегда оставались безнаказанными. А таких ошибок было немало.

Распыление Наполеоном сил армии, опасное выдвижение вперед отдельных корпусов, опрометчивые поступки под Эйлау и Гейльсбергом – все это не прошло бы Наполеону даром, будь на месте Беннигсена кто-нибудь из учеников Суворова. По мнению Дениса и многих других участников кампании, мирные переговоры оттого и казались позорными, что воевать с Наполеоном было не так уж страшно. Русские войска нуждались лишь в смене неспособных начальников. Но Александр об этом не хотел и думать. Он нашел себе нового советника – битого прусского генерала Пфуля, известного фанатической привязанностью к прусским доктринам. Чего хорошего можно ожидать, если Александр сам своими поступками унижает достоинство русских¹⁶.

Денису показались унижительными и подробности самой встречи императоров. На левом, высоком берегу реки выстроилась вся наполеоновская гвардия. Горели на солнце знамена. Гремела музыка. Тысячи жителей в праздничных одеждах заполнили улицы Тильзита. А на правом, луговом берегу стояло лишь два взвода кавалергардов и эскадрон прусских гусар. Кругом было пустынно и тихо. Александр полчаса сидел в жалкой корчме.

– Едет, ваше величество! – сказал наконец вбежавший в горницу один из дежуривших на берегу адъютантов.

Стараясь сохранить хладнокровие, Александр, сопровождаемый великим князем Константином Павловичем, Беннигсеном и несколькими другими лицами, медленно направился к ожидавшей его барке, около которой на коне топтался прусский король Фридрих, которого Наполеон не соизволил пригласить на свидание.

А на том берегу стоял сплошной гул восторженных приветствий. Окруженный маршалами и адъютантами, на рыжей арабской лошади скакал к реке Наполеон. Денис без труда разглядел его маленькую плотную фигуру в шляпе и гвардейском мундире, с лентой Почетного легиона через плечо. Денис видел, как потом, первым причалив к плоту, Наполеон легкими, быстрыми шагами пошел навстречу Александру и, протянув руку, помог сойти с барки. Затем они скрылись в павильоне.

В последующие дни, когда Александр перебрался в Тильзит, приезд в город русским военным строго запретили, однако Денис, как адъютант Багратиона, был там не раз. И вскоре первые черновые, но весьма красочные записи о том, как он видел в Тильзите Наполеона и его маршалов, уже лежали в походной сумке.

Ермолов, которому Денис прочитал эти записи, отозвался о них одобрительно и посоветовал:

– Следует, по-моему, и предшествующие Тильзиту события записать... Видел ты много... Пригодится под старость!

– Опасаюсь, если всю правду записывать, без мундира останешься скорее, чем старость подойдет, – пошутил Денис.

– Ну, ты же по этой части опыт имеешь, – в обычной своей иронической манере сказал Ермолов. – Чего не следует – не напишешь, что следует – прибавишь... как вся ваша братия делает...

– Для потомства достоверность событий нужна, почтеннейший брат.

– За потомков не беспокойся, разберутся!

¹⁶ В своих воспоминаниях о Тильзите подобных «крамольных» мыслей Д.В.Давыдов, разумеется, не высказывает. Но настроен он тогда был, несомненно, так. Академик Е.Тарле по этому поводу делает следующее справедливое замечание: «Денис Давыдов уже по цензурным условиям не мог в своих воспоминаниях передать, как не только он, но и большинство русского офицерства смотрело в тот день на Александра. Но мы и без Давыдова хорошо знаем это из многочисленных позднейших свидетельств. В русских военных кругах на Тильзитский мир сохранился взгляд, как на гораздо более постыдное событие, чем аустерлицкое или фридландское поражение. И в данном случае позднейшая либеральная дворянская молодежь сошлась в воззрениях с непосредственными участниками этих войн» (Е.Тарле, Наполеон. М., Госполитиздат, 1941 г.).

... Как-то раз, вечером, Денис с Евдокимом зашли к Раевскому. У него застали Ермолова, брата Александра Львовича и молоденького юнкера с темно-русыми выющимися волосами, ясными глазами и чуть-чуть вздернутым носом.

– Вот и Денис с Евдокимом, можешь познакомиться, – сказал юнкеру Раевский.

Тот сделал шаг к Денису, смущаясь, протянул руку:

– Василий Давыдов...

– Да разве братья так встречаются? – рассмеялся Раевский. – Эх, ты!..

Денис догадался, что перед ним двоюродный брат Василий Львович. Обнял, крепко расцеловал.

– Ты на Левушку нашего похож... Правда, Евдоким?

– Наш покурносей, – басом сказал Евдоким.

– А он тоже в армии? – спросил юнкер.

– Нет еще, но просится сюда, – ответил Денис. – Сегодня я получил из дома письмо.

– Вот и отлично! Пиши, чтоб приезжал, я устрою его у себя, – сказал Раевский и шутя продолжил: – Мы целый взвод из колена Давыдовых сформируем. Посчитайте-ка, сколько родственников собралось!

Базиль, как семейные называли юнкера, оказался на редкость начитанным, умным юношей. Он чем-то похож на своего старшего брата – Раевского, относившегося к нему с трогательной, отцовской нежностью. Базиль был ровным в отношениях со всеми, выказывал равнодушие к чинам и наградам, живо интересовался всеми военными и политическими делами. Он быстро подружился с Денисом, разделял его взгляды на унижительность тильзитских мирных переговоров, резко осуждал императора Александра.

Когда мир был подписан, Денис, несмотря на уговоры однополчан, соблазнявших шумными гвардейскими утехами, решил взять долгосрочный отпуск и уехать в Москву. Прощаясь с ним, Базиль спросил:

– Тебя в самом деле не прельщает служба в гвардии?

– Нет, я не отказываюсь от гвардейского мундира, – улыбаясь, ответил Денис – Но, признаюсь, предпочел бы иметь хотя бы небольшую команду в армейских войсках, нежели гарцевать на плацу... По мне, брат Василий, дым бивачных костров куда приятней аромата дворцовых палат. Душа простора просит, поэзии жарких схваток... Впрочем, тебе еще этого не понять!

– Почему же? Напротив... Я, кажется, хорошо тебя понимаю. – И юнкер дружески крепко пожал руку Денису.

VIII

Москва! Подъезжая к ней, Денис впервые особенно остро почувствовал, до чего же он привязан к этому огромному старинному городу, утопающему в зелени садов. И дело было не только в том, что здесь многое связывалось для него с милыми детскими воспоминаниями, что тихие, поросшие крапивой у заборов улицы и тенистые бульвары имели необъяснимую прелесть. Москва дорога и близка была историческими памятниками, особенностями своего несколько старомодного уклада. С детства увлекаясь русской историей, наделенный впечатлительностью и воображением, Денис всегда с каким-то волнением проходил мимо Кремля, и каждый раз в его голове возникали образные представления о далеком прошлом... Гремит ключами Иван Калита, направляясь в подвалы, где скапливаются первые богатства Московского княжества. Выезжает из кремлевских ворот во главе дружины молодой князь Димитрий Донской, поднявшийся на татар. Грозный Иван казнит непокорных бояр. Бьются с поляками ратники Пожарского. Бушуют перед дворцом буйные стрелы, и маленький Петр, сжав

кулачки, грозит им из окна... А сколько иных замечательных событий происходило в Москве! Для Дениса все это было живым источником, питавшим его горячую любовь к родине.

Петербург, всего сто лет назад ставший столицей империи, тоже многим привлекал Дениса, но там он чувствовал себя иначе... Любуясь великолепием столичной архитектуры, просторными проспектами и набережными, одевавшимися в гранит, он восхищался гением Петра и созидательной силой народа, воздвигнувшего на болоте чудесный город. Однако жить в Петербурге по доброй воле он никогда бы не согласился. Было что-то холодное и казенное в облике этого города, где люди вечно куда-то спешили с озабоченными, угрюмыми лицами. То ли дело Москва! Среднее и служилое дворянство, среди которого вращался Денис, жило здесь довольно беспечно, с душой нараспашку. Жизнь часами никто не измерял. Москвичи славились хлебосольством, доверчивостью и откровенностью, любили горячо поспорить, – словом, обладали теми качествами, которые так ценил Давыдов.

На этот раз приезд в Москву был для Дениса особенно приятен: он возвращался из действующей армии в чине штаб-ротмистра, в щегольской лейб-гусарской форме, с двумя крестами на шее и двумя на красном ментике, с золотой саблей «За храбрость». Это льстило его самолюбию и обещало большой успех в московском обществе.

Так оно и получилось. Сестра Сашенька, семнадцатилетняя тоненькая барышня с нежным румянцем на щеках, первой встретив брата у крыльца дома, пришла в неописуемый восторг:

– Ах, какой ты красавчик, Денис, милый! Просто прелесть! Подруги мне теперь покою не дадут, приставать будут, чтобы познакомила...

– Очень они нужны ему, – скептически заметил совсем уже взрослый по виду Левушка, осматривая с видом знатока боевые награды брата. – Я считал, что у тебя три креста... А этого совсем не знаю!

– Да подождите вы, дайте ему опомниться, – говорила Елена Евдокимовна, не сводя с сына влажных глаз, сияющих радостью и гордостью. – Мы, как письмо твое получили, каждый день от окон не отходили...

– А я чувствовала, что ты сегодня приедешь! – подхватила Сашенька. – Так утром маме и сказала... Правда, мама?

– Правда, правда... Ну, пойдемте в дом... Кабинет отцовский для тебя приготовили, – добавила она, обращаясь к Денису. – Хочешь не хочешь, а придется тебе, родной, хозяйством заняться... Я уже стареть стала...

Дни летели быстро. Незаметно прошло лето. Окруженный заботой и всеобщим вниманием, Денис чувствовал себя превосходно. Гостеприимные москвичи приветливо открыли для него двери своих домов. От приглашений не было отбою. Денис блистал остроумием, привлекал к себе общее внимание. Московские барыни, всегда имевшие большой запас невест, не спускали глаз с молодого офицера, хотя некоторые, наведя справки, быстро разочаровывались.

– За беспутное поведение, говорят, из Петербурга был выслан, – шептались они, – да и всяких проказ за ним много... Стихи неприличные пишет...

– Ну, да ведь гусары – они всегда отличаются... А состояние-то какое имеет?

– В том-то и беда, что гол как сокол... Покойный родитель, царство ему небесное, на картах все спустил, ничего, кроме долгов, не оставил...

– Ах, батюшки, жалость какая! А ведь собой-то недурен. И манеры благородные. Надо же было покойному так его обездолжить.

Семья на самом деле находилась в бедственном положении. Долги не уменьшались, а возрастали, достигнув ста тысяч. Оказалось, что отец, проигрывая значительные суммы, выдал несколько денежных обязательств, ранее семье неизвестных. Кредиторы из дружбы к Василию Денисовичу ко взысканию их не подавали. Но наследники кредиторов посмотрели на дело иначе. Один из них особенно настойчиво требовал немедленной уплаты трех тысяч, угрожая

судом. Денис с трудом упросил его подождать еще некоторое время. Можно будет продать псковскую деревушку матери, хотя это все равно общего положения не спасет.

Бородино, приносившее при Василии Денисовиче около четырех тысяч рублей годового дохода, после его смерти не давало и половины этой суммы. Мать вечно жаловалась на недостаток средств. А Сашенька уже невеста, надо о ней подумать! Денис поехал в Бородино наводить порядок.

* * *

Бородино находилось всецело под управлением бурмистра Липата, назначенного на эту должность еще Василием Денисовичем.

Липат по виду казался тихим и добродушным стариком. Небольшого роста, лысый, с ровно подстриженной бородкой и ласковыми глазами, он был единственным грамотным человеком в селе, не пил, не курил. А говорил таким мягким, вкрадчивым голосом, что заподозрить его в чем-нибудь дурном было просто невыносимо.

Несмотря на то что бурмистр денег доставлял все меньше, Елена Евдокимовна стояла за него горой.

– Липат изо всех сил старается, – пояснила она Денису, – да что поделаешь, если каждый год несчастья: то засуха, то еще что-нибудь... Совсем обеднели мужики...

– А может быть, Липат обманывает, маменька? – усомнился Денис.

– Что ты, что ты! Липат на себя такого греха не возьмет... Мужик честный, богомольный... Покойный отец недаром его любил!

И все же деятельность бурмистра внушала сомнения. Приехав в Бородино, где заканчивалась уборка хлебов, Денис прежде всего решил стороной справиться о Липате и, вспомнив про старого приятеля Никишку, ставшего после смерти деда Михея и отца полным хозяином, отправился к нему.

Знакомая, прежде чисто побеленная и опрятная, изба теперь выглядела убого, покосилась и почернела. Гнилая солома на крыше местами провалилась, обнажая стропила и зас-трехи; завалинка перед избой, где любил сживать дед Михей, развалилась; окна наполовину были забиты тряпьем. На месте снесенной кузницы образовался пустырь, поросший лопухами и бурьяном.

Внутри избы было еще неприглядней. Все здесь обветшало, закоптилось, покоробилось. А от спертого воздуха, пропитанного запахом навоза и кислых овчин, трудно было дышать.

Но более всего изменился сам Никифор. Высокий, узкоплечий, обросший рыжей бородой угрюмый крестьянин в длинной старой рубаше и домотканых штанах с крупными заплатками на коленях ничем не напоминал того смущенного и веселого мальчугана, какого помнил Денис.

Никифор сидел за столом, заканчивая обед, состоявший из кваса и картофеля. Жена его, Агафья, молодая баба с худым, утомленным лицом, кормила грудью ребенка. Другой малыш, полутора-двух лет, весь покрытый золотушной сыпью, возился на грязном полу. Бедность проглядывала отовсюду.

Увидев молодого барина, Никифор окинул его удивленным и беспокойным взглядом, поднялся, поздоровался, подставил табурет. Денис присел и, ощущая странную неловкость, спросил:

– Что произошло, Никифор? Отчего так плохо живешь?

– На все воля божья, Денис Васильевич, – покорно отозвался Никифор.

– Однако должны быть и другие причины... Покойный Савелий, помнится, находился на оброке, работал кузнецом, хозяйство у вас содержалось исправно... А теперь, я заметил, и кузницы нет... Сгорела, что ли?

– Продали...

– Зачем же? Разве ты не мог продолжать отцовского дела?

Никифор несколько секунд стоял молча, переминаясь с ноги на ногу, затем взглянул на Дениса и сказал:

– Оброк не под силу, Денис Васильевич... Бывало, из года в год по тридцать рублей оброчные платили, а Липат Иваныч вдвое положил... Где столько денег заработать! Ну и пришлось, стало быть, скотину сначала продать, а потом кузницу...

– Вот оно что! – удивился Денис, знавший, что об увеличении оброка дома и речи никогда не было. – А ведь я другое думал... Липат говорил, будто последние годы неурожайные были, поэтому и мужики обеднели...

– Нет, бога гневить нечего, земля-то по-старому родит, – сказал Никифор.

– Значит, только оброчным труднее жить стало?

– Всем несладко, – внезапно вмешалась в разговор Агафья. – Теперича и на барщину шесть ден в неделю гоняют... Не отдышишься!

– Почему же... шесть? – спросил Денис. – У нас, кажется, на барщину три дня назначают...

Агафью разговор, видимо, сильно взволновал. Она неровно, тяжело дышала. Русые волосы выбились из-под косынки. Миловидное утомленное лицо покрылось красными пятнами.

– Три дня на барщину да три на бурмистра, – сердито сказала она. – Вчера пошла свое просо жать, оно уже осыпаться стало, а бурмистр окорачивает: иди к нему хлеб молотить! И управы на него нет, творит, что захочет! Сам ровно барин живет, третью избу себе из господского леса ставит... Всех работой да поборами замучил!

Агафья сделала короткую паузу, облизнула тонкие обветренные губы, и вдруг из глаз ее брызнули слезы.

– Жить тяжко, барин! – воскликнула она. – День и ночь, словно овцы круговые, крутимся, а дитю малому чашки молока нет... И как нищету избыть – ума не дашь!

Драматизм этой сцены произвел на Дениса удручающее впечатление. Пообещав Никифору свою помощь, он пошел в усадьбу по сельской улице, провожаемый почтительными и настороженными взглядами бородинцев. Покрытые тесом и соломой избушки, казавшиеся прежде живописными, теперь наталкивали на грустные мысли. Наверное, в этих избушках немногим лучше, чем у Никифора... Но, привыкнув с детства считать незыблемым крепостной уклад жизни, Денис и не подумал о том, что именно этот уклад порождает ужасную нищету и бесправие крестьянства. Вся беда, по его мнению, заключалась лишь в том, что бурмистр злоупотреблял предоставленными ему правами, обременял мужиков работой на себя, допустил самовольное увеличение оброка, сделав это для того, чтобы присвоить установленную им надбавку. «Экий прохвост! – негодовал Денис. – Ну подожди, будет тебе расправа!..»

И когда Липат, низко кланяясь, сияя лысиной и всем своим видом выражая радость от свидания с молодым барином, предстал перед ним, Денис, без дальних слов, схватил бурмистра за бороду:

– Ты что же, мошенник, делаешь? Мужиков по миру пускаешь и своих господ обираешь? Всякие небылицы о засухе плетешь, чтоб господские деньги прикарманить, да еще и оброки для себя увеличиваешь... Я тебе покажу, как воровать! Душу вытрясу, каналья!

Липат с всклокоченной бородой выскользнул из рук разгневанного барина, повалился в ноги.

– Смилуйся, батюшка Денис Васильевич! Обнесли меня напраслиной злые люди... Я ли своих благодетелей обманывать буду?

– Что? Ты еще оправдываться вздумал? – прикрикнул Денис. – А третью избу из барского леса кто строит?

Липат, хорошо понимавший, что молодой барин явился за деньгами, полагал вначале отделаться от него пустяковой суммой. Теперь же, сообразив, что плутни его открыты и дело может кончиться отрешением от выгодной должности, вынужден был первоначальный свой план изменить.

– Верно, кормилец, взял я для своих построек дубочки из барского леса, – признался он, – да не тайно, а с дозволения маменьки вашей... А уж кто сказывал, будто засухи не было, того пусть господь накажет! – продолжал он медоточивым голосом. – Потому и оброк увеличил, милостивец мой, что два года сряду озимых недобираю... Легко ли, думаю, благодетелям моим убытки терпеть? Две тысячи рубликов, родимый, для вас же с оброчных собраны...

– Где же деньги? Я ничего про них не слышал, – недоумевая, сказал Денис, никак не ожидавший такого оборота.

– Недавно собрал-то их, кормилец... Все до копеечки целы, изволь хоть сейчас получить...

– Гм... А за нынешний год когда деньги будут?

– Да вот как с молотью управимся... Нынешний год, слава богу, озимые и яровые уродились и цены на хлеб держатся... Расчет имею не менее четырех тысяч вам представить...

– Ну, хорошо... Смотри же, чтоб впредь никаких недоимок и затяжек с деньгами не было... А то бородой в другой раз не отделаешься! Понял? – пригрозил Денис.

– Ох, да не гневи ты понапрасну свою душеньку... Я ли не пекусь о вас, я ли не стараюсь? – снова запел бурмистр. – Мужичишки иные, касатик, может, и недовольны, что в строгости их держу, да сам поразмысли, какова господам польза будет, ежели мужикам потакать?

Старый плут своего добился. Поразмыслив, Денис решил не смещать бурмистра. «Бесспорно, он мужик корыстный и вороватый, оброчные деньги явно хотел присвоить, – думал он, – зато хозяйство все-таки в порядке, и острастка, надо надеяться, впрок ему пойдет... Да и кем его заменить! Каждый на этой должности воровать станет... Липат третью избу ставит, так, пожалуй, ему больше и не нужно, а нового бурмистра назначишь – тот снова строиться начнет... Нет, пусть уж лучше этот сидит!»

Вопрос же об отношении с крестьянами оказался неразрешенным. Денис приказал бурмистру не отягощать крестьян лишними работами, велел выдать Никифору корову и отпустить лесу для кузницы, однако понимал, что от этого, в сущности, ничего не изменится. Картины крестьянской нищеты продолжали тягостно беспокоить воображение. Образ золотушного ребенка, ползавшего по грязному полу, не выходил из головы. И вырвавшийся из самой глубины души крик Агафьи долго звенел в ушах: «Жить тяжело, барин!»

Возвращаясь из Бородина, Денис не чувствовал себя спокойным и довольным... Но что же он мог еще сделать? Что?..

* * *

В Москве Денис возобновил свои литературные знакомства. Кружка Тургеневых уже не существовало. Андрей умер четыре года назад. Александр путешествовал за границей. Но Жуковский находился в Москве. Его благозвучные, немного меланхолические стихи давно чаровали читателей. Жуковский был признанным поэтом, стоял в центре московской литературной жизни, собирался редактировать «Вестник Европы».

Денис стал навещать Василия Андреевича, встречая с его стороны теплое, дружеское отношение. Однако Жуковский, одобрительно отозвавшись о некоторых гусарских стихах старого приятеля, в глубине души, видимо, не считал их зрелыми поэтическими произведениями.

– Как полагаешь, стоит их напечатать в журнале? – спросил однажды Денис.

Жуковский, уклоняясь от прямого ответа, сказал;

– Видишь ли, мне кажется, тебе следовало бы попробовать свои силы в более звучных и нежных, истинно поэтических произведениях...

Денис почувствовал, что Жуковский не совсем прав, давая такой совет. Элегические мотивы и сентиментальность, характерные для самого Жуковского, были чужды Денису, тяготившему к темам сатирическим и языку народному. Но спорить не стал. И на досуге занялся вольной обработкой элегии французского поэта Виже «Мои договоры». Этой новой своей работой Денис остался не очень доволен. Ему нравились лишь некоторые, обработанные в свойственной ему манере строки, посвященные театру, где он тогда частенько бывал:

... что видим мы в театрах? – Малый круг
Разумных критиков, а прочие – зеваки,
Глупцы, насмешники, невежды, забияки.
Открылся занавес: неистовый герой
Завоеет на стихах и в бешенстве жеманном
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным,
Иль, небу и земле отмищением грозя,
Пронзает грудь свою и, выпуча глаза,
Весь в клюквенном соку, кобенья, умирает...

В остальном стихотворение, по его мнению, было довольно посредственным. В свой первый сборник стихов Денис впоследствии его не включил. Но Жуковскому стихотворение понравилось. Он взял его для «Вестника Европы», где оно и появилось в следующем году. Похвалил Жуковский и небольшую оду «Мудрость», тоже вскоре опубликованную. Это были первые стихи Дениса, появившиеся в печати.

У Жуковского Денис познакомился с очень модным тогда московским поэтом – Василием Львовичем Пушкиным. Рыхлый толстяк на тонких ногах с кривым носом и щербатыми зубами, Василий Львович был автором многих переводов, эпиграмм, мадригалов; он проявлял иногда подлинное дарование сатирика.

Василий Львович бывал за границей и про свои заморские встречи рассказывал увлекательно. Европейскую литературу знал превосходно, декламировал Мольера и Шекспира, при этом подражал известному актеру-трагику Тальма, у которого в Париже брал уроки. Во всяком случае, среди москвичей Василий Львович слыл человеком просвещенным. К Денису он отнесся с большой любезностью. В оценке «гусарских» стихов с Жуковским резко разошелся.

– Имею честь состоять поклонником вашим, – забавно пришепetyвая и жестикулируя, сказал Василий Львович Денису. – И басни ваши читать приходилось и удалые послания Бурцову... Стих легкий, самобытный. Мысль острая. Каждая строка запоминается. Недаром со столь завидным успехом по всей России стихи ваши известность приобретают... Недавно шурин Карамзина, князь Петр Вяземский, юноша, подающий большие надежды, и критик весьма строгий, заявил мне, что слогом вашим живым постоянно восхищается...

Василий Львович принадлежал к самым преданным друзьям Николая Михайловича Карамзина, стремившегося приблизить русский литературный язык к живой разговорной речи. Это начинание встретило резкие нападки реакционной части дворянства. Тогда московские литераторы-карамзинисты начали упорную полемику с реакционерами, хотя сам Карамзин в этой полемике участия не принимал. Василий Львович, напротив, так и дышал боевым задором. Он ввел Дениса в литературные кружки, познакомил его с Карамзиным и Вяземским.

Часто вместе с Жуковским и Вяземским Денис бывал в гостях у Юрия Александровича Нелединского-Милецкого. Этот аристократ и придворный екатерининского времени, до конца жизни не расстававшийся с париком и косичкой, жил в роскошном доме близ Мясницкой.

Юрий Александрович любил водить дружбу с поэтами, сам написал несколько сентиментальных романсов и песен. Некоторые из них, например «Выйду ль я на реченьку», приобрели большую популярность.

Нелединский каждую неделю устраивал обеды для литераторов, большинство которых не скрывало своего сочувствия карамзинистам. Денис на сторону карамзинистов тоже встал безоговорочно, но длительные и бесконечные споры казались ему бесцельными и вскоре порядочно надоели. Зимой он стал посещать своих друзей все реже и реже. Другие события отвлекали его от литературных дел.

Евдоким, приехавший на святках из Петербурга, сообщил об усиленной концентрации русских войск на границах шведской Финляндии. Дипломатические отношения со Швецией с каждым днем портились все больше. В столице открыто говорили о неизбежности войны. В северной армии уже находились Багратион, Раевский, Кульнев.

Братья Давыдовы потихоньку строили планы на будущую кампанию, но мать решили не тревожить раньше времени. Денис, продолжавший числиться адъютантом Багратиона, имел твердое намерение просить у него команду в авангарде. Евдоким предполагал перевестись в войска Раевского. Левушке не терпелось попасть в армию больше других, но с ним-то как раз было трудней всего. Ему лишь недавно исполнилось пятнадцать лет. Вполне можно еще годок посидеть дома. Ведь его отъезд приведет мать в отчаяние, она так к нему привязана. Однако никакие уговоры старших братьев не действовали. А виноват во всем был Денис! Нужно же было рассказать Левушке, что двоюродный брат Василий, его одноклассник, надел юнкерский мундир. Теперь, конечно, мальчика разбирает зависть.

Однажды вечером в кабинете, где братья обычно собирались после ужина, Левушка, отвергнув все доводы старших, пригрозил, что, если они не помогут ему, он все равно убежит из дому и найдет способ пробраться в армию. Денис и Евдоким переглянулись. Чего доброго, а этого от горячего и взбалмошного Левушки ожидать можно. Лучше уж взять его с собой.

– Хорошо, я постараюсь устроить тебя у Николая Николаевича, – сказал брату Денис, – но сначала, сам знаешь, необходимо получить его согласие, оформить бумаги. Я обещаю немедленно уведомить тебя и выслать маршрут, как только переговорю с Раевским...

– А не обманешь? – недоверчиво покосился на брата Левушка.

– Раз договариваемся, следовательно, не обману. Можешь сам написать ходатайство на имя Раевского... А мы с Евдокимом, чтоб немного успокоить маму, будем писать из армии, что там сейчас большой опасности не предвидится.

– Если мне тоже удастся определиться к Раевскому, – заметил Евдоким, – маме не так страшно покажется и отпустить Левушку...

– Все равно, пока не будем говорить ей об этом, надо подготовить ее постепенно...

Но Елену Евдокимовну подготавливать не пришлось. Она стояла в дверях и все слышала. Сыновья не подумали о том, что мать, всю жизнь находившаяся в среде военных, давно свыклась с мыслью о неизбежности частых расставаний. К тому же она обладала достаточной твердостью, чтобы к отъезду Левушки отнестись иначе, чем предполагали сыновья. Мать понимала, что Левушку ничто не удержит дома. И поэтому, услышав сейчас, как старшие сыновья втайне от нее решают такой важный вопрос, не удержалась от горького упрека.

– Дети, дети! Разве можно это скрывать от матери? – сдерживая себя, со слезами на глазах сказала Елена Евдокимовна. – И неужели вы думали, будто я могу поверить, что на войне вам может быть безопасно? Нет, я знаю вас... Вы не из тех, кто предпочитает спокойствие и безопасность, когда дело касается чести и долга... И я не гневаюсь, а благодарю бога, что вы такие... Я благословляю всех вас... Вам никогда не нужно меня обманывать...

Сыновья смотрели на нее с нежностью и восхищением. Левушка первый бросился к ней на шею. А Денис, целуя руки матери, сказал за всех с чувством:

– Прости, мама. Мы не забудем этого... Тебе больше не придется упрекать нас!

IX

Тильзитский договор принудил Россию порвать отношения с Англией. Как военная союзница, эта держава, верная своей традиционной политике загребать жар чужими руками, не оказывала существенной помощи русским и этим вызывала лишь общие нарекания. Однако разрыв торговых отношений с Англией задевал интересы не только английских промышленников, но и русских помещиков, усиливал недовольство дворянской оппозиции политикой Александра.

Закрыв для английских кораблей свои гавани, Россия обязывалась принудить к тому же Швецию. Однако король Густав IV, хотя и приходился родственником Александру, продолжал оставаться всецело на стороне Англии. Густав получал щедрые английские субсидии и к тому же не верил в долговременность царствования Александра. Шведский посланник Штедтинг доносил королю из Петербурга:

«Вообще неудовольствие против императора более и более возрастает, и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать... Не только в частных беседах, но и в публичных собраниях толкуют о перемене правления».

Об этом же говорил королю и сэр Роберт Вильсон, захавший в Стокгольм по дороге в Англию, куда он спешил доставить собранные им шпионские сведения о состоянии русских войск¹⁷. Поэтому, заручившись согласием английского правительства о военной поддержке, Густав отклонил предложения Александра, допустил даже против него оскорбительные выходки. Разумеется, все это не могло еще служить причиной войны между Россией и Швецией. Но существовало другое, более важное, что вызывало тревогу. В Тильзите при разговоре с русским императором Наполеон заметил:

– Король шведский ваш зять и союзник, поэтому он должен либо следовать вашей политике, либо понести наказание за свое упрямство. Король ваш родственник, но он и ваш географический неприятель. Петербург слишком близок к финской границе. Пусть прекрасные жительницы Петербурга не слышат более из домов своих грома шведских пушек.

Это замечание нельзя было не признать справедливым. Границы шведской Финляндии проходили слишком близко от столицы. При воинственном настроении Густава, подстрекаемого Англией, серьезная опасность для России была всем очевидна.

9 февраля 1808 года русская армия под общим командованием генерала Буксгевдена тремя колоннами перешла границы шведской Финляндии и, не встретив сопротивления, заняла Гельсингфорс. Сам Буксгевден с частью войск начал осаду сильно укрепленной крепости Свеаборг. Дивизия Багратиона, быстро очистив южную часть Финляндии, заняла город Або, но тоже остановилась по приказу главнокомандующего.

А шведы под начальством генерала Клингспора отступали на север. Их преследовали малочисленные войска генералов Тучкова и Раевского, все более отрывавшиеся от своих главных сил. Общая картина военных действий внушала опасение, что кампания может затянуться на долгое время.

Денис, приехавший в Або, застал Багратиона на балу, который в честь русских давали жители города. В просторном, ярко освещенном зале румяные плотные финки танцевали с офицерами. Финские чиновники, бюргеры и профессора местного университета рассыпались перед гостями в любезностях.

¹⁷ Пользуясь полным доверием Беннигсена, сэр Роберт Вильсон занимался шпионажем почти открыто. «Во время свидания двух императоров в Тильзите он собрал некоторые нужные для английского правительства сведения, для чего даже переодевался казаком; и потом он первый привез из Петербурга в Стокгольм и в Лондон известие о намерении России вторгнуться в Финляндию и разорвать мир с Англией» («Русский вестник», 1862 г., кн. I, «Записки сэра Роберта Вильсона»).

– Можете верить, князь, финны не питают никакой вражды к русским, – говорил Багратиону седой профессор. – Мы сознаем, что протекторат могущественной державы для нас более выгоден, нежели подчинение слабому, живущему на английских субсидиях, вечно изменчивому правительству короля шведского...

Багратион держался, как всегда, с достоинством. Отвечал финнам вежливо. Хвалил их трудолюбие и порядок. Но, возвратившись на свою квартиру, дал волю кипевшему в нем раздражению:

– Вчера танцевали, сегодня танцуем, завтра... Помилуйте, как весело! Может быть, оно и нужно финнов развлекать, да я не дипломат, а солдат! Шведы на севере силы стягивают, а мы неизвестно когда и двинемся... Генерал Буксгевден голову потерял. В главной квартире споры идут, что далее предпринимать. Говорил, слушать не хотят! Тактики! А наши части передовые за пятьсот верст отсюда. Этак до беды далеко ли? Раевский, слышно, уже в Вазе стоит, отлично, браво! Да кто ему помощь подаст, ежели Клингспор на него всеми силами обрушится? Вот какие обстоятельства, душа моя, – обратился князь к Денису. – Танцы-то в голову не идут, когда воевать нужно... Обидно, горько!

Денис, знавший уже, что в войсках Раевского авангардом командует Кульнев, решил разговор с князем не откладывать.

– Осмелюсь просить, ваше сиятельство, предоставить мне случай усовершенствовать себя в познании аванпостной службы...

– Что? Танцевать с нами неохота? К Раевскому собрался? – догадался Багратион.

– Признаюсь, более желаю под командой полковника Кульнева находиться...

– А! Ну что ж! Кульнев командир отличный. Желание твое похвально. Придется отпустить! – Багратион ласково поглядел на Дениса и, чуть помедлив, продолжил: – Только имей в виду, голубчик, положение там, как я говорил, сугубой осторожности требует. Николай Николаевич, знаю, напрасно рисковать не станет, а Кульнева иной раз поостеречь следует. Суворовские слова забвению предает. Помнишь, что Суворов-то австрийскому генералу говорил?

– Помню, ваше сиятельство. «Вперед – мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь».

Багратион улыбнулся:

– Верно. И сам никогда того не забывай! Слова золотые.

Через два дня финские длинные сани мчали Дениса на север. Дорога была пустынна. Заснеженные озера, дремучие леса, суровые скалы, редкие деревушки... Бесприютный, угрюмый край!

Стремясь поскорее попасть к Раевскому и Кульневу, Денис попутчиков дожидаться не стал, поехал один. И мог убедиться, что абоский профессор говорил правду. Финны к русским никакой вражды не питали. Встречали радушно, помогали чем могли.

Однако Раевский, продолжавший стоять со своими войсками в Вазе, узнав, что Денис прибыл один, без охраны, укоризненно покачал головой:

– Слава богу, что обошлось благополучно, а впредь подобного не повторяй. Всякое может случиться! На днях в одной деревушке мы захватили двух молодцов, подстрекавших местное население против русских... И что бы ты думал? Мерзавцы оказались шведскими офицерами, работавшими по английским указаниям. Их расстреляли, а случай заставляет подумать. Очевидно, неприятельские агенты, пользуясь беспечностью нашей главной квартиры, работают и в других местах...

Мнение Багратиона об опасном положении войск, столь удаленных от главных сил армии, Раевский вполне разделял:

– Князь Петр Иванович прав. История скверная! Клингспору близ Улеборга удалось собрать свыше десяти тысяч шведов, а у нас и четырех нет. Да что поделаешь! Главнокомандующего известили, а он и ухом не ведет. Подкреплений не присылает. Отступать без приказа

не имеем права. Вот уж истинно, стоим у самого моря, ждем погоды! А когда погода будет – аллах ведает!

Денис пробыл у Раевского один день. Брата Евдокима еще не было. Базиля Давыдова тоже. Левушку взять к себе Раевский, разумеется, согласился, но посоветовал на некоторое время приезд отложить. Наступала весна. Вскрытие многочисленных озер и речек обещало полное и долгое бездорожье. Да и как еще сложатся здесь дела? Опасно брать мальчишку.

Денис написал Левушке лишь про бездорожье. Об опасностях умолчал. По себе знал, что эта причина тому, кто ищет боевых приключений, покажется жалкой, пустой отговоркой. Сам спешил туда, где могли ожидать одни опасности.

... Авангард Кульнева занимал местечко Гамле-Карлеби, на берегу Ботнического залива, верстах в ста с лишним севернее Вазы. Авангард состоял из трех батальонов егерей, двух эскадронов гродненских гусар, нескольких казачьих сотен и шести пушек.

Яков Петрович Кульнев, проявлявший иногда излишнюю горячность, на что намекал Багратион, обладал всеми другими качествами хорошего авангардного начальника. Он бдительно следил за каждым шагом неприятеля. Полного отдыха не знал ни днем ни ночью. Ложась соснуть, верхней одежды не снимал, саблю клал под изголовье. Каждый начальник разъезда, возвращавшийся ночью, обязывался будить его, докладывать, что видел. И если было нужно, Кульнев сейчас же мчался на переднюю цепь, лично удостоверяться, что произошло, и только тогда решал: поднимать авангард или часть его или тревога стоит того, чтобы поставить под ружье весь корпус.

– Я не сплю и не отдыхаю, чтоб армия спала и отдыхала, – говорил Яков Петрович.

При остановках он непрерывно упражнял войска в меткой стрельбе, обучал разным хитростям, приучал к бережному расходованию снарядов и патронов. Чтобы повысить стойкость пехоты, состоявшей из молодых рекрутов, Кульнев строго запрещал солдатам во время боя бегать за патронами в парк, как тогда было принято, а наряжал особые команды, снабжавшие на месте нуждавшихся в патронах стрелков. Впервые в кульневских отрядах стал применяться новый способ усиливать цепи застрельщиков не с тыла, а с флангов, чем достигалась большая маневренность цепи.

Неумолимо строгий ко всем, кто нарушал дисциплину или проявлял недостаточную стойкость, Кульнев вместе с тем требовал от командиров справедливого и человеческого отношения к солдатам, заботился об их довольствии. Он приказывал в батальонах и эскадронах «ежедневно записывать, что солдаты ели и какова роду было варево», сам определял качество пищи, следил за опрятностью в одежде воинов.

– Солдат должен быть чист телом, совестью и честью, – поучал он командиров.

Денис, старая приязнь которого к Кульневу превратилась в самую задушевную дружбу, получил возможность не только совершенствовать себя в аванпостной службе, но и широко проявлять собственную инициативу в боевых делах. Он стал правой рукой Кульнева, исполнял часто самые смелые и опасные поручения.

Одной из первых самостоятельных операций был набег на остров Карлое, проведенный в апреле 1808 года. Остров, расположенный против Улеборга, верстах в двенадцати от него, являлся местом высадки шведских десантов и продовольственной базой, снабжавшей армию Клингспора. Нечего говорить, какое значение имело уничтожение на острове продовольственных магазинов.

Взяв под команду эскадрон гродненских гусар и полторы сотни казаков, пройдя темной ночью около тридцати верст по льду залива, Денис на рассвете приблизился к острову и внезапным ударом овладел им. Солдаты гарнизона и фуражиры были частью истреблены, частью захвачены в плен. Через несколько минут пламя охватило магазины и постройки.

Начальник неприятельского авангарда, стоявшего на берегу, близ деревни Кирикандо, узнав о происшествии, послал на Карлое свою кавалерию, но было поздно. На острове, где

догорали последние службы, шведы никого не обнаружили. А себе этой экспедицией повредили.

Исполнив поручение, Денис обязан был возвратиться назад. Однако, когда высланные вперед казачьи пикеты донесли о движении к острову неприятельской кавалерии, он решил изменить план действий. Пользуясь туманной погодой, гусары и казаки обошли остров, вышли на берег и, зайдя в тыл пехоте неприятельского авангарда, оставшейся без кавалерии, принудили ее поспешно и с большим уроном отступить почти на двадцать верст к деревне Люмиоки.

Кульнев, не получивший от Дениса никаких известий, сильно встревожился. Разъезды, посланные к острову, еще днем донесли о пожарах, следовательно, можно было полагать, что набег произведен удачно, но... куда же исчез отряд?

Когда наконец ночью, довольный и веселый, Денис возвратился и доложил о причинах задержки, Кульнев строго заметил:

– Вам было приказано не ввязываться в бой с неприятелем. Кто разрешил нарушить приказ?

– Начальник авангарда полковник Кульнев, – четко отпартовал Денис.

– Ты что это? Шутить изволишь?

– Никак нет. Ваши слова, Яков Петрович.

– Какие... мои слова?

– К ретирade всегда время есть, а к победе редко! – улыбаясь, произнес Денис одну из самых любимых кульневских фраз.

Яков Петрович не выдержал. При всех обнял и крепко расцеловал своего помощника.

Когда же они остались вдвоем, сказал:

– Хвалю за сметливость, хорошим командирам никогда рук не связываю, а все же всей вины с тебя, Денис Васильевич, не снимаю...

– За что же, Яков Петрович?

– Нужно было меня все-таки в известность поставить.

– В этом виноват. Сознаюсь. Слишком торопился, догадки не хватило.

– Смотри! В следующий раз не спущу. Дружба дружбой, а служба службой.

... Под хмурым северным небом среди вековых лесов и скал Денис вдоволь наслаждался той полной для него очарования жизнью, о которой давно мечтал. Он принимал участие во всех боевых действиях авангарда, пользовался общим уважением офицеров, а в минуты отдыха у пылающего костра мог предаваться поэтическим размышлениям.

Денис, хотя и не часто брался за перо, продолжал оставаться поэтом. Суровая обстановка, ежедневные опасные столкновения с неприятелем, полная тревог и лишений жизнь воспринимались им романтически. Мир его чувств был окрашен поэзией.

Однажды разговор зашел о литературе, и кто-то из офицеров заметил:

– По-моему, господа, стихотворцам и сочинителям прежде всего нужны покой и тишина... чтоб никаких хлопот и волнений...

Денис горячо возразил:

– Нет, брат, в таких условиях скорее сопьешься, чем что-нибудь сочинишь... В безмятежной и блаженной жизни поэзии нет! Надо, чтобы что-то ворочало душу и жгло воображение!

Никому в том не признаваясь, Денис много думал о форме и языке поэтических произведений. Смело вводя в свои гусарские стихи простонародные слова, он знал, что такой язык не по вкусу ни литературным староверам, ни карамзинистам. Но отказываться от создаваемого им оригинального и самобытного слога, заставлявшего морщиться строгих блюстителей литературных канонов, Денис не собирался.

Гусарские стихи его привлекали широкие круги читателей и пользовались куда большим успехом, чем парадные, лишенные жизненной непринужденности, одические произведения.

«Право, будет забавно, – подумал Денис, – если напишу оду о действиях Кульнева. Наверное, получится пародия!» Мысль пришлась по душе. И вскоре написанная шуточки ради ода, в самом деле напоминавшая пародию, была готова и торжественно прочтена Якову Петровичу:

Поведай подвиги усатого героя,
О, Муза, расскажи, как Кульнев воевал.
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед...

Послание было большое. И Кульнев остался доволен. Только поэтических вольностей он не признавал, попросил строку о колпаке выбросить. В минуты отдыха, верно, любил Яков Петрович почудачить: и финский колпак носил, и еврейскую ермолку, и даже подаренный Денисом табачный кисет из зеленого сафьяна к головному убору приспособил. Но перед войсками в таком виде никогда не появлялся.

Впрочем, для стихов, отдыха и шуток времени оставалось все меньше и меньше.

Х

Летом шведская армия, вдвое превосходившая силами корпус Раевского, начала наступление. Шведы были превосходно вооружены, опирались на содействие отрядов, составленных из финнов. Английским агентам все-таки удалось возбудить часть населения против русских. Раевский вынужден был с боями отступить на юг.

Однако генерал Каменский, принявший вскоре начальство над северными войсками, собрал части в окрестностях Таммерфорса и, получив подкрепление, в августе начал контрнаступление. Разбив шведов при Сальми, Куортане и Оровайсе, русские вновь заняли местечко Гамле-Карлеби, куда вслед за тем переехала главная квартира. Букстевдена на посту главнокомандующего сменил не менее бездарный генерал Кнорринг.

Вскоре русские войска вошли в Улеаборг. Северная Финляндия была завоевана. Но король Густав заключать мир не собирался. С помощью Англии он готовил новую, большую армию. Тогда решено было перевести зимой русские войска через Ботнический залив, на шведскую землю. Эту смелую экспедицию поручили осуществить лучшим генералам русской армии Барклаю де Толли и Багратиону. Корпус Барклая, сосредоточенный в районе города Вазы, должен был, перейдя залив, действовать на севере Швеции. Корпус Багратиона, расположенный в Або, обязан был, заняв Аландские острова, выйти на Стокгольмскую дорогу, близ самой шведской столицы.

Кульнев, произведенный в генерал-майоры, был назначен командиром авангарда багратионовских войск, начавших поход в конце февраля 1809 года. Путь на Аландские острова сопряжен был с большими трудностями. Уже чувствовалось дыхание ранней весны. При южном ветре и малейшей оттепели лед на широких проливах, разделявших острова, покрывался водой. Внезапные и частые бури, взламывая лед, создавали бесчисленные полыньи и трещины. Гибель угрожала при каждом неверном шаге. А на островах находилось около десяти тысяч шведских воинов и вооруженных жителей под командой генерала Дебельна, приготовившегося к обороне.

1 марта пятнадцатитысячный багратионовский корпус при двадцати двух орудиях, сопровождаемый большим обозом, занял остров Кумлинг. На других островах авангардные войска продолжали вести кровопролитные бои. Неотлучно состоявший при Кульневе Денис, командуя казачьей сотней, первым ворвался на остров Бено. Шведы, засевшие в небольшой

деревушке, встретили сильным ружейным огнем. Денис спешил казаков, они по-пластунски подползли к деревне и после жаркой рукопашной схватки овладели ею. На острове Сигнальшере, где шведы оборонялись особенно упорно, Денис с тридцатью казаками отбил два неприятельских орудия. Быстрота и решительность авангардных войск способствовали тому, что за пять дней все острова от шведов очистили. Было взято две тысячи пленных, сорок орудий, свыше десяти тысяч новых английских ружей.

6 марта, под вечер, князь Багратион приехал на остров Сигнальшер, где возле разрушенной мельницы расположились на отдых авангардные части Кульнева. Поблагодарив войска за храбрость, Багратион, отведя в сторону Кульнева, сказал:

– Я поручаю тебе отважное предприятие, Яков Петрович. Надо испытать дорогу на шведский берег и разведать там неприятельские силы. Случай небывалый. Господа шведы не единойжды у нас гостили, давно пора визит отдать!

– Благодарю за оказанную честь, ваше сиятельство, – взволнованно проговорил Кульнев. – Клянусь, доверие ваше оправдано будет. Для славы России я не пощажу живота моего!

– Верю, верю, душа моя... Потому и надеюсь на Кульнева, как на самого себя!

Часа через три, собрав назначенный в поход отряд, состоявший из трех эскадронов гродненских гусар и пяти отборных казачьих сотен, Кульнев объявил приказ:

«Бог с нами! Я пред вами, князь Багратион за нами! В два часа пополудни собраться у мельницы. Поход до шведских берегов венчает все труды ваши. Честь и слава бессмертная! Иметь с собою по две чарки водки на человека, кусок мяса и хлеба и по два гарнца овса... Отдыхайте, товарищи!»

Офицеры собрались у Кульнева, в мельничной постройке, тускло освещаемой свечным огарком. Спать никому не хотелось. Все находились в приподнятом настроении, понимая важность предстоящего. Денис волновался, пожалуй, более других. Он чувствовал историческое значение предстоящего похода. Швеция! Сколько раз оттуда спускались на русскую землю орды завоевателей! Шведы воевали еще с новгородскими дружинами, ратниками Ивана Грозного, войсками Петра. Они воевали всегда на русской земле, считая свою суровую, окруженную морями страну недоступной для вторжения. И вот наступает час возмездия!

Ровно в два часа ночи при небольшом морозе и попутном ветре отряд начал ледовый поход. Денис на сильной казацкой лошади ехал рядом с Кульневым. Шведы, бежавшие с Аландских островов, оставили на дороге заметный след – обломки повозок, ружья, патроны. Кое-где путь преграждали ледяные глыбы и занесенные снегом полыньи, их приходилось обходить с величайшей осторожностью.

Когда стало совсем светло, Денис отпросился в передние казацкие разъезды. Не терпелось первому увидеть шведский берег!

Наконец этот момент настал... В тумане, стоявшем над морем, все явственнее обозначались очертания деревьев и скал.

Повернув коня, Денис поскакал назад.

– Швеция! Швеция! – размахивая шапкой, кричал он, подъезжая к гусарам, впереди которых находился Кульнев.

Дружное, мощное «ура» потрясло воздух. Кульнев, сняв шапку, перекрестился, потом, расправив пышные усы, привстал на стременах, повернулся к гусарам и скомандовал:

– С богом, ребята! Вперед! Рысью марш!

Шведская пехота, расположенная у берега, открыла стрельбу. Нельзя было терять ни одной минуты. Кульнев с гусарами атаковал неприятеля с ходу. Денис, взяв под команду две казачьи сотни, обошел шведов с правой стороны и ударил с тыла. Не выдержав молодецкой атаки, враг, беспорядочно отстреливаясь, отступил, оставив на льду много убитых и раненых. Восемьдесят солдат сдались в плен.

Гусары и казаки приблизились к берегу. Шведы, засев в небольшой роще, встретили их жестоким огнем. Кульнев приказал казакам спешиться. После двухчасового боя шведов из рощи выбили, отбросив на Стокгольмскую дорогу.

Вскоре первый значительный населенный пункт шведов, местечко Гриссельгам, оказался в руках русских. Став прочно на шведской земле, Кульнев тотчас же известил Багратиона:

«Благодарение богу, честь и слава российского воинства на берегах Швеции. Я с войском в Гриссельгаме».

Появление русских в ста верстах от Стокгольма вызвало невообразимую панику в шведской столице. Толпы жителей стали уходить в глубь страны, запрудив все дороги. Прекратили работу многие заводы и фабрики. Пошатнулась дисциплина в войсках. Три полка шведской пехоты, подойдя к Гриссельгаму, несмотря на численное превосходство, не посмели даже завязать бой с кавалерией Кульнева. Паника в Стокгольме увеличилась еще больше, когда пришло известие, что через два дня после занятия отрядом Кульнева Гриссельгама на севере перешли Ботнический залив войска Барклая.

Однако развивать военные действия на шведской земле не пришлось. Шведы добились перемирия, затем начались длительные переговоры о мире. Войска Барклая возвратились в Вазу. Корпус Багратиона, оставив небольшой гарнизон на Аландских островах, снова расположился в Або.

... Пробыв больше года в авангардных войсках, Денис теперь по праву считал себя боевым, опытным командиром. Службой у Кульнева он был доволен. Но выявилось одно обстоятельство, весьма чувствительно его задевавшее и наводившее на печальные размышления. Все генералы и офицеры, принимавшие участие в военных действиях, получили щедрые награды. Дениса обошли совершенно, хотя, как он сам понимал, его боевые заслуги в эту войну были несравненно большими, чем в прошлую кампанию. В формулярном списке помимо экспедиции на остров Карлоэ значились славные дела под Брагештадтом, Лаппо, Куортани, Сальми, Перхо, Оровайсом, Гамле-Карлеби, бои на Аландских островах и под Гриссельгамом. Может быть, его забыли случайно? Нет, он знал, что Раевский и Кульнев представляли его к наградам неоднократно. Наконец, сам Багратион особым рапортом в военную коллегию просил о награждении Давыдова георгиевским крестом. Но все эти ходатайства не были удовлетворены. Значит, дело было в том, что кто-то из высоких особ умышленно не желал отмечать его. И Денис догадывался, что этим недоброжелателем был сам злопамятный император. Однако почему же тогда Александр столь милостиво и благосклонно отнесся к нему в прошлую кампанию?

Ответ на этот вопрос тоже вскоре был найден. Возвратившись опять к своим адъютантским обязанностям у Багратиона и пользуясь свободным временем, Денис поехал в Петербург провести Александра Михайловича Каховского и Четвертинского. Каховский, которого не видел два с половиной года, доживал последние дни. К обычным ревматическим болезням Александра Михайловича прибавилась язва желудка, он сильно изменился, похудел, пожелтел, сделался угрюмым и крайне раздражительным. Но посещение Дениса его обрадовало, приободрило. Каховский с большим интересом слушал живые рассказы двоюродного брата о прусской и финской кампаниях, о мужестве русских войск и бездарности тупых немецких генералов.

— Согласись, любезный Денис, что я во многом оказался прав, — заметил Каховский. — Пристрастие государя к «бештимтзагерам» слишком очевидно. И в этом, по-моему, главное зло. Русские главнокомандующие из немцев, все эти Беннигсены, Буксгевдены, Кнорринги, сковывают силы и дух нашей армии. Я не сомневаюсь, что сама жизнь в конце концов заставит отказаться от услуг пруссаков с их гибельными военными доктринами, и наша русская суворовская наука восторжествует, однако сколько еще препятствий впереди! Сейчас всем здравомыслящим людям ясно, что Михаила Илларионовича Кутузов, Багратион или даже Раевский

во всех отношениях превосходят этих Беннигсенов и Кноррингов, а попробуй втолковать это государю и близким к нему особам, коими все русское почитается ниже иноземного... Большие потрясения нужны, чтобы отказаться от древней сей косности!

– Я согласен приложить руку под любым вашим словом, почтеннейший брат, – сказал Денис. – И, думаю, не только я... Большая часть офицеров русской армии присоединится к мнению вашему!

– Да, вот одно, что меня радует! – сказал, оживляясь, Каховский – Тильзитский позорный мир хотя тем пользу оказал, что всюду дух осуждения против бессмысленных действий возбудил... Недавно заходил ко мне проститься перед отъездом князь Борис Антонович...

– Как? Четвертинский куда-то уехал? – удивился Денис.

– Ну да... Решил поселиться в Москве, собирается, кажется, жениться на княжне Гагаариной... Ты разве не знал?

– Нет... Я слышал его прожекты, но полагал, что он еще в гвардии...

– Вышел в отставку. И я его понимаю, – вздохнув, произнес Каховский. – Связь сестры с государем создала для него ложное положение в свете. Особенно сейчас, после Тильзита. Четвертинский совершенно откровенно говорил, как в гвардии недовольны политикой государя, рассказывал, будто гвардейские караулы не раз обнаруживали даже подметные письма на имя государя, в коих намекается на возможность нового дворцового заговора... Представляешь, до чего дошло!

– Да... Положение Марии Антоновны тоже не завидно. Мне, признаюсь, ее немного жалко. И Борис, стало быть, окончательно с ней порвал?

– Как будто... По крайней мере говорил, что не посещает ее больше года, хотя она неоднократно присылала за ним и постоянно обижается... А ты как с ней?

– У Нарышкиных я совсем не бываю, – ответил Денис. – После того как Борис сообщил о своем отношении к этой связи, право, показываться там без него как-то неудобно...

– Гм... А не опасешься? – неожиданно спросил Каховский.

– Простите, не совсем понимаю, – отозвался Денис, недоумевая. – Чего же мне опасаться?

– А ты рассуди, – сказал Каховский, – как Мария Антоновна твоё отсутствие истолковать может? Брат считает предосудительным её связь с государем и отказывается посещать сестру. Это их семейное дело. А ежели товарищ брата прекращает визиты – это расценивается иначе. И женщины таких вещей не прощают!

У Дениса от этих доводов мурашки по телу побежали. Возразил неуверенно:

– Не могу грешить на Марию Антоновну... Она женщина сердечная, добрая...

Но логика Каховского была беспощадна:

– Допустим даже, что сама Мария Антоновна ничего во вред тебе не сделает... Что же из того? Ведь государю достаточно знать, что ты не состоишь под её покровительством, чтоб при любом случае припомнить грехи твоей молодости.

Денис вынужден был признаться, что, по всей вероятности, дело и обстоит именно таким образом. Оставление без наград за последнюю кампанию ничем иным не объяснишь.

Каховский посоветовал на рожон не лезть, а к Марии Антоновне обязательно зайти, извиниться. Денис согласился. Марию Антоновну он обижать в самом деле не думал, получилось все как-то случайно. И оправдать себя перед ней не представляло особой трудности. Война, отпуск... Правда, он мог и должен был навестить её, когда заезжал в Петербург из Тильзита, или в прошлом году, когда, проездом в Финляндию, почти неделю вместе с Борисом предавался светским развлечениям в столице. Но это тоже можно чем-нибудь объяснить.

И все же, дойдя до великолепного, залитого огнями нарышкинского дворца, Денис в нерешительности остановился. Еще три года назад, впервые узнав о том, что Мария Антоновна состоит в связи с императором, Денис ощутил какую-то унижительность для себя в её покровительстве. Тяжелые условия жизни вынудили его, неопытного в житейских делах, прибегнуть

к ее помощи, хотя где-то в глубине души он продолжал чувствовать, как эта помощь тяготит его. Возможно, поэтому, когда Четвертинский сказал о своем разрыве с сестрой, Денис безотчетно, не имея намерения обижать Марию Антоновну, стал уклоняться от визитов к ней.

Сегодня, после разговора с Каховским, стало ясно, что заслуженные в прусскую кампанию личной храбростью и мужеством награды все-таки не были бы получены, если б он не находился в то время под покровительством Марии Антоновны. Эта новая мысль смущала больше всего. Денис испытывал какое-то двойственное, сложное чувство. С одной стороны, визит к Марии Антоновне казался необходимым не только потому, что это помогло бы предупредить дальнейшие неприятности по службе, но и потому, что этим Денис исправил бы собственную, как ему казалось, нетактичность, допущенную по отношению к Марии Антоновне. С другой стороны, визит означал бы в глазах всех, что он, теперь уже боевой и опытный офицер, сознательно ищет покровительства у фаворитки императора. Было над чем подумать!

Самые противоречивые мысли волновали Дениса: и не хотелось быть неблагодарным, давать Марии Антоновне повод к упрекам, и гордость возмущалась... Правда, в дворянской среде того времени связи имели весьма существенное значение. Тысячи военных и чиновников широко пользовались покровительством высоких особ, делали служебную карьеру благодаря связям. Но были и другие примеры. Самый блестящий из них подавал Суворов, не имевший покровителей, достигнувший высшего воинского звания личными заслугами. А жизнь Суворова для Дениса, как и для всех офицеров, следовавших заветам великого полководца, являлась наилучшим образцом поведения военного человека. Денис думал о честном служении своему отечеству. Он стремился к славе. Однако отвергал окольные дороги. Он был сильно уязвлен тем, что не получил заслуженных наград за финскую кампанию, и, безусловно, не желал, чтобы над ним издевались подобным образом и впредь, но избежать этого путем какой-то сделки с совестью, уронить в собственных глазах цену своих заслуг было невыносимо тяжело и оскорбительно...

Денис отказался от визита к Марии Антоновне, сознавая, что теперь уже навсегда останется без всякого покровительства, а впереди трудная дорога и столько разных шипов...

... В Або, к Багратиону, Денис возвратился в подавленном настроении. А здесь ожидала новая неприятность. Пока тянулись мирные переговоры, на крайнем севере Швеции еще продолжались военные действия. Там, в войсках Раевского, служили Евдоким и Левушка. И теперь, собираясь переводиться обратно в гвардию, Евдоким писал, что оставлять Левушку без призора совершенно нельзя. Приехав в армию еще летом и наотрез отказавшись служить в ординарцах у Раевского, Левушка поступил юнкером в 26-й егерский полк. И при каждом боевом столкновении с противником очертя голову лез под огонь. Он был уже ранен, а однажды самым глупейшим образом чуть-чуть не попал в плен.

Осуждать младшего брата строго Денис не мог – сам такой же был! А все-таки надо было что-то предпринять. Решил посоветоваться с Кульневым. Зайдя к нему, он застал Якова Петровича в самом превосходном расположении духа.

– Ну, голубчик Денис, похоже, опять скоро драться придется...

– С кем же, Яков Петрович?

– С турками. Слух есть, будто войска отсюда переводят в Молдавию, – ответил Кульнев, подкручивая свои пышные усы. – А ты что невесел, нос повесил? – обратился он к Денису.

– С младшим братом не знаю, что делать, Яков Петрович... Беда!

И Денис тут же поведал о «подвигах» Левушки. Кульнев, не задумываясь, предложил:

– Переводи его ко мне под команду. Полагаю, ежели в Молдавию пойдем, ты по-прежнему со мною бранные труды делить будешь? А вместе за сорванцом твоим как-нибудь уследим!

Через некоторое время Левушка, соблазненный громкой славой Кульнева, находился уже в его отряде.

Слухи о переводе войск подтвердились. Летом Багратиона назначили главнокомандующим Молдавской армии. Денис отправился с ним. Войска, выделенные в эту армию, в том числе отряд Кульнева, тоже вскоре двинулись на юг.

XI

Дорога в Молдавию пролежала недалеко от Каменки, и Денис, отпросившись на пять дней у Багратиона, заехал проведать родственников. Денису было известно, что в Каменке живет недавно вышедший в отставку двоюродный брат Александр Львович с молодой женой Аглаей Антоновой, урожденной герцогиней де Граммон. В Каменке должен был находиться Базиль, а возможно, заехал и Раевский, тоже переводившийся в Молдавскую армию.

Было раннее июльское утро. В господском доме еще не вставали. Но в многочисленных службах уже началось движение. Повара и поварята месили тесто, рубили мясо. Лакеи, денщики и горничные занимались подготовкой господской одежды и обуви. Конюхи выводили, скребли и чистили лошадей.

Двор был заполнен экипажами, почти все флигели заняты приезжими помещиками и военными, находившими радушный прием у богатых хозяев. Старый благообразный камердинер Никифор, распоряжавшийся приемом и устройством гостей, кратко сообщил Денису все местные новости. С приездом молодой хозяйки Аглаи Антоновны, имевшей уже двоих детей, в доме начались непрерывные празднества. Гости нынче не переводятся, особенно часто посещают офицеры из резервных войск, стоящих близ Киева. Старая барыня Екатерина Николаевна с невесткой очень любезная, а Софья Алексеевна Раевская, жившая здесь с детьми всю зиму, с француженкой как будто не поладила и уехала в свое имение Болтышку. В комнатах, занимаемых Раевскими, поселилась теперь Софья Львовна. Третьего дня прибыл муж ее, генерал Бороздин, вчера – граф Александр Николаевич Самойлов. А молодого барина, Василия Львовича, ожидают со дня на день...

Приведя себя в порядок, Денис заглянул в библиотеку, взял попавшийся на глаза томик с одами Горация и отправился в сад.

Погода стояла чудесная. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву деревьев, ложились тонкими полосами на посыпанные желтым песком дорожки. Газоны были влажны от росы. Цветы на клумбах благоухали. Где-то в конце сада звонко перекликались иволги. Денис с наслаждением уселся в плетеное кресло под тенью старых каштанов, раскрыл книгу, но бессонная ночь, проведенная в дороге, давала себя знать, он задремал... И вдруг, смутно различив какие-то легкие шаги и хруст песка, очнулся... Перед ним, словно чудесное видение, стояла грациозная женщина в легком белом платье с розовым пояском. Все показалось в ней пленительным. И взбитые локоны, и светлые, с веселыми искорками глаза под тонкими бровями, и задорно приподнятый носик, и кокетливая улыбка.

Денис, хотя и догадался, что перед ним молодая хозяйка, от неожиданности совершенно растерялся. Поднявшись, вытянулся по-военному и как-то неловко, громче, чем следовало, представился:

– Штаб-ротмистр Денис Давыдов...

Женщина слегка откинула назад голову и весело рассмеялась. Потом, пристукнув каблучками, в тон ему произнесла:

– Жена отставного полковника Александра Давыдова...

– Прошу извинить, сударыня, – испытывая смущение и не находя нужных слов, сказал Денис. – Все-таки, кажется...

Аглая очаровательно улыбнулась:

– Все-таки, кажется, я прихожусь вам родственницей, mon cher cousin... Разрешается называть меня по имени... Аглая!

С этими словами она дружески протянула свою изящную ручку. Денис поцеловал с чувством большим, чем допускали правила обычной светской учтивости.

– Мне сообщили о вашем приезде, и я нарочно вышла в сад, – мило болтала Аглая. – Я давно искала случая познакомиться с вами. Мне так много про вас рассказывали...

– Притом, очевидно, мало хорошего?.. – заметил Денис.

– О, я знаю, что вы поэт, а поэтам позволительны некоторые вольности... Я не смотрю на дебоширства и увлечения молодежи строго, я вообще не строгая...

И Аглая, соорудив кокетливую гримаску на лице, опять рассмеялась. Затем предложила:

– Ну, пойдемте же в дом... Я приказала подавать завтрак... Мой толстяк уже поднялся и будет рад вас видеть, хотя, – она снова сделала плутовскую гримаску, – может быть, и не так сильно, как я...

– Ох, кухня, – притворно вздохнул Денис, – боюсь, что в таком случае брат Александр Львович совсем от меня откажется...

– Не опасайтесь! Он слишком пристрастен к гастрономии и обладает таким завидным аппетитом, что это исключает его внимание к моим собственным вкусам и склонностям, – откровенно, в прежнем шутливом тоне сказала Аглая. – Впрочем, я на него не обижаюсь... Он всегда мил и любезен!..

... Так произошло это знакомство. Дни пребывания в Каменке проносились, словно в угаре. Понадобилось немного времени, чтобы Денис почувствовал себя влюбленным в Аглаю, хотя ее поразительное легкомыслие постоянно удивляло и несколько разочаровывало. Денис понимал, что ее чувства к нему не выходят за рамки временного увлечения, мучился, ревновал, но не хватало сил расстаться с «волшебницей», как называл он свою ветреную кухню.

В доме, как он заметил, все перед Аглаей благоговели. Екатерина Николаевна просто не знала, чем угодить невестке, и весь день не разлучалась с прелестными крохотными ее дочками – Китти и Аделью. Веселая мама отдала их на полное попечение бабушки безропотно. Старый граф Самойлов с женой племянника был нежен и предупредителен. Софья Львовна, тридцатилетняя чопорная и недобрая дама, состояла с Аглаей в самых дружеских отношениях, хотя тайно ревновала к ней своего супруга, пожилого и тучного генерала Бороздина.

Денис и приехавший вскоре Базиль, недолюбливавший сестру Софью, постоянно этой ревностью забавлялись. Базиль, сидевший обычно за обедом рядом с Бороздиным, напротив сестры, заметил, что, как только генерал начинал слишком пылко оказывать внимание Аглае, сестра весьма чувствительно охлаждала его пыл нажимом своей ножки.

Однажды Базиль, сговорившись с Денисом, нарочно выдвинул вперед свои ноги, взяв таким образом под защиту генерала. А тот как раз находился в особенно игривом настроении и в комплиментах Аглае так и рассыпался.

Базиль молча и мужественно терпел причиняемую сестрой боль. Генерал безнаказанно продолжал любезничать. Софья Львовна, озадаченная тем, что обычные приемы на мужа не действуют, выходила из себя и, краснея все больше, учащала нажимы. Денис, следивший за ней, едва удерживался от смеха. Наконец Базиль не выдержал.

– Что с тобою, Софи? – сказал он, обращаясь к сестре. – Ты так возбуждена! Посмотри, на тебе лица нет...

– Мне просто немного жарко, – ответила Софья Львовна, обмахивая лицо веером.

– Да, но тогда зачем же ты все время давишь мне ноги? Я рискую остаться калеккой... А я еще не генерал и не могу надеяться на пенсию...

– Глупо и пошло! – вспыхнув до корней волос, сказала сестра. И в сильнейшем негодовании, сдерживая злые слезы, быстро ушла в свою комнату.

После обеда, выйдя с Базилем в сад, Денис заметил;

– Обиделась сестра Софья смертельно...

– На здоровье! – сердито отозвался Базиль. – Это ей за Раевских... Ты знаешь, почему Софья Алексеевна с детьми отсюда уехала? Сестра нарочно сказала Александру, будто Раевская плохо отзывалась об Аглае, еще что-то прибавила. Александр грубить начал. Аглая тоже хороша... В общем, история некрасивая... Мне прямо стыдно перед братом Николаем Николаевичем!

Базиль, произведенный в корнеты, намеревался ехать в Молдавскую армию. Раевский брал его к себе адъютантом. Ссора в семье, понятно, была Базилю особенно неприятна. Но к Аглае он все же относился хорошо, смотрел на нее влюбленными глазами.

Как ни странно, в доме один лишь Александр Львович, растолстевший и полысевший, как будто не замечал своей жены. Аглая оказалась права. Все свои интересы муж сосредоточил вокруг кулинарного искусства. Для него утренний разговор с поваром был, кажется, самым приятным событием дня.

Денис, никогда Александра Львовича не любивший, относился к нему презрительно и даже не ревновал Аглаю. Зато военная молодежь, окружавшая прелестную хозяйку, доставляла немало мучений... Заметив, что Аглая особенно благоволит к поручику Эразму Злотницкому, Денис чуть не вызвал его на дуэль. Аглая с трудом успокоила. Оставшись вдвоем с Денисом, она не поскупилась на клятвы и обещания, но на другой же день забыла о них.

Наконец-то Денис опомнился! Надо было уезжать. Немедленно. Он гостил в Каменке уже две недели, и теперь придется отвечать Багратиону за самовольное продление отпуска.

Вечером, когда прощались, Аглая шепнула:

– Я буду помнить и ждать... Приедешь?

Денис обещал. И в самую последнюю минуту, передавая томик Горациевых од, с которыми не разлучался в Каменке, добавил:

– Ты найдешь там несколько строк для себя, Аглая... Это от сердца написано... Прости. В книжке она обнаружила вчетверо сложенный листок. Развернула, прочитала:

Если б боги милосердные
Были боги справедливости,
Если б ты лишилась прелестей,
Нарушая обещания...
Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы!
Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь – и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!
Голос, взор твой привлекательней.
И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько пленников скитается.
Сколько презренных терзается
Вкруг обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,

Если взор супруга верного
Хотя раз, хоть на мгновение
Обратится на волшебницу!..

Стихи были написаны как подражание одной из од Горация, Аглае они понравились. «Все-таки Денис очень милый», – подумала она. И вздохнула.

ХП

Три года назад, желая ослабить русские военные силы, Наполеон послал в Константинополь генерала Себастиани, поручив ему возбудить турок к враждебным действиям против России. Себастиани свою миссию выполнил превосходно. Нарушая старые договоры, султан сменил дружественных России господарей Молдавии и Валахии, стал препятствовать прохождению русских судов через Дарданеллы. Одновременно французские инженеры, присланные Наполеоном, спешно начали укреплять днестровские и дунайские крепости, а французские офицеры занялись устройством по европейским образцам турецкой армии. Все попытки русского правительства разрешить мирным путем возникший конфликт были отвергнуты.

Тогда русская пятидесятитысячная армия под начальством генерала Михельсона вступила в Молдавию и Валахию, заняла Яссы, Хотин, Бендеры, а затем Бухарест. Славянские народы, стонавшие под жестоким владычеством турок, встретили русских восторженно. Восставшие против своих поработителей сербы освободили Белград.

После Тильзитского мира Наполеон был вынужден несколько изменить свою политику. Он послал в Константинополь генерала Гильемино с целью примирить противников и «оказать всяческое пособие России», но, по всей вероятности, генерал получил и тайную инструкцию иного рода, ибо на деле задерживал заключение перемирия. Русский уполномоченный Лошкарев, договаривавшийся с турками, сообщал: «Если бы одному быть с турком, то, конечно, лучше б было; няньку же иметь трудно».

Все же договор о перемирии, по которому туркам запрещался доступ на левую сторону Дуная, а русские обязывались очистить дунайские княжества, осенью 1807 года был заключен. Однако стоило русским войскам выступить из занимаемых мест, как турецкие янычары стали неистово грабить и резать славянское население, мстя за сочувствие русским. Войска приостановились.

Император Александр, назначивший главнокомандующим Молдавской армии дряхлого фельдмаршала Прозоровского, приказал ему «возобновить военные действия, если турки подадут к тому повод». Но турки прислали своих уполномоченных в Яссы, чтобы начать снова переговоры о мире. Россия потребовала присоединения к ней Бессарабии, Молдавии и Валахии, а также признания независимости сербов.

В это время в Константинополе появился английский посол сэр Роберт Эдер, а у входа в Дарданеллы остановилась эскадра адмирала Коллингвуда. Заверив султана в своей помощи, англичане склонили его вновь продолжать военные действия против русских.

Переговоры о мире были прерваны. Прозоровский приступил к осаде сильных турецких крепостей Браилова, Измаила и Журжи, но потерпел неудачу. В помощь фельдмаршалу, никогда не отличавшемуся военным дарованием, был прислан Михаил Илларионович Кутузов. Тогда Прозоровский, чувствуя во всем превосходство над собою талантливого генерала, недовольный тем, что отдельные начальники стали обращаться за советами и наставлениями непосредственно к Кутузову, постарался от него отделаться. Вскоре после этого Прозоровский, так ничего и не сделав, умер.

Весть о назначении главнокомандующим Багратиона войска Молдавской армии встретили с понятной радостью.

– Слава богу, прилетел наш сокол, теперь туркам несдобровать, – говорили солдаты.

Прибыв в главную квартиру, находившуюся в Галаце, Денис застал Багратиона в разгаре работы по подготовке наступательных действий. Сознавая свою вину, Денис ожидал справедливых упреков за опоздание, но Багратион избрал другой способ наказания. Он не пожелал видеть своего провинившегося адъютанта, пять дней не допускал к себе и не давал никаких поручений, а при встречах делал вид, что не замечает его. Дениса такое отношение человека, доверием и любовью которого он всегда дорожил, привело в полное отчаяние.

– Пойми, я не в состоянии больше выносить эту казнь, – признавался он старому приятелю Офросимову, продолжавшему служить в адъютантах у князя. – Я виноват, знаю, ну и пусть накажет, хоть в солдаты разжалует, все готов вытерпеть, только не это презрение.

Офросимов молча вздыхал. Жалко было Дениса. Да что поделаешь! Дважды пробовал намекать Багратиону – тот словно мимо ушей пропускает.

Выручил неожиданно Матвей Иванович Платов. Он командовал авангардом армии. Дружески встретив в главной квартире Дениса, узнав о его прегрешениях, старый атаман, подморгнув глазом, сказал с обычной хитринкой:

– Попытаюсь, братец, нападение с фланга произвести... Уповай на казачий умишко!

При разговоре с Багратионом, старым своим соратником, Платов пожаловался:

– В командирах нужду терплю, ваше сиятельство... Ни в одном полку до комплекта офицеров не хватает...

– Знаю, Матвей Иванович, да ничем пока помочь не могу, – ответил Багратион. – Вчера генерал Марков говорил, у него с офицерами похуже, чем у тебя.

– Мне бы хотя из тех, что при главной квартире без дела сидят, – смело вставил Платов. – Нынче встретил тут одного... Офицер боевой, мне известный... Я бы ему под команду казачий полк отдал...

– Это кто же?

– Штаб-ротмистр Денис Давыдов...

Багратион взглянул в глаза атаману и, догадавшись о его хитрости, рассмеялся:

– Вот что! За Давыдова хлопчешь? Договорились, видно, на кривой меня объехать...

– Я бы впрямь к себе его взял, Петр Иванович, – переходя на приятельский тон, сказал Платов. – Томится человек без дела-то. Смотреть жалко!

– Не заступничай, – перебил Багратион, – сам молодца люблю, да нельзя с ним иначе... Помнишь, как Суворов говаривал? «Субординация или послушание – мать дисциплины...» А Давыдов, давно примечаю, своевольничать любит, никакой субординации признавать не желает! Вот и хочу, чтобы холодным ветерком горячую голову обдуло!

Матвей Иванович, хотя и состоял в генеральском звании, до субординации был сам небольшой охотник. Он произнес многозначительно и со вздохом:

– Так-то оно так, ваше сиятельство, да как бы совсем головы не застудить...

Багратион задумался, слова атамана принял к сведению. В тот же день Денис, вызванный князем, во всем чистосердечно ему признался. Багратиона тронуло полное раскаяние адъютанта. Сделав ему наставление, простил. Но когда через несколько дней Денис, – выбрав удобную минуту, намекнул о своем желании опять служить в авангарде, князь решительно отказал:

– Никуда, душа моя, не собирайся... Будешь состоять при мне. Работы хватит!

Дело было, конечно, не в работе, а в том, что Багратион, ценя многие хорошие качества Дениса, лучше, чем кто-нибудь другой, знал его недостатки и желал их исправить. Багратион еще в прусскую кампанию имел возможность убедиться, что горячему и храброму офицеру недостает выдержки и дисциплины. Кульнев при откровенном разговоре тоже отметил склонность Дениса под влиянием настроения или отважного порыва поступать иной раз по-своему, вопреки приказу. Багратион и Кульнев не были педантами, сами, следуя суворовским заветам, поощряли в офицерах и солдатах самостоятельность, инициативность, ограниченную, однако,

разумной необходимостью. Беда Дениса заключалась в том, что при пылком темпераменте и необузданности желаний он часто выходил за рамки необходимости, проявлял своеволие и мог тем самым погубить себя. Случай, который произошел в Каменке, настораживал. Служи Денис не у Багратиона, самовольное продление отпуска могло кончиться для него потерей мундира.

Оставив при себе Дениса, Багратион внимательно следил за ним, нарочно давал поручения, требовавшие особенной выдержки, дисциплины, точности. Денис служил ревностно, не своевольничал. Урок, видимо, пошел на пользу. Во всяком случае, сдерживать свои порывы и желания он научился.

... В середине августа войска Молдавской армии начали наступление. Одна за другой пали турецкие крепости Матчин, Гирсово, затем Измаил и Браилов. Корпус генерала Маркова, по приказу Багратиона, продвинулся к Черному морю, занял приморские крепости Кюстенджи, Мангалию и Каварну. Сам Багратион с основными силами армии, наголову разбив турок под Рассеватом, подошел к придунайской крепости Силистрия.

Исполняя приказы главнокомандующего, Денис не раз проявлял высокое мужество, был дважды представлен к награждению, но, как и в прошлую кампанию, ничего, кроме общего для всей армии «высочайшего благоволения», не получил. Багратион полагал, что награждение Дениса задерживает кто-то в военной коллегии, и собирался доложить об этом лично государю. Денис, отлично знавший истинные причины, говорить на эту тему с князем считал неудобным: Багратион пользовался благосклонностью Александра, служил ему преданно. Впрочем, вскоре и он познал меру царской благожелательности.

Крепость Силистрия считалась сильнейшей на Дунае. Она была обнесена высокими стенами, защищена глубоким рвом с контрминами. Гарнизон состоял из двенадцати тысяч солдат при двухстах пушках. А в русских войсках, обложивших крепость, чувствовался недостаток в боевых снарядах, солдаты до крайности обносились, подвоз провианта замедлялся осенней распутицей, усилились страшные эпидемические болезни. Деньги же для закупки продовольствия у местного населения отпускались скупно. Все требования главнокомандующего застреивали в военном министерстве. Багратиону часто приходилось расходовать на питание солдат собственные средства.

«Я сам с ними ничего не жалею, последней копейкой моих верных пою и кормлю, – доносил он военному министру Аракчееву, – лучше умру, нежели покажу из суммы экстраординарной. Умру честно и голый»¹⁸.

В таких условиях вести осаду Силистрии не представлялось возможным, да не было и нужды. Багратион правильно решил, что лучше всего перевести войска на левый берег Дуная, перезимовать, а с весны идти на Балканы. Этот план давал также возможность оказать большую помощь храбро сражавшимся за свою независимость сербам. Однако император Александр, не желая ни с чем считаться, требовал во что бы то ни стало взять Силистрию и продолжать наступление.

В это время в Петербург из Константинополя прибыл молодой барон Гюбш, сообщивший императору, что среди турок идут раздоры и поэтому, по его мнению, разбить их сейчас не представляет никакой трудности. Император поверил барону и отклонил все справедливые доводы Багратиона. Получив это сообщение, князь пришел в негодование.

– Как? Русскому главнокомандующему нынче верят меньше, чем мальчишке, не имеющему никакого понятия! – воскликнул он, не стесняясь присутствия адъютантов. – Мне нет доверия! Немецкий щенок стоит больше! Отблагодарили, спасибо! Да все равно, чего не надо – делать не буду, я не двуличка! Баста! Подаю в отставку! За дураков не ответчик!

¹⁸ Интересно отметить, что Багратион, проявивший заботу о своих войсках, сумел все же получить на содержание госпиталей два с половиной миллиона и на добавочное жалованье солдатам и офицерам два миллиона рублей. Эта огромная по тому времени сумма значится в росписи государственных расходов за 1811 год (М. Богданович, История царствования Александра I, т. III, 1869 г.).

В феврале 1810 года Багратион получил отставку. На его место назначался молодой генерал Николай Михайлович Каменский.

Денису новый главнокомандующий был известен по прошлым кампаниям с хорошей стороны. К тому же в армии собрались почти все близкие люди: Раевский, Кульнев, Базиль, Левушка... Был слух, что и Ермолов, произведенный в генерал-майоры и находившийся в Галицийской армии, переводится сюда. Тем не менее Денис, привязанность которого к Багратиону выросла еще сильнее, не раздумывая, решил следовать за ним.

Но князь, поблагодарив за любовь и преданность, сказал:

– Я сам не знаю, куда меня пошлют... Можешь пока остаться у Кульнева, однако ж помни, душа моя, что я считаю тебя своим. Ежели получу назначение, приезжай, всегда рад буду...

– Постоянное внимание и доверие вашего сиятельства делают меня навек самым признательным должником вашим, – с чувством ответил Денис. – Служба у вас – счастливейшие дни моей жизни! И ничто не может удержать меня, чтобы при первом известии незамедлительно явиться к вам...

– Ну, это еще как тебя отпустят! – с благодушной иронией заметил Багратион.

– Я полагаю, что Яков Петрович Кульнев...

– Да не в нем дело, душа моя! – перебил, улыбаясь, Багратион. – Кульнев-то отпустит, а вот что скажет прелестная Аглая Антоновна?

Поняв, что князь намекает на «каменский случай», Денис смутился, покраснел.

– Я дал слово вашему сиятельству...

– Шучу, шучу, не обижайся! – поспешил успокоить Багратион. – Кто богу не грешен, кто бабке не внук! Я уверен, впредь с тобой того не случится... А теперь, пока здесь начальствую, – после небольшой паузы закончил он, – даю тебе в награду за примерную службу отпуск на месяц... Меня, кстати, до Киева проводишь!

Денис от такого предложения не отказался. Армия, все-таки переведенная Багратионом на левый берег Дуная, стояла на зимних квартирах, боевых действий пока не предвиделось. Да и то сказать: служил ведь без надежд на отличия и награды. Вправе хоть чем-нибудь вознаградить себя! И конечно, провел свой отпуск в Каменке, где встречен был более любезно, чем сам предполагал.

Тем временем новый главнокомандующий наводил в армии свои порядки. Войска, до сих пор знавшие Каменского как способного и храброго генерала, были поражены огромной переменой, происшедшей с ним. Дело объяснялось просто. Сын фельдмаршала, жестокого крепостника и самодура, убитого в прошлом году крестьянами за вечные издевательства, Каменский унаследовал от родителя дурные черты его характера. Находясь в небольших чинах, он не проявлял этих черт слишком наглядно, но, постепенно возвышаясь, пользуясь благосклонностью императора Александра и Аракчеева, все более и более становился заносчивым, завистливым, жестоким. После убийства отца стал мстительным и окончательно перешел в лагерь поклонников палочной дисциплины. Это обстоятельство, очевидно, и послужило одной из главных причин для назначения Каменского на пост главнокомандующего.

Император давно уже с неудовольствием наблюдал за деятельностью Багратиона, устранившего войска по суворовскому образцу. Человеческое отношение к «нижним чинам» и разумное поощрение солдатской инициативы казались недопустимым либерализмом.

Назначая Каменского, император сказал ему:

– Князь Петр Иванович слишком мягок, не всегда придерживался установленных правил, несколько распустил войска... Надеюсь, вы наведете там настоящий порядок... Я предоставляю вам полную свободу действий!

Приехав в армию, Каменский издал приказ, полный угроз тем, кто не будет оказывать ему доверия. На другой день отменил все «поблажки», введенные для «нижних чинов» Багратионом. Приказал расстрелять без суда нескольких солдат, виновных в различных мелких нару-

шениях приказов. Полковым командирам предложил усилить строгость и по своему усмотрению гонять провинившихся солдат сквозь строй до трех тысяч раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

I

(стр.)

Все даты в хронике даны по старому стилю.

II

(стр.)

Мой дорогой князь (франц.)

III

(стр.)

Вам я могу признаться (франц.)

IV

(стр.)

«Сколько ран, мосье?» – «Семь, ваше величество», – «Столько же знаков чести!» (франц.)

V

(стр.)

Не бойтесь, вам не сделают ничего плохого! (франц.)

